ISSN № 0130-7045

В этом номере

ИЗ ЛЕНИНСКОГО ИДЕЙНОГО НАСЛЕДИЯ

Н. МЕТЕЛКИН

СЛОВО о рабочей совести

В. КОНОНЕНКО

СЛУЖБА ДОБРОТЫ

20 лет полета Юрия ГАГАРИНА

НАУКА И РЕЛИГИЯ

З. ТАЖУРИЗИНА, К. НИКОНОВ

ЧТО ТАКОЕ СТАРЧЕСТВО?

Имре МИКЛОШ

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ В ВЕНГРИИ

С. БУЛАНЦЕВ

СТРАНА ГРОМОВЫХ ДРАКОНОВ

4 • 1981

Этот небольшой (8 страниц, не считая обложек) альбом с простым и выразительным заголовком — «Ильич» — среди других ленинских реликвий хранится в музее «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле». Стало уже традицией, что наши космонавты перед полетом приходят на Красную площадь, к Мавзолею, и в комнаты, где жил и работал Ильич. Когда летом прошлого года сюда пришли Ю. Малышев и В. Аксенов, им вручили факсимильное — точное фотографическое воспроизведение альбома «Ильич». Сейчас этот экземпляр с надписью: «Этот дорогой всем нам сувенир был на борту космического комплекса «Салют-6» — «Союз-36» — «Союз Т-2» 5—9 июня 1980 г.» — тоже стал экспонатом музея.

Все, кто приезжает в Москву, прежде всего приходят на Красную площадь, к Мавзолею, — отдать дань памяти вождю пролетарской революции. Делегация Мексиканской коммунистической партии — у Мавзолея В. И. Ленина.

Фото А. Казимирова и Фотохроники ТАСС.

Пионеры на торжественной линейке у памятника Ленину в г. Ульяновске.

НАУКА И РЕЛИГИЯ 4·81

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Издается с сентября 1959 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

НАША ОБЛОЖКА

В нашем календаре апрель отмечен двумя красными числами — знаменательными датами.

22 апреля 1870 года родился великий продолжатель дела Маркса и Энгельса, основатель Коммунистической партии нашей страны и первого в мире социалистического государства Владимир Ильич Ленин. Эту дату чтут все прогрессивные люди Земли. В этом году мы отмечаем День памяти Ленина в обстановке всеобщего политического и трудового подъема, вызванного историческими решениями XXVI съезда КПСС. Мы хорошо знаем: наши успехи в деле коммунистического строительства — самый лучший памятник вождю пролетарской революции, выполнение его бессмертных заветов.

Одно из великих дел нашего народа, идущего по ленинскому пути, — завоевание Космоса. 20 лет назад — 12 апреля 1961 года впервые в истории человечества сын Земли, разорвав казавшиеся прежде непреодолимыми путы ее тяготения, взлетел в космическое пространство. Первопроходцем Космоса стал гражданин нашей Социалистической Родины Юрий Алексеевич Гагарин. В честь этого события мы и празднуем 12 апреля День космонавтики.

На второй странице обложки — альбом, в котором Надежда Константиновна Крупская собрала фотографии, наиболее удачно, по ее мнению, запечатлевшие ленинский образ. Здесь Ленин, играющий в шахматы в гостях у Горького на острове Капри (1908 г.); несколько фотографий, сделанных на Красной площади: во время первомайской демонстрации 1919 года, у временного памятника Марксу и Энгельсу, на параде войск Всевобуча; снимки на II и III конгрессах Коминтерна; на I Всероссийском съезде учителей; в селе Кашино; перед звукозаписывающим аппаратом. И скорбный снимок похорон Ленина...

Всего два десятилетия назад состоялся первый космический полет человека. Казалось бы, это время — мгновение в истории. Однако, всего двадцать или уже двадцать? Достижения научно-технической революции удивительно «сжали» время. Сейчас за год происходит гораздо больше событий, чем когда-то за столетие или даже тысячелетие. Вспомним хотя бы, что за один только час современные космические аппараты пролетают десятки тысяч километров. И хотя профессия космонавта на Земле — самая редкая и, пожалуй, самая героическая, мы уже, по сути, привыкли к тому, что над нашей планетой живут, трудятся, отдыхают и даже развлекаются земляне.

На третьей странице обложки помещены фотографии, сделанные космонавтами в Космосе. Они рассказывают о буднях космического полета.

ИЗ ЛЕНИНСКОГО ИДЕЙНОГО НАСЛЕДИЯ

ОТ ВОЙНЫ — К МИРНОМУ

Б. МАРЬЯНОВ

Осуществляемая Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС многотомная «Биографическая хроника» Владимира Ильича Ленина день за днем воссоздает впечатляющую картину титанической деятельности вождя Октябрьской революции, создателя и руководителя первого в истории социалистического государства. Журнал «Наука и религия» уже знакомил своих читателей с этим изданием (см.: 1971, № 4; 1972, № 4; 1973, № 4; 1975, № 11; 1976, № 4; 1978, № 4, 6). Недавно вышедшие 9-й и 10-й тома охватывают период с июня 1920 по июль 1921 года. Приведенные на их страницах факты и документы (около полутора тысяч ленинских документов печатается впервые полностью или частично) существенно пополняют опубликованное идейное наследие Ленина, всесторонне характеризуют его многогранную деятельность в один из наиболее сложных периодов в истории Коммунистической партии и Советского государства — период разгрома коалиции сил международного империализма и белогвардейской контрреволюции и перехода к мирному социалистическому строительству. В обзоре использованы также некоторые материалы вышедшего к 110-й годовщине со дня рождения Ленина 39-го «Ленинского сборника».

Беспримерная по напряжению деятельность Ленина, запечатленная в двух томах «Биографической хроники», охватывала все стороны жизни молодой Советской республики. В то время, когда шла война, Председатель Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороны руководил Реввоенсоветом республики, осуществлял общее руководство боевыми действиями Красной Армии. После победоносного завершения гражданской войны главные усилия Ленина сосредоточены на руководстве партийным строительством, экономической, политической и культурной жизнью страны, ее международными отношениями.

По страницам «Биографической хроники» мы прослеживаем, как Ленин руководил преодолением хозяйственной разрухи и переходом к новой экономической политике, как под его руководством разрабатывался план ГОЭЛРО и делала первые шаги электрификация страны, как восстанавливалось сельское хозяйство, как шло строительство многонационального Советского государства, как решались проблемы ликвидации неграмотности, развития образования, культуры, науки.

В ходе хозяйственного и культурного строительства возникали порой и вопросы, так или иначе касавшиеся религиозных верований трудящихся масс, деятельности религиозных организаций, задач пропаганды научных, материалистических знаний. И каждый раз такие проблемы ставились и решались в духе ленинского принципа «**подчинения** борьбы с религией борьбе за социализм».

В 10-м томе «Биографической хроники», фиксирующем события с января по июль 1921 года, читаем: «**Между 9 и 21 апреля.** Ленин пишет записку секретарю ЦК РКП(б) В. М. Молотову с указанием на допущенную в адресованном губкомам письме ЦК неудачную формулировку задач парторганизаций в области антирелигиозной пропаганды; предлагает издать дополнительное письмо от имени Центрального Комитета с разъяснением этого вопроса». В записке (она опубликована в 52-м томе Полного собрания сочинений, стр. 140) говорилось:

«...Если память мне не изменяет, в газетах напечатано письмо или циркуляр ЦК насчет 1 мая, и там сказано: **разоблачать ложь религии** или нечто подобное.

Это нельзя. Это нетактично. Именно по случаю пасхи надо рекомендовать **иное:**

не разоблачать ложь,

а **избегать, безусловно, всякого оскорбления религии.**

Надо издать дополнительно письмо или циркуляр. Если Секретариат не согласен, то в Политбюро».

В нескольких строках сконцентрирована самая суть ленинских принципов продуманного, осторожного подхода к антирелигиозной работе, уважительного, доброжелательного отношения к трудящимся, еще пребывающим в плену религиозных иллюзий, недопустимости какого бы то ни было оскорбления религиозных чувств верующих (вспомним ленинское требование относиться «с полным уважением ко всякому искреннему убеждению в делах веры» — Полн. собр. соч., т. 15, стр. 157).

СТРОИТЕЛЬСТВУ

По страницам новинок Ленинианы

19 июля 1920 года было для Ленина обычным по насыщенности трудовым днем. Утром он прибывает из Москвы в Петроград, чтобы принять участие в открытии II конгресса Коммунистического Интернационала. Выступает на заседании с докладом о международном положении и основных задачах Коминтерна. После заседания с группой делегатов отправляется на Каменный остров, чтобы осмотреть открытые там дома отдыха для рабочих. Затем едет на площадь Жертв Революции (Марсово поле), где принимает участие в церемонии возложения венков на могилы борцов, погибших за дело революции. Оттуда — пешком на Дворцовую площадь, где выступает с речью о внутреннем и международном положении Советской республики на многотысячном митинге, посвященном закладке памятников героям Парижской Коммуны и Карлу Либкнехту и Розе Люксембург. Заехав по пути на вокзал на квартиру к М. Горькому, Ленин в 8 часов вечера отбывает обратно в Москву... Объектив фотоаппарата запечатлел Ильича с делегатами II конгресса Коминтерна на площади Жертв Революции.

Ленинское указание было исполнено: в дополнение к циркуляру, помещенному ранее, Центральный Комитет РКП(б) 21 апреля опубликовал в «Правде» письмо, предписывавшее при праздновании 1 Мая «ни в коем случае не допускать каких-либо выступлений, оскорбляющих религиозное чувство массы населения».

18 мая того же 1921 года Ленин, как сообщает «Биографическая хроника», участвовал в заседании Пленума ЦК РКП(б), на котором обсуждался вопрос об отношении к нарушениям пункта 13 Программы партии (этот пункт касался постановки антирелигиозной пропаганды) и об отношении к членам партии, совершавшим религиозные обряды. Ленин просмотрел первоначальный проект постановления Пленума по этому вопросу, сделал пометки и подчеркивания и написал предложения к проекту резолюции:

«...Переделать в направлении таком, чтобы не выпячивать вопроса о борьбе с религией (например, выкинуть § 7) и допустить, с рядом особо ограничительных условий, оставление в партии верующих, но заведомо честных и преданных коммунистов.

Борьбу с религией поставить научнее.

(§ 10 долой)

Утвердить в Политбюро.

Начать кампанию после серьезной подготовки» (Полн. собр. соч., т. 54, стр. 440).

И здесь — та же принципиальная, последовательная линия: не выдвигать борьбу с религией на первое место, отнюдь ей не принадлежащее, подчинить ее общим задачам социалистического строительства. В связи с этим и был по предложению Ленина изъят из первоначального проекта резолюции седьмой параграф, в котором предлагалось вопрос об отношении партии к религии поставить «перед всеми ячейками и комитетами партии. Агитпропотделу разработать предварительно и разослать тезисы доклада. Протоколы собраний, как и вообще все материалы, относящиеся к этому вопросу, обязательно собрать на местах, прислать в ЦК и разработать для доклада XI съезду РКП».

В окончательном тексте постановления прямо говорилось: «По вопросу об антирелигиозной агитации дать директивы всем партийным организациям и всем органам печати не выпячивать этого вопроса на первое место, согласовать политику в данном вопросе со всей нашей экономической политикой...»

Исключен был по требованию Ленина и 10-й параграф, в

котором шла речь о необходимости партии вести самую решительную борьбу с попытками «отдельных служителей культа создать новую организацию церкви», приспособив ее к государственной организации.

Что касается членства верующих в партии, то постановление, детально оговорив возможные здесь жизненные ситуации, зафиксировало невозможность пребывания в партии лиц, занимающих ответственные посты, а также развитых, сознательных, интеллигентных людей, если они сохраняют связь с тем или иным религиозным культом. В связи с указанием Ленина в постановление Пленума был включен особый пункт: «Допускать в отдельных случаях, в виде исключения, участие в партии верующих, если они своей революционной борьбой или работой в пользу революции, защитой ее в опаснейшие моменты, доказывали свою преданность коммунизму; по отношению к ним вести особую работу их перевоспитания и выработки стройного, научного марксистского мировоззрения, которое одно только может вытравить религиозность».

Нашли свое отражение в постановлении и ленинские требования: «Борьбу с религией поставить научнее», «Начать кампанию после серьезной подготовки».

Несколько документов отразили заботу Ленина о неукоснительном соблюдении законности по отношению к религиозным организациям и верующим. В 39-м «Ленинском сборнике» опубликовано подписанное Лениным отношение наркому юстиции Д. И. Курскому от 25 ноября 1918 года:

«Предлагаю Вам совершенно немедленно назначить строжайшее судебное следствие по возмутительному делу об оскорблении действием 80-летнего старца бывшего митрополита московского Макария и о других противозаконных поступках группы лиц, ворвавшихся во время богослужения в Николо-Угрешский монастырь. О ходе следствия прошу меня уведомить...

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)».

Красноречив уже сам стиль и тон документа («возмутительное дело», «строжайшее судебное следствие», «совершенно немедленно» и т. д.). В этих строчках сквозит принципиальная ленинская нетерпимость к нарушению закона — в данном случае принятого в январе того же 1918 года декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», гарантировавшего свободное исполнение религиозных обрядов. Отметим, что уже через неделю, 3 декабря, следственный отдел Наркомата юстиции письменно сообщил Курскому о результатах следствия.

Другой аналогичный пример — сообщение «Биографической хроники» о том, что 27 января 1921 года Ленин прочел переданное ему А. М. Горьким заявление прихожан церкви при Петроградской Военно-Медицинской академии с просьбой отменить распоряжение о закрытии этой церкви и превращении ее в клуб. Ленин переслал заявление руководителю отдела культов Наркомата юстиции П. А. Красикову с запиской, в которой просил разобраться повнимательнее и сообщить о решении вопроса.

Как известно, Ленин неоднократно подчеркивал, что при проведении социалистических преобразований в местах распространения ислама следует учитывать национальную и религиозную специфику в этих районах, разрабатывать особые меры для вовлечения верующих в строительство новой жизни, для нейтрализации влияния исламского духовенства. Это ленинское требование нашло отражение и на страницах «Биографической хроники». 13 июня 1920 года Ленин ознакомился с проектом решения ЦК о задачах РКП(б) в Туркестане, сделал ряд пометок и записей на полях, а в общих замечаниях к проекту предложил, в частности, «вставить ряд **практических** мер, обеспечивающих **постепенное** расширение прав (участия в делах и проч.)... туркестанской **трудящейся** массы крестьян, земледельцев (способы участия; **способы** борьбы с духовенством и панисламизмом и с **буржуазно**-националистическим движением особо **разработать**)». Слова, заключенные в скобки, Ленин отчеркнул на полях двумя вертикальными чертами и написал сбоку «Особенно верно».

Эти ленинские замечания были опубликованы в 41-м томе Полного собрания сочинений (стр. 435—436). А сделанное в тот же день замечание к другому документу — отчету Турккомиссии за период с ноября 1919 по февраль 1920 года публикуется в «Биографической хронике» впервые. Ленин отметил, что в отчете не говорится о духовенстве, о панисламизме, о положении женщин, о неграмотности, и заключил: «Несколько слов на эти темы надо бы добавить».

Нет нужды объяснять, какое значение имели ленинские указания для культурного строительства в Средней Азии, для просвещения — в том числе и антирелигиозного — трудящихся масс этого края. 29 июня Политбюро ЦК РКП(б), исходя из указаний Ленина, приняло постановления «О наших задачах в Туркестане», «Об организации власти в Туркестане», «О партийном строительстве в Туркестане» и утвердило «Инструкцию Турккомиссии».

Обратимся еще к одному ленинскому дню — 31 марта 1921 года.

«Ленин, — сообщает «Биографическая хроника», — читает письмо наркома иностранных дел Г. В. Чичерина в ЦК РКП(б) от 31 марта 1921 г. с предложением обратиться к партийным организациям мусульманских республик и областей с особым циркуляром о необходимости тактичного отношения к мусульманскому быту...»

Чичерин упомянул в письме о том, что видный государственный деятель Нариман Нариманов, в 1920 году занимавший пост председателя Азербайджанского ревкома, затем председателя Совнаркома Азербайджанской ССР, «давал очень ценные указания агитаторам на Востоке именно по этому вопросу. Его речь к муллам о разделении церкви и государства есть образец тактичного подхода к мусульманской публике».

Подчеркнув в письме Чичерина это место и предложение издать циркуляр, Владимир Ильич написал короткую записку (она опубликована в 52-м томе Полного собрания сочинений, стр. 120):

«т. Чичерин!
Я вполне согласен с Вами. Составьте или поручите составить проект такого циркуляра (нельзя ли включить в него всю речь Нариманова или хотя бы рекомендацию ее — это хуже, чем все).
Внесите в Цека.
Это необходимо».

Стремление не оттолкнуть верующие трудящиеся массы, а, наоборот, привлечь их к борьбе за новую жизнь, к социалистическому строительству проявилось и в отношении к тем людям, которые по своим религиозным убеждениям отказывались от военной службы.

Как известно, еще в принятом в январе 1918 года декрете «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» пункт 6, гласивший, что «никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей», был по предложению Ленина дополнен разъяснением: «Изъятия из этого положения, под условием замены одной гражданской обязанности другой, в

каждом отдельном случае допускаются по решению народного суда». 4 января 1919 года Совнарком принял подготовленный при участии Ленина декрет «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» *. Применение на практике этого декрета в 1920—1921 годах нашло отражение и на страницах «Биографической хроники».

В начале августа 1920 года Ленин выслушал доклад управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича об Объединенном совете религиозных общин и групп и сказал, что необходимо подготовить краткую объяснительную записку по делу отказывающихся от воинской повинности по религиозным убеждениям.

Здесь требуется разъяснение: декрет от 4 января 1919 года (пункт 2) ввел такой порядок, чтобы каждый раз при решении вопроса о замене воинской повинности другой гражданской обязанностью народный суд запрашивал экспертизу существовавшего в то время в Москве Объединенного совета религиозных общин и групп: действительно ли то или иное вероучение запрещает участвовать в военной службе. Однако и этот совет, и сектантские руководители на местах использовали гуманный декрет Советской власти во вред молодой социалистической республике. Они применяли декрет как ширму для того, чтобы помочь избежать призыва в Красную Армию многим лицам, чья вера вовсе не запрещает военной службы, а также просто шкурникам и дезертирам. Вот от такого неправомерно расширительного применения декрета и предостерегал Ленин в беседе с Бонч-Бруевичем.

Его опасения на этот счет отражены и на других страницах «Биографической хроники». 8 сентября 1920 года Ленин принял известного сектантского деятеля В. Г. Черткова, в прошлом единомышленника и ближайшего сотрудника Льва Толстого, а в то время — председателя Объединенного совета религиозных общин и групп. Речь шла об издании полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Ленин говорил о том, что надо издать все написанное великим русским писателем, снабдив произведения, дневники, письма исчерпывающими комментариями. Чертков воспользовался этой встречей, чтобы от имени Объединенного совета религиозных общин и групп предъявить претензии: некоторые должностные советские работники, по его словам, нарушают декрет от 4 января 1919 года.

После этого Чертков высказывал подобные претензии еще несколько раз: 2 ноября 1920 года, сообщает «Биографическая хроника», наркому юстиции Д. И. Курскому была направлена по поручению Ленина соответствующая записка Черткова. 11 ноября Ленин получает от Черткова еще одно письмо с такими же жалобами. Владимир Ильич пишет записку заместителю наркома просвещения М. Н. Покровскому, заместителю наркома внутренних дел М. Ф. Владимирскому и заместителю наркома Рабоче-Крестьянской инспекции В. А. Аванесову с предложением образовать специальную комиссию для рассмотрения жалоб Объединенного совета религиозных общин и групп. «Очень просил бы ускорить рассмотрение», — так заканчивается эта записка (см.: Полн. собр. соч., т. 52, стр. 5). По этой записке можно судить, какое большое государственное и воспитательное значение придавал Ленин декрету 1919 года и его точному применению.

Созданная по указанию Ленина комиссия собралась через три дня — 14 ноября. На этом и на следующем (19 ноября) заседании комиссия, изучив приложенные к жалобе материалы, не только признала претензии Объединенного совета религиозных общин и групп необоснованными, но и отметила факты злоупотребления Объединенным советом функциями экспертного органа. 23 ноября итоги работы комиссии были заслушаны на заседании Совнаркома, а 14 декабря Совнарком принял постановление об изменениях и дополнениях к декрету от 4 января 1919 года. Суть их сводилась к обеспечению объективности доказательств в пользу того, что тот или иной отказывающийся от воинской повинности делает это по религиозным убеждениям и его вероучение действительно исключает возможность воинской службы. В измененном декрете больше не фигурировал скомпрометировавший себя Объединенный совет религиозных общин и групп — он был отстранен от экспертизы.

В свете сказанного становится ясным, почему, пересылая управляющему делами Совнаркома Н. П. Горбунову очередную жалобу Черткова, Ленин писал 31 мая 1921 года:

«Надо Вам знать, что Чертков уже раз жаловался на НКюст за неправильное отношение к сектантам. Жалоба была рассмотрена специальной комиссией (под председательством М. Н. Покровского. У него справьтесь дополнительно).

Жалоба Черткова была признана **неосновательной.**

Считайтесь с этим и вникните в дело. Дайте ему правильное направление» (см.: Полн. собр. соч., т. 52, стр. 237).

Эта записка Горбунову связана с проходившим в Москве 19—26 марта 1921 года I Всероссийским съездом сектантских сельскохозяйственных объединений. После того как Объединенный совет религиозных общин и групп был лишен права экспертизы и, по сути, оказался не у дел, стал терять свое влияние среди сектантов, его руководство во главе с Чертковым, опираясь на реакционные сектантские круги на местах, искало возможности консолидировать и активизировать сектантство, в частности и через сектантские производственные объединения. С такой целью и был созван этот съезд. Он был задуман, готовился и проводился под знаком противодействия той линии кооперирования крестьянских хозяйств, которую проводила ленинская партия. «...Организация коммун насильственной государственной властью не имеет ничего общего с христианством», — писал в то время Чертков. Трудовым коммунам в деревне он и его единомышленники стремились противопоставить земледельческие объединения, созданные по религиозному признаку — из единоверцев-сектантов. На съезде сложилась атмосфера недоброжелательного отношения к «политике Советской власти в религиозном вопросе». В резолюциях съезда говорилось о «преследованиях за религиозные убеждения», о «гонениях на сектантскую часть русского трудового народа», выдвигались требования не только об освобождении от воинской обязанности каждого, кто заявит, что это противоречит его религиозным убеждениям, но и о возвращении по домам всех членов сектантских объединений, мобилизованных на военную службу или по трудовой повинности. Содержались в резолюциях съезда и нападки на социалистические формы сельскохозяйственной кооперации.

Естественно, что Ленин, ознакомившись с материалами съезда сектантских сельскохозяйственных объединений, отнесся к этому со всей серьезностью. 19 апреля 1921 года он пишет письмо заместителю наркома Рабоче-Крестьянской инспекции В. А. Аванесову с предложением немедленно организовать комиссию в составе представителей Рабоче-Крестьянской инспекции, Наркомтруда и Наркомзема для изучения постановлений и резолюций съезда сектантских сельскохозяйственных объединений и представления доклада в Совнарком (см.: Полн. собр. соч., т. 52, стр. 157).

В представленном в Совнарком докладе В. А. Аванесов

---

* История подготовки этого декрета, его функционирования и отмены в 1926 г. подробно описана в книге: А. И. Клибанов. Религиозное сектантство и современность (М., 1969) в главе «Сектантство и строительство Вооруженных Сил Советской республики»; см. об этом также: А. Сулацков. Рецидив непротивленчества. «Наука и религия», 1979, № 9.

показал, что решения съезда противоречили политике Советского государства, и предложил принять меры, чтобы предотвратить вредное влияние решений съезда. 16 мая Малый Совнарком поручил Наркомату юстиции совместно с Наркомземом и ВЧК в недельный срок дать на места соответствующие указания.

Не зная, по-видимому, об этом, правление совета съезда направило Ленину 30 мая свое письмо, а также письмо Черткова, приложив к ним постановления, резолюции и другие материалы съезда. Вот их-то и переслал Ленин Горбунову 31 мая, сопроводив запиской с просьбой вникнуть в дело и дать ему правильное направление и с приведенным выше напоминанием о том, что «Чертков уже раз жаловался» и что жалоба его «была признана **неосновательной**».

На фоне принципиального осуждения Лениным всяких попыток враждебной делу социализма спекуляции на религии, использования ее во вред интересам Советского государства особенно наглядно предстает его доброжелательное отношение к тем выходцам из трудового народа, которые еще не избавились от религиозных предрассудков, но искренне приняли революцию, честно трудились для строительства новой жизни.

Поздно вечером 28 февраля 1921 года, сообщает «Биографическая хроника», Ленин принял крестьянских ходоков из села Фоминки Гороховецкого уезда Владимирской губернии И. А. Чекунова и Н. А. Ганявина, беседовал с ними о положении в деревне. После разговора Ильич на полях регистрационной книги записал против фамилии Чекунова: «Старик со светлой головой, не в партии из-за религиозных убеждений».

Под впечатлением этой встречи Ленин на следующий день, 1 марта, пишет большое письмо заместителю наркома земледелия Н. Осинскому (см.: Полн. собр. соч., т. 52, стр. 85—86) о необходимости широкого привлечения имеющих большой практический опыт беспартийных крестьян, в том числе верующих, к работе Народного комиссариата земледелия, о целесообразности создания «совета трудового крестьянства» или «совета беспартийных крестьян».

Об Иване Афанасьевиче Чекунове, который уже был у него на приеме в 1919 году, Ленин пишет в этом письме так: «Сочувствует коммунистам, но не идет в партию, ибо ходит в церковь, христианин (отвергаю-де обряды, но верующий)». А в написанной накануне записке наркому здравоохранения Н. А. Семашко (в которой просит помочь Чекунову приобрести хорошие очки) характеризует его так: «...Очень интересный трудовой крестьянин, по-своему пропагандирующий основы коммунизма» (см.: Полн. собр. соч., т. 52, стр. 83).

Приведем здесь и опубликованный в 39-м «Ленинском сборнике» отзыв Ленина о работнике Северного лесного районного комитета Ф. А. Байрашеве. В сентябре 1920 года Ленин записал (выделенные слова подчеркнуты двумя чертами): «Использовать его. **Мусульманин**... Очень дельный. Очень **честный**. **Очень** энергичный человек. Искреннейший». На первое место здесь поставлены и особо подчеркнуты деловые и нравственные качества человека, а то обстоятельство, что он верующий, по мнению Ленина, отнюдь не препятствует более активному привлечению его к работе на пользу народному делу.

Как видим, какой бы вопрос, так или иначе связанный с религией, ни возникал в ленинской практике, он всегда решался с позиций государственных интересов молодой Советской республики, интересов трудовых народных масс, с учетом выработанных партией принципов отношения к религии, религиозным организациям, верующим людям.

„СОЗДАТЬ

Все религии обращают особое внимание на быт, образ жизни в семье, нормы поведения в доме, в обществе, но, пожалуй, ни одна из них так тесно не переплелась со всем укладом жизни своих последователей, как ислам. Эту религию часто называют бытовой, что, разумеется, не является исчерпывающей характеристикой, но точно подмечает ее специфику. Ислам регламентирует быт, устанавливает нормы общения, определяет правила поведения буквально во всех жизненных ситуациях, в семейных отношениях, предписывает, как приготовлять пищу, располагать комнаты в доме и т. п. Эти правила, зафиксированные в Коране и шариате, на долгие века законсервировали мусульманский быт, и в районах традиционного распространения ислама в нашей стране он сохранялся почти в неприкосновенности еще довольно долгое время и после победы Советской власти.

Б. Рыспаев.

Социалистические преобразования, свершившиеся во всех сферах жизни народов Средней Азии и других районов, где жили мусульмане, вызвали коренную ломку старого быта. Это имело огромное значение для преодоления ислама в духовной жизни бывших мусульманских областей.

Однако известно, что быт, семейный уклад, особенно в сельской местности, труднее других сфер жизни поддается изменениям. Именно здесь сильнее держатся пережитки прошлого, а сохраняясь в быту, они оказывают влияние и на другие области жизни. Поэтому и сегодня атеистическое воспитание населения, формирование материалистического мировоззрения самым тесным образом связаны с повышением культуры быта, перестройкой его на новой основе. В одном из своих выступлений А. В. Луначарский заметил, что, для того чтобы окончательно преодолеть религию, «необходимо прежде всего создать светлый, счастливый быт». Как же идет этот процесс в районах, где ислам в течение многих веков имел сильные корни и традиции, — таких, например, как юг Киргизии, — та часть Ферганской долины, где находится Ошская область республики. Об этом нашему корреспонденту О. Брушлинской рассказал секретарь Ошского обкома Компартии Киргизии Барпы РЫСПАЕВ.

СВЕТЛЫЙ, СЧАСТЛИВЫЙ БЫТ...”

У НАС в области немало городов, поселков, аилов, где за последние годы резко повысилась культура быта, что проявилось и в облике улиц и домов, и в новых чертах уклада, интернационализации быта, и в образе жизни людей. Вот, например, поселок совхоза «Кызыл-Джар» Ленинского района. В числе 30 лучших в стране ему по итогам Всесоюзного конкурса-смотра на лучшую застройку и благоустройство сельских населенных пунктов присуждены диплом первой степени, первая премия и золотая медаль ВДНХ СССР.

Совхоз — крепкое хозяйство. За годы десятой пятилетки он получил более 8 миллионов рублей прибыли. Руководство совхоза разумно распоряжается доходами, зная, что дальнейшее их увеличение не в последнюю очередь зависит от условий жизни рабочих и их семей, организации их быта и досуга. Поселок имеет план социально-экономического развития. Кстати, замечу: у нас в области такие планы составили и успешно выполняют 10 городов и районов, более 50 предприятий, колхозов и совхозов. В числе других задач предусматривается и коренное улучшение быта населения, широкое внедрение новых обрядов и праздников.

Осуществление планов социального развития очень много дает людям. Это видно и на примере совхоза «Кызыл-Джар». В поселке проложен водопровод, в дома подведена горячая вода, улицы заасфальтированы. Построен по лучшим проектам детский сад, создан торговый центр, открыт комбинат бытового обслуживания. Чабаны, полеводы, механизаторы, служащие совхоза — все живут в благоустроенных домах. Загляните в любой — увидите газовые плиты, стиральные машины, холодильники, телевизоры, радиоприемники. Есть в поселке и больница, и медпункты, Дворец культуры на 500 мест, кинотеатр на 600 мест, средняя и восьмилетняя школы, стадион.

Высокая культура быта благоприятным образом сказывается на производительности труда, заинтересованности людей в его результатах. А все это влияет и на характер общественного сознания, оставляет в нем все меньше места для пережитков прошлого. В хороших условиях труда и быта полнее раскрываются творческие возможности людей, они больше времени отводят на чтение, учебу, общение, встречи с интересными людьми, воспитание детей. И разве все это вместе не формирует личность образованную, широко мыслящую? Могут ли в жизни такой личности главную роль играть религиозные установки? Образ жизни, например, таких работников совхоза, как Герой Социалистического Труда Ж. Шералиев, знатные хлопкоробы Б. Беракбаев, Ш. Назаралиев, Т. Ташматов, Б. Ташбаев, А. Абышев, К. Жоробеков, отвечает на этот вопрос определенно.

Бывает, конечно, что в доме, где и телевизор есть, и газеты читают, сохраняются пережитки прежнего семейного уклада, соблюдаются религиозные обряды. Но жизнь показывает, что все же чаще и прочнее пережитки сохраняются, как правило, там, где быт отстает от современного ритма, где дома отгорожены от внешнего мира высокими дувалами, где нет клуба, кинотеатра, библиотеки... Но таких мест у нас в области осталось немного, а в нынешней пятилетке планы социального развития охватят и их.

Наша партия и правительство всегда обращали особое внимание на улучшение быта, повышение культуры жизни, исходя из ленинского положения о том, что главная цель развития социалистического общества — обеспечение **«полного** благосостояния и свободного **всестороннего** развития **в с е х** членов общества» *.

Сегодня мы близки к полному осуществлению этой цели, но еще 60 лет назад она в условиях Средней Азии могла показаться фантастической.

В разговоре о том, как сегодня формируется социалистический быт, способствующий всестороннему развитию личности, нельзя не вспомнить, с чего все у нас начиналось. Надо представить себе, хотя бы в общих чертах, картину жизни города Оша и прилегающих к нему благодатных мест Ферганской долины, которые теперь составляют нашу область, ко времени Великой Октябрьской революции, да и в первые годы после победы Советской власти.

Южная Киргизия была одной из самых отсталых окраин России, где сохранялись феодальные отношения, родовые и патриархальные устои. Бытовой уклад ничем не отличался от средневекового. Голод, нищета и духовное порабощение народа, изнурительный труд, изолированность от всего мира, суеверия и предрассудки — вот характерные черты той жизни. Мы знаем, что этому краю предстояло за десятилетия пройти путь от родоплеменных, феодальных отношений к социализму; от кочевого и полукочевого хозяйства — к оседлости; от примитивных, средневековых орудий труда — к высокоиндустриальному хозяйству; от сплошной неграмотности и темноты — к всеобщему образованию, высокому уровню науки и культуры.

Но тогда это будущее едва начиналось. Дело осложнялось еще одной особенностью нашего края. К этому времени Ош уже в течение нескольких веков играл роль крупного религиозного центра, был своего рода среднеазиатской Меккой. Множество паломников ежегодно устремлялись к Сулейман-горе, расположенной в черте города Оша, на поклон к «пророку» Сулейману-ибн-Дауду, который якобы здесь когда-то жил и творил чудеса, а теперь тут поселился его дух, чтобы помогать людям. В Оше обитали множество мулл, ишанов, разного рода проповедников и знахарей, бахши, строились все новые и новые мечети. К 1917 году здесь их было более ста. Действовало 54 медресе. Религиозная обстановка в городе сказывалась на всем образе жизни.

При помощи других братских республик Киргизия превратилась в социалистическую республику, были осуществлены глубочайшие социальные преобразования, ставшие основой преображения духовной жизни народа. Осуществлявшаяся вместе с экономическими и социальными преобразованиями культурная революция меняла сознание людей, ослабляла роль и влияние религиозных установлений. Социализм создал киргизскую интеллигенцию — теперь практически в каждом доме есть люди с высшим образованием, и их личный пример, их мнение, взгляды оказывают весьма существенное влияние на быт семьи. Сегодня в области более 80 тысяч специалистов с высшим и средним специальным образованием, характерно, что половина из них — женщины.

Стоит увидеть, как выглядит сегодня древний Ош, и можно представить себе грандиозные изменения в образе его жизни, происшедшие за годы Советской власти. Это крупный промышленный центр, славу которому создает не Сулейман-гора, а самый большой в республике шелковый комбинат, Киргизский

---

* В. И. Ленин., Полн. собр. соч., т. 6, стр. 232.

текстильный комбинат, различные предприятия металлообработки, пищевой промышленности, педагогический институт, филиал Фрунзенского политехнического института. Вдоль ровных, ярко освещенных вечерами улиц тянутся современные дома, тут много скверов, садов и парков. Облик города, его быт, образ жизни определяет во многом современная молодежь. Оживленно на улицах и площадях, всегда полны посетителей клубы, театры, кинотеатры, эстрадные площадки, зоны отдыха.

Интересно сегодня взглянуть и на Сулейман-гору. Здесь создан краеведческий музей — здание оригинальной архитектуры как бы встроено в гору. Подобранная со вкусом и знанием дела экспозиция наводит на серьезные размышления. В музее можно увидеть предметы старого быта, красноречиво рассказывающие о том, как труден он был, скольких требовал усилий, времени. А у подножия горы — лесопарк, создается искусственное озеро. Есть ли паломники, приходящие сюда поклониться Сулейману? Есть, разумеется, но верящих в чудодейственную силу «пророка» стало куда меньше. Более того, многие из них, совершив все обряды, заходят в музей, даже принимают участие в массовых мероприятиях, которые тут проводятся. Резко снизился спрос на шарлатанов-целителей. Ведь в быт людей прочно вошли больницы, посещения врачей, и знахари покинули гору, которая еще совсем недавно была для них земным раем.

Нет давно уже дувалов в городе, ушли они постепенно, и никто о них не пожалел. Теперь люди на балкон выходят пить чай всей семьей. Если бы все это показать какому-нибудь правоверному ишану лет 60 назад, он решил бы, что наступил конец света.

В сельской местности дувалы сохранялись до недавнего времени почти повсеместно. Иные достигали нескольких метров в высоту. На возведение такого ограждения шла почти треть общей стоимости строительства дома. В прежние времена тут даже не разрешалось ехать на верблюде — никто не должен был видеть, что делается за дувалами. Словом, они всегда были символом замкнутости, отгороженности от мира, частнособственнической психологии, тесно связанной с религиозными пережитками.

Комплексные планы социально-экономического развития районов предусматривали и создание красивого облика селений, а с дувалами это не вязалось никак. Начали разъяснительную работу. В селении Уч-Курган посоветовались с аксакалами, разъяснили хозяевам дворов, в чем смысл дувалов. Село это издавна имело весьма неприглядный вид, даже пословица-угроза сложилась: «Покажу тебе Уч-Курган». И именно уч-курганцы в начале десятой пятилетки выступили инициаторами движения за высокую культуру быта, плановую перестройку поселков. Тогда прошел тут праздник освобождения от дувалов — с песнями, музыкой, выступлениями аксакалов, которые рассказали, сколько в прежние времена недоброго, злого скрывали за собой дувалы...

Уч-Курган теперь красивое село, пословица устарела. Новые асфальтированные улицы, вдоль них — нарядные, яркие штакетники, пышные деревья, кусты, цветы возле домов. Сооружены три детских сада, новая средняя школа. Колхозники за пятилетку построили 500 жилых домов по типовым проектам. Почин уч-курганцев был поддержан во всей области, широко развернулось движение за повсеместное создание максимальных удобств для жизни и труда людей.

С тех пор многие селения области по внешнему виду и образу жизни приблизились к городу. Так, улица главной усадьбы колхоза «Коммунизм» Сузакского района — это широкая, покрытая асфальтом магистраль, хорошо освещенная по вечерам. Здесь — новое кирпичное здание правления колхоза, библиотека, кафе, гостиница, в новых просторных магазинах введено самообслуживание. В конце улицы — сельский парк, где на радость детям устроены отличные аттракционы. На полевых станах этого колхоза есть комнаты отдыха с цветными телевизорами, книгами, газетами. Особенно гордятся в колхозе тем, что на полевых станах теперь есть ясли. Во время отдыха женщины могут видеть своих детей, которые находятся в прекрасных условиях. Здесь как бы эталон нового быта, и женщины, наблюдая его, могут многому научиться. За опытом организации полевых станов в этот колхоз приезжают из других хозяйств.

В Сузакском районе накопился полезный опыт социально-экономического развития и культурного строительства. В 1977 году обком партии одобрил эту работу сузакцев и рекомендовал местным органам и трудовым коллективам изучить их опыт. За годы прошедшей пятилетки в районе качественно изменились состояние культуры быта, условия жизни и труда, значительно улучшились размещение и культура производства, повысился образовательный уровень населения, усовершенствовалось медицинское обслуживание, увеличились бытовые услуги и т. д. В 11-й пятилетке все районы и поселки, предприятия, колхозы и совхозы нашей области будут иметь такие планы социально-экономического развития.

Для темы нашей беседы мне представляется важным отметить еще одну направленность переустройства и повышения культуры быта: его огромное значение для раскрепощения женщины от домашних тягот, для вовлечения ее в производственную и общественную жизнь, в культурные мероприятия. Если женщина сидит дома, она отдалена от внешнего мира, погружена целиком в хозяйственные заботы, ей некогда читать книги, ходить в клуб, в кино (да это часто и вызывает возражения семьи), послушать радио. Она отстает от жизни и может долго оставаться в плену религиозных пережитков, да и детей своих будет воспитывать по мусульманским канонам, сохраняя устаревшие традиции.

Для преодоления религиозной идеологии в среде женщин важны и расширение сети детских учреждений, и улучшение медицинского обслуживания, и просветительская работа, и увеличение бытовых услуг. Конечно, надо и среди мужчин вести разъяснительную работу: чтобы помогали женам в хозяйстве, в воспитании детей, ходили вместе с ними в кино, в гости. К сожалению, еще недавно у нас были случаи, когда по санаторной путевке, выданной в колхозе, совхозе или на предприятии женщине, ехал лечиться и отдыхать ее муж. Отпустить женщину из дома для иных мужчин трудно психологически — тут еще нередко вступают в действие с детства привитые мусульманские догмы, требования шариата. И хотя такой человек — неверующий, в быту, в отношении к женщине в его поступках могут проявляться религиозные пережитки.

Сельским женщинам в нашей воспитательной работе уделяется постоянное особое внимание, мы стремимся различными методами развить их сознание, чтобы те из них, кто верит в Аллаха, усомнились в истинности религиозных установлений, могли воспринимать атеистические знания, строили бы быт семьи без мусульманских ритуалов. В каждом районе у нас есть женсоветы, они ведут целенаправленную воспитательную деятельность, в которую органической, необходимой частью входит и атеистическое воспитание. Лекции и беседы на атеистические темы, вечера, встречи с интересными людьми вошли в сельский быт. Пропагандистская, воспитательная работа с женщинами, опирающаяся на серьезные социально-экономические преобразования на селе, приносит хорошие результаты.

Вот, к примеру, колхоз «Россия» Наукатского района. Здесь комплексно и планомерно решаются проблемы социально-экономического и культурного развития, создан координационный совет по

культуре быта. Председатель этого колхоза Т. Зулпиев рассказал мне, что у них в колхозе была распространена анкета, где людей просили ответить, как бы они хотели организовать свой быт, строить отношения в семье, с соседями. Оказалось, многих интересует, как лучше, удобнее оборудовать жилье, причем говорилось и о месте для занятий, чтения книг, газет. Говорили и о том, что хочется одеваться красиво и удобно, не отставать от моды. Многие хотели бы так изменить отношения в семье, чтобы вошли в обычай общие разговоры, беседы, чтобы было побольше внимания друг к другу, к жене и матери, чтобы чаще ходить в гости и принимать гостей, устраивать семейные праздники... Казалось бы, обычные пожелания, но еще совсем недавно — для прежнего киргизского быта — они были не характерны, более того, удивительны. А теперь они решаются в рамках планов социального развития, благодаря повышению культуры быта.

Я убежден: новый быт не придет сам по себе, его надо строить сознательно и планомерно, с учетом всех факторов нашей жизни. Здесь немало забот не только у идеологических работников. Взять хотя бы эти высказанные колхозниками пожелания. Наш долг — помочь им осуществиться практически. Это даст прекрасные результаты и в деле коммунистического воспитания.

Интересный и важный вопрос в проблеме нового быта и его влияния на преодоление пережитков прошлого — семейные праздники и обряды. Как уже говорилось, именно в семейном кругу особенно крепко держатся мусульманские обряды, обычаи, привычки. Еще нередко рождение ребенка, свадьба, похороны, особенно в сельской местности, отмечаются с соблюдением религиозных обрядов. Есть немало людей, которые такие праздники ислама, как ураза-байрам, курбан-байрам, считают неотъемлемой чертой национальной принадлежности. Это также закрепляет в быту пережитки религии.

Единственный путь преодоления таких взглядов, привычек, традиций — внедрение в быт новых, социалистических обрядов. Это дело требует особого внимания, тщательной проработки и подготовки. Такие праздники должны удовлетворять эмоциональные потребности людей, волновать и радовать их не меньше, а сильнее религиозных. Тут еще многое предстоит сделать. У нас в районах уже созданы советы по новым обрядам. В Узгенском районе, например, где зародился этот почин, их уже десятки. Однако следует признать, что еще не везде они выполняют свою миссию, порой существуют формально.

Тут многое у нас делают советы старейшин, которые занимаются, в частности, и организацией семейных и общих сельских праздников. Их заслуга в том, что сейчас на селе отказались от многих устаревших обрядов, сопровождавших, например, рождение ребенка, свадьбу и т. д. Прежде люди боялись нарушить старые обычаи, пока общественное мнение на селе осуждало тех, кто от них отступает. А когда старейшины на сходах разъяснили, что пришла пора многие обычаи менять, что вовсе это не будет нарушением национальных традиций, что обычаи эти не вяжутся с современным образом жизни, люди с легкостью отказались от них.

Однако новый праздник на пустом месте не создашь. Он рождается как отражение новых тенденций в образе жизни.

Недавно у нас в области, например, возникло и получило массовое распространение интересное начинание — создание девичьих бригад. Такие бригады появились у нас несколько лет назад по инициативе самих девушек, которые хотели самостоятельно работать, полнее проявить свои возможности и способности. Скоро они добились высшей в колхозах производительности труда. Дело здесь, видимо, в особой атмосфере приподнятости, хорошего настроения, отличном нравственном климате, который характерен для этих коллективов. Весной и летом девушки работают на полях, и зимой не расстаются, находят себе работу — ремонтируют дома колхозников, коллективно помогают семьям по хозяйству, в устройстве нового быта. А живут они все вместе круглый год, в благоустроенных ими самими домах, поскольку в такие бригады девушки собираются из отдаленных селений. Родители приезжают к ним в гости — для них в девичьем доме отведена самая лучшая комната. Словом, это оригинальная форма нового быта, специфика которой определяется местными условиями.

Девичьи бригады — хорошая школа не только производственного опыта, но и социалистической нравственности, активного отношения к жизни. Весной и осенью они съезжаются в Ош на свой уже ставший традиционным праздник. Здесь чествуют лучших, славят их труд, а потом девушки показывают свои таланты в искусстве. Непременные зрители этих смотров — старики, которые раньше могли бы и осудить дочь или внучку за то, что та появилась на сцене перед всем светом. Праздник этот делает больше, чем десятки иных мероприятий, для воспитания женщин, перестройки их психологии и для формирования нового отношения к женщине.

В дни общенародных праздников традицией становятся у нас в области и массовые гулянья в зонах отдыха, созданных на бывших святых местах. О Сулейман-горе я уже говорил; есть такие зоны и в Узгенском, и других районах. Ведь, как правило, бывшие святые места — это прекрасные уголки природы, где полезно отдохнуть.

Хочу напомнить еще об одной новой черте нашего быта. О ней на одном из областных активов говорил директор винсовхоза «Октябрьский» Н. Г. Порощай. Совхоз этот — многонациональный, в нем трудятся киргизы, русские, узбеки, украинцы, азербайджанцы, курды, немцы, татары. Хозяйство богатое, люди хорошо живут, дружно работают. Интересно, что они перенимают друг у друга различные национальные традиции и обычаи, лучшие черты быта разных народов. Быт в совхозе интернационален, при том что черты национальной культуры бережно сохраняются. Например, все тут любят петь украинские песни; немцы — мастера строить семейный бюджет, у них учится молодежь всех национальностей; узбекский плов — лучшее блюдо в каждом доме и т. д. Нет и следа какой-то отгороженности в быту, все ходят друг к другу в гости. А ведь шариат запрещает мусульманам есть за одним столом с неверными, предписывает тут массу ограничений.

Можно привести еще множество примеров того, как наш советский образ жизни, новый быт, повышение его культуры ослабляют и нейтрализуют влияние религии, способствуют коммунистическому воспитанию людей. Как видим, изменение быта, а вместе и связанных с ним взглядов, привычек, обычаев — проблема, непосредственно связанная с решением народнохозяйственных и культурных задач, которые ставит перед нами партия. И мы постоянно помним, что это также путь преодоления пережитков прошлого, что без него невозможно формирование нового человека — строителя коммунистического общества.

В ходе подготовки к XXVI съезду КПСС наша партийная организация еще раз глубоко проанализировала все, что сделано нами в области коммунистического воспитания. Здесь все имело значение: и укрепление патриотических и национальных традиций, и нравственное совершенствование людей, и внедрение новых обрядов и праздников, и дальнейшее формирование научного мировоззрения, атеистических убеждений, укрепление трудовых коллективов. 11-я пятилетка будет для трудящихся нашей области, как и для всего советского народа, наполнена напряженной работой, новыми свершениями во имя коммунизма.

г. Ош

Слово о рабочей совести

Один из инициаторов почина «Пятилетке качества — рабочую гарантию», бригадир кузнецов московского электромеханического завода имени Владимира Ильича, лауреат Государственной премии СССР Николай Васильевич МЕТЕЛКИН встретился с нашим корреспондентом В. Харазовым и поделился с ним своими размышлениями о том, что такое совесть рабочего человека, как проявляется она в производственной деятельности в рабочем коллективе.

Иногда можно услышать: совесть — глас божий в душе человека. Мне трудно согласиться с этим утверждением. Если исходить из него, то у любого верующего есть совесть, а у любого неверующего, будь он хоть самый прекрасный человек и добросовестный труженик, совести нет. Весь мой жизненный опыт, — а мне довелось побывать на многих заводах и в нашей стране, и за рубежом, познакомиться с разными людьми, — убеждает меня: и среди верующих, и среди неверующих есть люди искренние и есть себе на уме. Есть душевные, отзывчивые и есть черствые, эгоисты. Есть замечательные труженики и есть люди, которые работают так, словно отбывают повинность.

Делить людей на хороших и плохих в зависимости от того, верующие они или неверующие, по-моему, все равно, что делить их на хороших и плохих по цвету кожи, по национальному признаку, по уровню образования или по профессии. Но ведь это само по себе безнравственно!

Каждый человек в нашей стране живет своим трудом. И в то же время не только своим; ежедневно все мы пользуемся плодами работы сотен других людей. И жизнь каждого из нас полностью зависит от творческого и добросовестного, — я хотел бы подчеркнуть это, — добросовестного, то есть исполненного на совесть, труда опять же каждого из нас.

Вот тут-то мы и упираемся в вопрос: что же такое совесть рабочего человека? Думаю, начинается она с верности своей — именно своей — профессии.

В принципе, наверно, любой человек может обучиться любому делу. Но каждая специальность требует от работника сочетания тех или иных качеств. Может быть, именно наличие их и определяет склонность к той или иной профессии. Бывает, что человек сразу находит свое дело и на всю жизнь остается верен ему. От этого всем и польза и радость: и самому человеку, и обществу. Но бывает и по-другому. Я, например, как мне кажется, сразу нашел свое дело. Но призвали в армию, и пришлось из кузнецов переквалифицироваться в мотористы.

После демобилизации хотел опять пойти в кузнецы. Но администрация предприятия попросила выручить — остро не хватало шоферов. Кстати, прийти в трудную минуту на помощь коллективу — тоже один из законов рабочей совести. Конечно, кое-где хозяйственные руководители этим злоупотребляют, ликвидируют за счет авралов результаты собственной нераспорядительности. И все же я думаю, что, как любой из нас, не задумываясь, придет в трудную минуту на помощь своим близким и друзьям, так и свой коллектив, свое предприятие тоже по закону рабочей совести надо выручать в сложных ситуациях.

Так я тогда и рассудил — пошел работать шофером.

Бригадир кузнецов московского завода имени Владимира Ильича Н. В. Метелкин.

Рисунок А. Зайцева.

Вскоре свыкся с новой специальностью. Работал добросовестно, зарабатывал прилично. Начальство меня ценило, товарищи уважали, чего еще, кажется, надо рабочему человеку? А вот поди ж ты — тянуло все время к кузнечному делу. Я уж и сам себя уговаривал: мол, сколько лет у молота не стоял, а ведь уже не мальчишка. Да и заработок поначалу не тот будет, что за баранкой, а у меня — семья... Вот и маялся, пока и жена не сказала: лучше тебе, наверно, опять в кузнецы пойти...

В кузнечном цехе я оказался вначале подручным. Тут и вправду нелегко пришлось. И если бы не товарищи, то, может, и не выдержал бы. Они поддержали меня, а вскоре доверили самостоятельную работу.

Конечно, такие случаи, когда человеку пришлось в силу обстоятельств оставить любимое дело, бывают редко. Гораздо чаще встречается другое: молодые ребята спешат поступать в вуз, как следует не попробовав своих сил ни в одной профессии, не разобравшись в себе и своих способностях. А потом, когда человек уже получил специальность, накопил какой-то опыт работы, он вдруг начинает понимать, что ошибся. И тут, как мне кажется, все зависит от того, насколько этот работник осознает свою ответственность перед собой, своими близкими, коллективом за то, что делает. Найдет он в себе силы переломить судьбу — и сам будет счастлив, и близкие его будут довольны, и общество от этого выиграет.

А не найдет — всем беда, и ему в первую очередь. Потому что если не любит человек свое дело, то и результаты его труда ему безразличны, и заботы коллектива для него — чужие.

Помню, был у нас в цехе рабочий, назовем его Федор Патанин. В общем-то, трудился вроде неплохо. Но был как бы сам по себе. Люди вызывали друг друга на соревнование, включались в разные почины — шел поиск более рациональных приемов и форм труда, — а Федору все это было неинтересно. Ему казалось, что делается это ради славы, для того чтобы отличиться, показать другим: вот, мол, мы какие. Его пытались переубедить, втянуть в жизнь коллектива. Но все было бесполезно. А когда Патанин начал еще и выпивать в рабочее время, пришлось нам с ним расстаться.

Конечно, это крайняя мера. Ведь Патанин «осчастливил» другой коллектив, и получилось по пословице: на тебе, боже, что нам не гоже. Но, с другой стороны, сильная психологическая встряска, может быть, заставила Федора задуматься. Причина этой ситуации мне лично видится в том, что он не прикипел сердцем к своей работе. Значит, скорее всего он занялся не своим делом и оно отомстило ему.

Думаю, на совесть работающий человек в первую очередь исходит из интересов дела. Именно такими людьми и силен коллектив. И наоборот, если для человека важнее какие-то другие, скажем, чисто личные мотивы, это обязательно скажется на результатах его труда, а значит, и на его самочувствии, на отношении к жизни. Вот, казалось бы, совсем разные явления — погоня за длинным рублем и так называемая романтика. А ведь иногда результат бывает один и тот же.

Стремление заработать любой ценой всегда наносит ущерб интересам коллектива, так как при этом в погоне за количеством снижается качество. Значит, в других цехах люди будут маяться с твоими деталями, ты выгадал копейки, а твои смежники потеряют рубли, коллектив — десятки рублей, общество — тысячи. Наверно, каждый из нас сталкивается с тем, когда из-за плохо сработанной пустяковой детали приходится тащить в ремонт телевизор, холодильник, стиральную машину. И мы по справедливости возмущаемся чьей-то халтурой. Но всегда ли сами работаем на совесть? Не поддаемся ли иногда соблазну сварганить побыстрее, не столь тщательно?

Это что касается охотников за длинным рублем. Но и некоторые так называемые романтики на поверку оказываются подчас не лучше. Им, как правило, важно не то, как в их руках выглядит дело, а как они сами выглядят в этом деле. Настоящая работа требует, чтобы человек трудился изо дня в день с полной отдачей. А мой опыт показывает: такой вот «романтик» выложится за несколько недель или месяцев, а на большее его уже не хватает — ему неинтересно становится.

В рабочем коллективе, между прочим, и тех и других разгадывают довольно быстро и соответственно к ним относятся, настоящие работники понимают: пользы от таких мало, за ними необходим постоянный контроль — не только ОТК, но и всего коллектива.

Вообще главное в человеке, на мой взгляд, это его надежность в том деле, которое он себе избрал, то есть чувство ответственности перед собой и другими за свои слова и поступки, за результаты своей работы. Это, наверно, и есть совесть рабочего человека. Она заставляет думать о том, что лучше не только для меня, скажем, или нашей бригады, а для всего нашего дела, для его конечного результата. Хочу привести тут один пример. Среди другой продукции наш завод выпускает передвижные электростанции. Одну из них использовали полярники. Как-то у них случилась беда: двигатель сутки был залит морской водой. Тем не менее, когда его вытащили и включили, он сразу заработал! Я думаю, вы поймете то чувство гордости, которое мы испытали, когда на заводе стало известно об этом случае. Помню, как многие мои товарищи говорили, что именно такая надежность должна стать эталоном качества продукции с маркой нашего предприятия.

Представление о совести впрямую, на мой взгляд, связано с представлениями о цели и смысле жизни. Это — самое главное. Правильно решил человек этот вопрос — и средства для достижения цели выберет правильные, и жизнь свою построит правильно, а ошибся в главном — в определении цели и смысла жизни, — значит, все его представления о том, что главное, а что второстепенное, что истинно, а что ложно, окажутся смещенными. И от этого в первую очередь он же сам будет всю жизнь маяться, не понимая, почему у него все юзом идет. Но и другие тоже будут маяться с ним.

Все дети растут в нашей стране примерно в одних и тех же условиях. А вырастают разными. Подавляющее большинство — сознательными тружениками с верными представлениями о жизни, о ее главных ценностях. Но встречаются, чего греха таить, и люди с искаженным представлением о жизни, о ее смысле, о совести.

Я думаю, что основа этих представлений формируется в раннем детстве, в семье. А потом — в школе, в кругу друзей, в рабочем коллективе они лишь подправляются, причем чем сильнее авторитет детского или рабочего коллектива в глазах ребенка или молодого рабочего, тем активнее идет процесс перестройки его представлений.

Вот вы говорите о верующих. Но ведь религиозность ребенка, а следовательно, и его представления о цели и смысле жизни, о морали и нравственности, о их происхождении формируются, как правило, в верующей семье. А дальше опять-таки все зависит от тех условий, в которых окажется этот ребенок в школе, а затем и на производстве. Если религиозность его не глубока, поверхностна, то часто сама жизнь убеждает его в несоответствии его взглядов реальной действительности. Но если родители успели внушить ему, что вера в бога — главная цель его жизни, а школьный и рабочий коллектив не сумеет повлиять в нужном направлении, то у такого человека сложится свое представление о рабочей совести. Он будет добросовестным тружеником с чувством личной ответственности за свой труд. Это, конечно, прекрасно. И если бы производственный процесс на этом рабочем начинался и на нем же заканчивался, все было бы с этой точки зрения хорошо.

Но на современном производстве чувства ответственности только за свой труд уже мало! Рабочий коллектив силен чувством ответственности каждого за всех, за общее дело. Именно это чувство лежит в основе различных починов и инициатив. Еще в 1919 году в статье «Великий почин» Владимир Ильич Ленин писал, что «коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная... забота **рядовых рабочих** об увеличении производительности труда, об охране **каждого пуда хлеба, угля, железа...** достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом...». Так что для общей пользы нужны не только индивидуальное трудолюбие, но и забота об общем деле, о товарищах, взаимная помощь, причем нередко такая, где чьи-то личные интересы могут на первых порах пострадать, зато общее дело выиграет.

Помню, когда создали у нас творческую бригаду, в которую вошли рабочие и инженеры, взялись мы за реконструкцию одного из участков цеха — задумали «расшить» узкое место. Для этого необходимо было все оборудование перекомпоновать, а кое-что заменить. С точки зрения интересов цеха — прямая польза. Но в то же время все настолько приспособились к прежнему участку и к его недостаткам, что после переделки

людям и самим пришлось перестраиваться, привыкать к новым условиям. К тому же и реконструкция шла на ходу, без остановки цеха, у многих это отозвалось на заработке. Тем не менее я не помню, чтобы кто-нибудь проявил недовольство. Наоборот, все жили ожиданием того, когда цех заработает на полную мощность. Никому его рабочая совесть не позволила поставить личные привычки, личный заработок выше пользы общего дела.

Я опять вернусь к той ленинской мысли, которую я уже приводил, к словам о необходимости охранять, беречь каждый пуд хлеба, угля, металла.

К хлебу мы, как правило, относимся бережно, и не из скаредности, не из грошовой экономии. Из уважения к нему как к основе жизни, из уважения к нелегкому труду хлебороба. Порядочному человеку совесть не позволит выкинуть кусок хлеба. Но и варварское отношение к этой святыне тоже еще встречается.

А так ли мы относимся к металлу, к энергетическим ресурсам? Уважение к хлебу пришло к нам из тех времен, когда от него полностью зависела жизнь людей. Сегодня наша жизнь в не меньшей степени зависит и от металла, и от энергетических ресурсов. Новые условия жизни углубляют, обогащают наши представления о совести, мы уже осознаем необходимость относиться к металлу и к энергии так же бережно, как и к хлебу. Сегодня многим совесть не позволяет выбросить в отходы и кусок металла, который еще можно употребить в дело. Однако процесс формирования совести идет не так уж легко и просто.

Например, у нас, кузнецов, в работе бывают и крупные и мелкие детали. Как-то нужно было отковать какую-то мелочь, а металла под рукой не было. Сунулись в ящик с отходами и нашли подходящий кусок. С тех пор стали максимально использовать отходы. Но вскоре выяснилось, что, во-первых, на поиски нужного металла уходит лишнее время, а во-вторых, у завода есть фонды на поставку металла и план сдачи металлолома. Если весь коллектив завода последует нашему примеру, то использование отходов приведет к тому, что нам урежут фонды, а недосдача металлолома — к постоянным штрафам. И случись партия крупных деталей, для которых в отходах ничего не подберешь, как выполнить план?

Такая вот хитрая хозяйственная механика — с одной стороны, совесть не позволяет выкидывать металл в отходы, а с другой — кругом от этой совести неприятности! Казалось бы, чего проще — положен тебе фондовый металл, ну и куй из него, а отходы не твоя забота. Ан нет, не укладывается все это в рамки рабочей совести. И надо сказать, что когда мы объяснили парадоксальность ситуации, то нас поняли, поддержали в парткоме и в дирекции завода.

И еще я хочу сказать о починах. Для нас почин — не похвальба и не способ заслужить известность, а средство достижения более высоких результатов. Можно, конечно, сегодня хвататься за один почин, а завтра за другой. И все время будешь вроде бы на виду, вроде бы в передовиках. Законы рабочей совести диктуют совсем другое: взять из каждого почина самое ценное, освоить новый опыт, сделать его частью повседневной работы и только тогда браться за новый почин. Именно так, от почина к почину, от инициативы к инициативе, выбирая и накапливая все самое ценное, как по ступеням, к все более и более высокой производительности труда! А показуха никогда не была в чести у рабочего класса.

Надо сказать, на производстве поначалу всякая инициатива сталкивается с неким психологическим барьером, который необходимо преодолеть. Всем нам в какой-то мере свойственно привыкание к определенной обстановке, к тем или иным приемам и методам труда. Такая привычка дает возможность ослаблять внимание на чисто механических операциях и концентрировать на более ответственных — значит, облегчает работу. Но, с другой стороны, именно привычка к чему-либо зачастую мешает нам разглядеть новое, увидеть скрытые резервы. И тут опять же, по-моему, все решают представления человека о цели и смысле жизни. О том, что в его жизни главное, а что второстепенное. Если главное — ответственность лишь перед самим собой, то привычка, как правило, берет верх. А если это главное — интересы общего дела, то рабочая совесть возьмет верх над силой и удобством привычки.

Так вот, если говорить об инициативе, о трудовом почине, то это тот случай, когда количество переходит в качество. Ведь смысл любого почина в том и заключается, чтобы выйти на принципиально новый качественный уровень и организации труда, и его приемов.

Вспоминаю, как после известного обращения ЦК КПСС сделать 10-ю пятилетку пятилеткой эффективности и качества, мы стали подсчитывать свои возможности. Конечно, многое видели и раньше, но, как говорится, руки сразу до всего не доходили. А на некоторые резервы мы уже давно поглядывали, да, честно говоря, опасались сложностей. Вот, скажем, у нас, кузнецов, размеры деталей идут с допусками. Обычно эти отклонения от точного размера не сказываются на качестве деталей. Однако есть здесь одна тонкость: с плюсовыми допусками кузнецам работать легче, зато на такие детали уходит больше металла, а станочникам приходится обрабатывать их дольше и труднее — пока снимешь лишний металл, не остается времени на точную обработку. Так они и поступят в сборочный цех — не брак, конечно, но и не «люкс». А поскольку не «люкс», то сборщикам приходится тратить время на подгонку.

Вроде бы совесть у всех здесь чиста: и кузнецы, и станочники, и сборщики брака ведь не дают, работают в пределах, предусмотренных технологией. Но если смотреть принципиально, то окажется, что, когда будут кузнецы работать на минусовых допусках, металла уйдет меньше. На каждой детали миллиметры, а в итоге тонны набираются. И станочники будут лучше детали обтачивать, да и в заработке выиграют. И сборщики улучшат качество работы. Короче говоря, всем кругом лучше... Кроме кузнецов! Ведь при минусовых допусках кузнечное дело — это уже ювелирная работа. Чуть оплошал — брак. И того количества, что прежде, не дашь — значит, в заработке проиграешь. Да и почему кузнецы должны за станочников и за сборщиков отдуваться, из-за их удобства в заработке терять? Вот такие задачки на испытание совести иной раз подкидывает нам жизнь!

Из этого-то противоречия и родилась у нас идея перейти от взаимных претензий к взаимной помощи, организовать сквозную цепочку с общей заинтересованностью и общей ответственностью за все стадии, начиная от получения металла со склада и кончая отгрузкой товара со знаком качества на склад готовой продукции.

Чем радикальнее перемены, тем большей психологической перестройки требуют они от людей. Но, с другой стороны, без таких перемен не обойтись — их необходимость накапливается постепенно, исподволь, и наступает момент, когда резервы прежней, привычной технологии или организации труда себя уже исчерпали. И дальше, как ни бейся, по накатанным рельсам уже не поедешь — тупик.

Вот и нам пришлось здорово перестраиваться. Начнем хотя бы с того, что раньше каждый, в принципе, был сам по себе. Упустил что-нибудь или отпросился на день или на полдня — сам же потом и наверстал. Некоторые даже ухитрялись какие-то свои условия администрации ставить. Теперь все переменилось. Бригаде, то есть своим же товарищам, условий не поставишь. Опоздал, во время работы что-то упустил — ждать некогда, бригада за тебя наверстает, но бригада же с

тебя и спросит! Раньше, конечно, тоже все за общее дело болели, но твой заработок в основном от тебя же и зависел. Если, скажем, станочники или сборщики зашились, то мы, кузнецы, им, конечно, сочувствовали и за план переживали, но наша личная совесть была чиста. Теперь же первая мысль — кто виноват? Может, мы чего не досмотрели, не додумали, может, чем помочь надо?..

Вот и получается, на мой взгляд, что критерии рабочей совести — это не нечто застывшее, раз и навсегда данное, а то, что постоянно развивается, совершенствуется, обретает все более глубокий смысл. Реальная жизнь убеждает нас в том, что представление о совести, в том числе и о рабочей, формируется в человеке постепенно, под влиянием воспитания и тех условий, в которых он работает и живет.

Мне иногда приходится слышать сетования по поводу нынешней молодежи. В частности, на то, что, дескать, у современных молодых слабо развито чувство ответственности. Думаю, это не совсем так. Конечно, кое с кем из ребят, приходящих на завод, бывает нелегко. Но в основной своей массе молодежь мне нравится. А что касается трудных ребят, то, очевидно, все дело в условиях, в которых они росли. Я убежден, что детей надо воспитывать на доверии. Именно тогда у них будет формироваться чувство ответственности за свои слова и поступки, то есть за то, что служит основой совести.

К сожалению, бывают такие крайности, как либо воспитание детей в духе приказов, либо боязнь доверить им любой посильный труд и мало-мальски ответственное дело. Такие подростки, как правило, либо вялы, безынициативны, инертны и ко всему безразличны (чему здесь удивляться, если мы отучили их самостоятельно мыслить и совершать поступки, отучили от ответственности за свои слова и действия), либо грубы, своевольны. И здесь тоже удивляться не приходится — это своеобразный метод самозащиты, отстаивание своего человеческого достоинства, попытка, вопреки неумелым действиям взрослых, сохранить свою индивидуальность.

У нас за такими ребятами всегда закрепляют опытных наставников. И те обучают их не только приемам работы, но и трудной науке быть настоящим человеком, преподают им урок рабочей совести и рабочей чести. В здоровой творческой обстановке трудового коллектива они, как правило, быстро выправляются и после возвращения из армии с ними обычно нет никаких хлопот.

Немалую роль в формировании у молодежи представлений о рабочей совести играют и славные традиции завода, его замечательная история, его музей. Ведь здесь возникали первые в Москве марксистские кружки, шесть раз выступал Владимир Ильич Ленин. Здесь 30 августа 1918 года прозвучали выстрелы, болью и гневом отозвавшиеся в сердце каждого честного человека не только в огромной России, но и во многих странах мира. И сюда же, на бывший завод Михельсона, Владимир Ильич приехал на первое свое выступление, когда оправился после ранения. Теперь на месте покушения на жизнь вождя установлен каменный обелиск.

Наш коллектив свято чтит память Владимира Ильича, из поколения в поколение бережно передает его идейное и духовное наследие, его взгляды на долг и честь советского рабочего.

Чувство рабочей совести... Я уверен: это живое, сильное человеческое чувство. Оно зарождается в юности и затем развивается, углубляется под влиянием окружающей жизни и творческой атмосферы коллектива. И чем полнее ощущает человек себя хозяином и творцом собственной судьбы, тем сильнее и ярче проявляется в его словах и делах это прекрасное качество.

СЧАСТЬЕ ФИРУЗЫ

В. КОЛЕСНИКОВА,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

КОГДА в поселке узнали, что директором совхоза «Геджух» будет женщина, много было разных разговоров. Совхоз винодельческий, вино — и женщина? Такого в Дербентском районе, да и во всем Дагестане, еще не видали. Здесь и мужчины не справлялись, вот уж сколько времени ни один директор больше пяти лет в «Геджухе» не удерживался. Особенно возмущались принципиальные противники участия женщин в серьезных хозяйственных делах. Но у этих были и свои надежды: «Пусть загробит совхоз, тогда всем будет ясно, что женщине надо домом и детьми заниматься, а не лезть в руководители». Да и кто она такая, эта Фируза Бурлакова? По имени — здешняя, а фамилия русская. Откуда она? Быстро стало известно: это та самая Фируза, что работает в Дербенте, в горкоме партии, а муж у нее — русский, инженер, Бурлаков — это его фамилия, а по отцу она — Алимурадова, лезгинка. Качали головами люди, удивлялись: как это женщина решилась на такое дело, уж кто-кто, а она, если работает в горкоме, должна знать, что дела в их совхозе не блестящи, хозяйство не из лучших в республике.

Действительно, еще ни разу в Дагестане не становилась женщина во главе такого крупного хозяйства. Когда ей предложили этот пост, Фируза сказала: «Посоветуюсь с семьей»,— но сама уже знала, что пойдет в совхоз — давно хотелось испытать себя в трудном деле. Хоть и много работы было в горкоме, какие-то силы души оставались неизрасходованными...

Муж, Евгений Николаевич, отнесся к делу серьезно, начал обстоятельно анализировать все стороны ее будущей деятельности и подвел итог: «Справишься, только не хныбь — будет очень трудно...» Сыновья, Сергей и Артур, быстро решили, что быть директором совхоза для их матери «в самый раз». «Помнишь, как ты училась в высшей партшколе? Всегда пятерки, значит, способная». Фируза, оглядев всех троих, весело сказала: «Ну что ж, мужчины, помните: вы меня благословляете. Только потом не жалуйтесь и помогайте мне по дому! Обещаете?» «Обещаем!» — горячо заверили все трое.

...С тех пор прошло восемь лет. Прав был семейный совет: директорство оказалось для Фирузы «в самый раз». Но сколько отдано ему душевных и физических сил, сколько раз — бессчетно! — приходилось делать выбор в сложнейших ситуациях, быстро решать то, что решать совсем нелегко, проявлять характер.

«В самый раз» — много есть тому доказательств, подтверждений. И экономических — совхоз лучшее в районе хозяйство, дает сегодня продукцию в счет 1983 года. И иных, которых не учтешь в бухгалтерских книгах. Например, многим новорожденным девочкам в совхозе дают имя Фируза («Хотят, чтобы все они директорами выросли», — пошутил кто-то из бригадиров). Вот уже несколько лет молодежь не уезжает из «Геджуха», поселок молодеет...

Но как долго пришлось Фирузе преодолевать крепко засевшее в сознании людей недоверие к возможностям женщины. Нередко ощущала она осуждение за то, что не так живет, как велено обычаями, командует мужчинами, да еще и других женщин приме-

ром, всей своей жизнью «сбивает с истинного пути». Тут они были, пожалуй, правы, насчет ее личного примера. С тех пор как началась ее самостоятельная жизнь, всегда жило в ней ощущение, что именно на ней, на коммунистке Фирузе Бурлаковой, лежит личная ответственность за судьбы тех ее землячек, которые еще зависят от множества предрассудков, что она должна своей жизнью доказать: женщина способна и к творчеству, и к любому труду, и к решению задач государственной важности.

У Фирузы есть счастливая способность: она безошибочно видит, что главное в той или иной ситуации, умеет принять жизненно важное решение, согласуясь со своими принципами, не боясь осуждения или сопротивления общественного мнения. Она знает: потом и другие поймут, что она права. Так же, уверенная в своей правоте, решила она и свою личную жизнь.

В Ленинграде, когда училась в пищевом институте, встретила и полюбила Евгения Бурлакова, он тогда был курсантом Высшего мореходного училища. Но в Дербенте уже был у нее жених, одобренный родителями, ждал ее собственный дом и достаток. Отказалась во имя своей любви Фируза от всего этого и жениха не хотела обманывать: раз не любит его, не сложится жизнь. Не часто лезгинская девушка отваживалась отказать жениху, да еще для того, чтобы выйти замуж за русского.

Отец попытался было убедить ее все же посчитаться с обычаями, но не мог ничего поделать с характером, который сам воспитал. Ведь он, Ибадулла Алимурадов, сын бедняка, был первым в их родном горном ауле Юхари-Яраг комсомольцем. Когда родилась Фируза, был уже коммунистом, работал судьей в Дербентском районе. Мать, тоже дочь бедняка, учительствовала. Отец хотел, чтобы Фируза выросла гордой, смелой, неунывающей, так и воспитывал девочку, учил, чтобы мальчишкам ни в чем не уступала, добивалась своего. Она и добивалась. Вот и вышла замуж за того, кого полюбила, и никогда не пожалела об этом. Евгений Николаевич — верный друг на всю жизнь, заботливый отец. Сыновья, Сергей и Артур, ничем не омрачили жизнь родителей, хорошие дети выросли. Теперь уже и дорогу в жизни выбрали. Фируза дорожит каждой минутой, которую может провести в семье. Муж много помогал ей тогда, когда приняла она трудную должность директора совхоза.

Особенно сложным был ее первый год. Надо было не только идти против устоявшихся порядков, но и предлагать людям новые условия, которые могли вывести хозяйство из тупика, завоевать доверие.

...В один из октябрьских вечеров, после сбора винограда, вошли к ней в кабинет, шумно переговариваясь, будто и не было ее, 20 мужчин. Один из них, не глядя на нее, небрежно протянул ей бумагу:

— Подпиши, женщина.

Фируза внимательно прочитала. Она должна была подписать текст, который гласил, что директор совхоза «Геджух» не возражает отпустить на два месяца на заработки таких-то товарищей. Отложила бумагу в сторону и сказала:

— Я не согласна отпустить этих товарищей из совхоза. Дел у нас много, рабочие руки очень нужны, хорошо заработать вы можете и здесь.

Мужчины недоуменно переглянулись, потом посмотрели на нее, будто впервые увидев, возмущенно загалдели:

— О чем ты говоришь? Мы всегда ездили и теперь поедем. Подпиши бумагу!

— Нет! — сказала Фируза твердо.— Если хотите идти на заработки, подавайте заявления об уходе из совхоза. Нам будет трудно, но на тех, кто останется, можно положиться.

Что было! На директора посыпались угрозы и проклятия. Она стояла на своем: «Для работающих в совхозе не будет больше отлучек». Некоторые все же уехали. А когда вернулись — узнали, что оставшиеся заработали в несколько раз больше в «Геджухе», чем они на стороне. Фируза приняла их обратно в совхоз. Раз уходили — значит, в совхозе плохо было и она должна сделать так, чтобы людям здесь было хорошо.

Фируза оказалась прирожденным организатором. Все отрасли хозяйства сумела сделать доходными. Как хорошо налаженный механизм, работает теперь совхоз: за семь лет не было падежа скота, увеличились посевы зерновых и кормовых культур, а виноградники стали такие щедрые на урожай, что к геджуховцам приезжают виноградари из других районов — посмотреть, как это

у них получается. Пришли в совхоз и виноделы высокого класса. Знаменитые винные подвалы графа Воронцова-Дашкова, доставшиеся геджуховцам в наследство от прежних времен, переоборудованы и содержатся в таком порядке, какого и не мог вообразить себе их бывший владелец. Прибыли хозяйства превысили 2,5 миллиона рублей.

Что и говорить, умеет хозяйствовать директор Фируза Бурлакова. Но главный секрет ее успеха, наверное, не в этом. Партийная работа научила ее, что только тот коллектив жизнеспособен, в котором люди себя чувствуют хорошо, где они ощущают заботу о себе, духовную связь друг с другом. Секрет ее успеха, например, и в том, что она знает всех работников совхоза, а их — 3300 человек. На ферме, в поле, на винограднике она найдет минуту, подойдет к работнице, спросит: «Как дела дома? Здоровы ли дети? Чем помочь?» И давно все убедились: это не просто слова, а истинное участие в их жизни и помощь, когда потребуется, действительно будет.

Секрет успеха Фирузы и в том, что одна из главных ее забот — дети, все — от ясельного возраста до 17-летних, которые выбирают путь в жизни. 240 ребятишек в детских садах и яслях на полном обеспечении совхоза. В этом году ребята в школах стали получать за счет совхоза бесплатное питание. В заботе о детях — думы о будущем «Геджуха». С малых лет ребята, как могут, помогают в сборе винограда, в других работах, которые им по силам. За годы учебы в школе они учатся виноградарскому делу, привыкают к нему. Оканчивая десятилетку, многие из них уже могут не хуже взрослых и обрезать куст винограда, и подвязать, и опылить... А работа виноградаря требует любви, привязанности к этому делу. Ведь за сезон, прежде чем виноград созреет, не менее 30—40 раз надо подойти к каждому кусту.

С интересом присматривается Фируза к детям: какие они вырастут, кем станут? Это, знает она, и от нее зависит. Именно мысль о детях, забота о том, чтобы они учились хорошо ориентироваться в жизни, правильно видели мир, оценивали взаимоотношения людей, заставляет ее в числе других дел думать и об атеистическом воспитании в совхозе, о том, чтобы парторганизация «Геджуха» не упускала из виду и эту часть духовной жизни людей.

Знает Фируза, что во многих семьях люди старшего поколения соблюдают мусульманские обряды и детей стараются к этому приучать. Фируза хорошо помнит, как некоторых ее одноклассниц родители заставляли держать уразу и у них от голода случались обмороки прямо на уроках. А ее подружка Хамис выходила из дома в парандже, не доходя до школы, снимала ее и прятала в портфель, а, возвращаясь домой, повторяла все в обратном порядке.

Вот чего ей не хотелось бы для сегодняшних детей. Собственно, такого уже нет, но в быту еще живут многие мусульманские обычаи. И Фируза считает своим долгом выражать к ним свое принципиальное отношение. За это ее уважают даже ревнители ислама. «Самостоятельная женщина», — говорят о ней. Уже давно здесь, в совхозе, почитают людей не за благочестие, а за труд, за умение хорошо делать свое дело.

Нравственная атмосфера в этом коллективе такова, что религиозное общественное мнение постепенно утратило свое влияние. Даже многие из тех, кто считается верующими, не пойдут в мечеть, если, например, нужно выбрать между ней и выступлением в совхозном Доме культуры народной поэтессы Дагестана Фазу Алиевой: ее скорее всего и предпочтут. Потому что Фазу, подружившись с Фирузой, стала другом и всего совхоза. Она — почетный рабочий «Геджуха», несколько раз в году бывает здесь в гостях. Именно Фазу вовлекла геджуховцев в движение борцов за мир, и теперь ежегодно от рабочих совхоза в Фонд защиты мира поступают крупные отчисления — индивидуальные и коллективные взносы. В «Геджухе» стало традицией все заработанные в первый день сбора винограда средства перечислять в Фонд мира.

Перечислены были эти средства и в прошлую осень, когда, несмотря на тропический ливень, все работники вышли на виноградники спасать урожай. Фируза была со всеми, от рассвета дотемна видели на сборе знакомую всем ее голубую рабочую куртку. В ту осень 11 300 тонн винограда собрали, первыми из 840 предприятий Дербентского района закончили годовую программу... только это была программа не 1980, а уже 1982 года, и с 24 сентября 1980-го геджуховцы работают в счет третьего года 11-й пятилетки.

Иногда Фируза задумывается: а может быть, лучше было бы ей заниматься только домом, хозяйством или быть просто виноградарем? Ведь это тоже очень нужно. Нет, Фирузе необходимо именно ее дело, которое берет все силы, всю душу. Она счастлива.

Фируза Бурлакова с ветеранами труда супругами Иманалиевыми.

На виноградной плантации в дни уборки урожая.

Плоды нового урожая.

Фото К. Чутуева.

На страницах журнала не раз шла речь о людях, которые сумели преодолеть физические недуги, в тяжелых условиях сохранили бодрость духа, душевное здоровье, оптимизм, веру в человека. Судьба таких людей особенно поучительна в связи с тем, что, попав в сложную жизненную ситуацию, слабый духом человек порой опускает руки, как за соломинку, хватается за иллюзорное утешение, которое дает вера в бога. Те, кто сумел, несмотря на болезнь, найти путь к жизни, к людям, к активной деятельности, и опровергают утверждения церкви о том, что только в религии церкви могут найти себе приют «сирые и убогие». Статья В. Кононенко посвящена людям, которые помогают попавшим в беду выстоять, преодолеть одиночество, найти достойное дело — интересное для себя и полезное для общества.

СЛУЖБА ДОБРОТЫ

Вероника КОНОНЕНКО

«КОНКРЕТНАЯ ЗАБОТА О КОНКРЕТНОМ ЧЕЛОВЕКЕ, ЕГО НУЖДАХ И ПОТРЕБНОСТЯХ — НАЧАЛО И КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПАРТИИ».

Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на XXVI съезде Коммунистической партии Советского Союза.

КАКОЕ БЫ НИ БЫЛО у тебя горе, какая бы страшная беда ни легла на твои плечи, ты не пропадешь, если рядом с тобой надежные друзья. Они не только протянут руку, поддержат, но и отдадут тебе частицу своего сердца. И ты оживешь, выстоишь... И все-таки сегодня мне хочется поговорить о другом. Не о чьей-то личной отзывчивости и сердечности, хотя они — нет слов — очень нужны попавшему в беду человеку. Речь пойдет о безотказной, хорошо налаженной службе доброты — органах социального обеспечения. Им в первую очередь надлежит позаботиться о попавшем в беду, прорвать блокаду одиночества.

Всегда ли слышат работники собеса позывные чужой беды? К сожалению, далеко не всегда, хотя им это полагается делать по долгу службы. Ведь Саше Чижову из очерка И. Баллод «Шаг через катастрофу» («Наука и религия», 1979, № 10) не пришлось бы ждать случайных заказов, если бы работники райсобеса побеспокоились о нем, устроили на учебу или на работу. И не одного Сашу «забывают» те, для кого забота об инвалиде — прямая служебная обязанность...

За несколько лет через мои руки прошли сотни писем с разных концов страны от инвалидов с детства I группы. Каждое письмо я направляла в органы социального обеспечения по месту жительства автора. И, как правило, каждый раз получала стереотипный ответ: «Нетрудоспособен, нуждается в постороннем уходе». И все. Точка! А за каждой такой отпиской, как за наглухо заколоченным окном, чья-то перечеркнутая судьба. Действительно, люди, о которых шла речь, «нуждаются в постороннем уходе». Но ведь многие из них по разрешению врачей все же могли бы без ущерба для себя как-то трудиться — неполный рабочий день или хотя бы 2—3 часа, а значит, и чувствовать себя нужными, зарабатывать деньги.

Обычно наши настойчивые, многократные обращения в районные, городские или областные органы соцобеспечения давали результат: людей устраивали на работу. Но как много сил и нервов было для этого потрачено! Сколько горьких слез пролила, например, Тамара Мурунова из поселка Октябрьский Куйбышевской области, прежде чем получила работу — стала шить рукавицы для местного быткомбината[1]. Помню, ее ликующие слова по телефону: «Шью, а сама думаю: кого-то согреют мои рукавицы? И как мне самой тепло и радостно!» Прошло три месяца, и опять полное горечи письмо Тамары: не привозят заготовки, никто не забирает продукцию. Начинаю разбираться. Выясняется, что многие предприятия неохотно берут на работу инвалидов, хотя обязаны это делать. В конце концов у Тамары все наладилось. И все-таки грустно: то, что полагалось девушке по закону, оплачено незаслуженной обидой, огорчениями.

Надо сказать, что обычно в крупных городах такая «служба доброты» налажена неплохо. Там инвалидам в поисках трудоустройства не приходится писать в редакции, обивать пороги органов социального обеспечения. Когда Таня Курина из Ленинграда решила работать, ее немедленно устроили на завод «Пластприбор», где трудятся сотни таких же, как она. Сырье и заготовки им доставляют домой, готовую продукцию забирают. Никаких хлопот и нервотрепки. Но ведь и в небольших поселках, и в деревнях больному человеку тоже вполне можно подобрать дело по силам.

Мать Люды Перьковой — в молодости большая мастерица — научила дочку вышивать гладью и крестом. Казалось бы, можно было устроить Люду в быткомбинат. Однако село Вольное Запорожской области, где она живет, находится от райцентра в 60 километрах, да и дороги там неважные. Как доставлять материал и забирать заказы? Перед работниками Куйбышевского райсобеса и быткомбината стояла нелегкая задача. И все-таки трудности были преодолены. Вот что написала мне Люда: «Никогда не забыть мне человека большой души — директора быткомбината Н. К. Север. Она все сумела организовать, и я уже начала работать. А мой начальник цеха В. А. Челенко — просто золотой человек. Он сам приезжал к нам в село, чтобы познакомиться со мной, узнать, какая нужна помощь. Для зачисления на работу фотографии необходимы, так Владимир Архипович с собой даже фотографа привез...»

Я видела вышивки Люды. Анютины глазки и фиалки на белых полотняных наволочках и дорожках словно излучают свет. Но главное — потеплели, засияли глаза девушки. В доме Перьковых, как и в доме Нади Бурловой, историю которой я уже рассказывала[2], всегда много народу: приходят подруги, заказчицы, рассматривают журналы мод, обсуждают фасоны и отделку кофточек и платьев. Руки девушки творят

[1] В № 10 нашего журнала за 1980 г. было опубликовано письмо Т. Муруновой «Жажда общения».

[2] «Прислушайся к чужой беде», 1980, № 11.

красоту, приносят радость людям, а ведь это большое счастье.

Прекрасно, что комсомолка Вологодского производственного объединения «Заря» Наташа Сберегаева научила Надю Бурлову работать на вязальной машине, что мама Люды Перьковой передала свое мастерство дочери, но было бы куда лучше, если бы эти девушки и сотни таких же, как они, смогли получить свои профессии в специальном учебном заведении! К сожалению, таких учебных заведений пока недостаточно. И еще: районные отделы социального обеспечения могли бы помочь инвалидам (тем, кто захочет) купить вязальные машины — «Северянку» и «Неву», так же как распределяют они автомобили и инвалидные коляски.

Вязальные машины у нас пользуются большим спросом, их моментально раскупают. Многие жалуются, что не могут приобрести их, просят помочь. Сколько людей овладели бы нужной профессией, устроились на работу, а население имело бы дополнительно красивые и модные изделия.

О том, что тут можно сделать, как заботятся о таких людях некоторые работники органов социального обеспечения, об их доброте, энергии, инициативе, настойчивости в оказании помощи инвалидам хочется рассказать подробнее.

...Дом ребенка, а затем детский дом заменили Вере Павленко родителей. После школы девушка решила продолжить учебу — получить профессию. Сделать это было нелегко — у Веры с рождения не было обеих рук. Павленко обратилась за помощью к заведующей отделом социального обеспечения Калужского облисполкома Надежде Ивановне Волковой. При ее активном содействии Веру приняли в Калужский специализированный сельскохозяйственный техникум. Здесь она получила профессию агронома, начала работать в совхозе.

Я побывала у Веры Павленко в гостях. Удивительно жизнерадостный она человек! В квартире идеальная чистота. Вера все умеет делать сама, даже... пеленать ребенка. Впрочем, Иришку давно уже пеленать не надо. Она ходит в детский сад, помогает матери по хозяйству. «Растут мои ручонки»,— с нежностью говорит Вера.

И с жильем ей помогла Н. И. Волкова. Вере нужна была работа рядом с домом — дочка требовала постоянного внимания, и ее назначили воспитателем в общежитии. Подопечные ее, учащиеся техникума (среди них немало искалеченных болезнью людей), глядя на нее, понимали: главное — не сдаваться. «Я не верила в чудо, — как-то написала Вера Надежде Ивановне Волковой. — Теперь я знаю: чудо — это вы».

Я провела в областном отделе социального обеспечения неделю и убедилась: с какой бы бедой ни пришел сюда человек, он получит поддержку и нужный совет. Конец рабочего дня, а у Волковой по-прежнему народ. Кто-то хлопочет о пенсии, кому-то надо выделить машину, получить мотоколяску. «Гармонь достали?» — неожиданно спрашивает Надежда Ивановна инспектора Сиротину. Тамара Михайловна радостно кивает: «Достали, уже отвезли». Оказывается, инвалид Егор Никитин попросил купить ему музыкальный инструмент. Сам он по магазинам ходить не может. Два дня Тамара Михайловна обзванивала магазины — Егору нужна была именно гармонь, — наконец нашла, сама и отвезла в деревню.

Среди сотрудников (а точнее — соратников) Надежды Ивановны — Леонид Александрович Крылов. 27 лет руководит он специальным профессионально-техническим училищем-интернатом. Среди тех, кто приезжал сюда учиться, были и верующие. Но постепенно жизнь меняла их убеждения, приобщала к миру иных ценностей.

Иду по интернату. Ученики решают задачи, учат историю, шумят и смеются, как и в любой школе. На лицах ребят нет и следа печали, подавленности, обреченности. Светловолосая Таня Корабельникова с гордостью показала мне свое произведение — элегантное пальто. Такой мастерице будут рады в любом ателье. Таня это знает и о будущем не беспокоится. Летом у нее свадьба. Жених Тани тоже кончает училище, его ждет работа на фабрике по ремонту и пошиву обуви.

В это ПТУ приезжают учиться со всех концов страны, многие потом остаются в Калуге и области. Лида Юдина жила в домах инвалидов разных городов. Пыталась устроиться на работу, но без специальности да с I группой нигде не принимали. Пристрастилась ходить в церковь, пела в хоре. «Убогая», — называли ее старушки, которые продавали церковные свечи, собирали подаяние на храм. Чужая жалость больно отзывалась в душе, но старушки эти были ее единственной «компанией» — с ними не так чувствовалось одиночество. И все-таки Лиде хотелось другой жизни. Узнав про училище, она отправилась в Калугу. Там ей дали профессию, помогли получить жилье. Леонид Александрович Крылов устроил ее работать надомницей. Лиде привезли машину. На ней она шьет кожаные и меховые изделия. В церкви теперь не бывает: некогда, да и не тянет.

Директор фабрики по ремонту и пошиву обуви В. И. Борисов показал мне Доску почета с портретами победителей соцсоревнования, среди них — выпускники ПТУ. «Знаете, — сказал мне по секрету Борисов, — вот эти двое ребят раньше были баптистами...»

Иван М. и Никита В. тоже приехали в Калугу издалека. Кончили училище, поступили на фабрику, а жить пришлось на частной квартире. Тут-то они и попали под влияние членов баптистской общины. Узнали об этом Волкова и Крылов, встревожились. Нет, они не стали спорить с верующими, опровергать их убеждения. Просто обратились к руководителям крупных предприятий города с просьбой выделить в их общежитиях места двум парням — работникам фабрики. Для Ивана и Никиты началась совсем другая жизнь, у них появились новые интересы. На работу и домой их по распоряжению директора возят на машине. Зарабатывают ребята до 200 рублей в месяц, ездят в санатории и дома отдыха. «Замечательные работники, — говорит о них Борисов, — трудолюбивые, дисциплинированные...»

А как складывается судьба тех, кто не хочет разлучаться с домом, остается среди близких и родных? Года три назад старший инспектор Боровского райсобеса Валентина Набиева по совету Надежды Ивановны Волковой отправилась в Москву, в объединение «Мостекстильпром», которое выпускает мужские шарфы. Оттуда в Боровск приехал специальный представитель. Он привез портативный ткацкий станок, показал, как на нем работать. Дело оказалось несложным. Стать ткачами на дому захотели не только инвалиды, но и пенсионеры по старости. Во многих квартирах появились такие станки-«малютки». Сырье привозят из Москвы, готовые шарфы забирают. Все довольны; а больше всех Валентина Набиева и Надежда Ивановна Волкова.

Недавно Надежда Ивановна ушла на пенсию, но по-прежнему к ней приходят за помощью, за советом.

...Вечер. В комнате уютно светит торшер. Надежда Ивановна молча заваривает чай, думает о чем-то своем. Хочу спросить: «Вы не устали?», но обрываю себя на полуслове: этот вопрос здесь неуместен. В полумраке поблескивают корешки книг — главное богатство и украшение квартиры. Хозяйка достает и протягивает мне томик стихов народной поэтессы Узбекистана Зульфии. Открываю наугад:

Я плачу, потому что знаю: счастье
Быть спутницею всех людских судеб,
Ко всем питать горячее пристрастье,
Со всеми боль делить, как хлеб.

НЕ НАДО ЗАБЫВАТЬ О СТАРИКАХ

Мне хотелось бы поговорить об атеистической работе среди пенсионеров в сельской местности. Ведь у нас каждый житель как на ладони, все о всех знают. Большинство учителей, агрономов, механизаторов, полеводов, медицинских и других работников на селе, конечно, в бога не верят. Однако все-таки бывают случаи, когда человек на склоне лет вдруг становится набожным, начинает справлять религиозные праздники, обряды. Я не стану называть фамилии, но мне не раз приходилось беседовать с такими людьми. Когда я спрашивал, почему начали верить в бога,— в ответ слышал примерно такое объяснение:

— Осталось жить на этом свете недолго, все мы смертные. А кто знает, возможно, и существует загробный мир?

Встречаются и такие люди, которые вслух о своей вере не говорят, но оставляют завещание, чтобы их хоронили по религиозному обряду. О похожем случае написала И. Баллод в статье «Сложнее, чем в письме» (1980, № 10). Пожилой человек под влиянием горя изменил свои убеждения, вступил в общину евангельских христиан-баптистов.

Такие факты, как бы мало их ни было, оказывают влияние на верующих и колеблющихся. «Вот бог образумил на старости лет»,— делают они вывод. Одиночество, плохое самочувствие, отсутствие общения и приводят некоторых к мыслям о боге. Если бы они были больше окружены заботой и вниманием, такие настроения не возникали бы. Да и атеистическую работу надо вести с пенсионерами более активно. Не надо забывать о нас, стариках.

М. САКМАРОВ,
учитель, пенсионер
Чувашская АССР

НОВОЕ В ПРОГРАММЕ УЧЕБЫ

Д. АПТЕКМАН,
кандидат философских наук

Сегодня в сознании советских людей господствует научное, материалистическое мировоззрение. Сама природа социалистического общественного строя объективно привела к тому, что для значительного большинства граждан нашей страны религиозная идеология практически утратила значение. В связи с этим ведущей становится позитивная функция атеизма, направленная на формирование у каждого человека диалектико-материалистического взгляда на мир и исключающая возможность воспроизводства религиозных иллюзий в сознании будущих поколений.

Положительное значение этого факта бесспорно, но такова уж диалектика — в положительном есть и оборотная сторона. По мере сужения сферы влияния религии падал, естественно, и интерес к ней. В итоге значительной части неверующих людей сегодня еще не достает атеистической убежденности, они не имеют систематизированной информации о сущности религии, не знают особенностей ее влияния в прошлом на различные стороны духовной культуры, ее роли в современной идеологической борьбе. Это подтверждают и социологические исследования, проводившиеся в течение десятилетия на 12 ленинградских предприятиях. В 1978 году, например, на вопрос: «Считаете ли вы, что располагаете знаниями о религии, достаточными для того, чтобы судить о ней, беседовать на эту тему?» — из нескольких тысяч опрошенных рабочих положительный ответ дали 5,6 процента, оценили свои знания как недостаточные — 45,6, остальные заявили об их отсутствии. Да и анализ содержания ответов свидетельствовал о том, что задача накопления знаний, способных быть фундаментом атеистических убеждений, еще далека от своего решения.

Известно, как нелегко бывает человеку, даже более или менее сведущему в истории религии, разобраться в сплетениях современных политических событий в тех случаях, когда они связаны с проблемами религии и затрагивают массы верующих. Однако, как показывают исследования, лишь около половины пропагандистов и политинформаторов на промышленных предприятиях нашего города в состоянии правильно оценить роль религии и религиозных организаций в истории различных стран и в современной социально-политической жизни. Многие, например, даже не знакомы с ленинской оценкой политических движений под флагом религиозных идей.

Примерно таковы же результаты исследований относительно роли религиозных организаций и верующих в истории культуры. Некоторые из опрошенных односторонне трактуют религию как «двигатель развития науки и искусства», не видя различия между объективным содержанием религиозного мировоззрения, непримиримо враждебного подлинному знанию, и людьми, придерживающимися религиозных взглядов, но прогрессивно мыслящими в сфере практической деятельности. Другие, наоборот, считают, что «верующие всегда были мракобесами, ненавидели науку и издевались над ней».

В принципе, такого рода ошибочные суждения можно было бы считать пробелом в образовании, если бы не определенное идеологическое звучание, которое они приобретают сегодня. Естественно, возникает задача устранить такие пробелы в мировоззрении прежде всего у тех, кому принадлежит решающая роль в формировании общественного мнения в коллективе, кто в силу своего авангардного положения должен уметь отвечать на волнующие людей вопросы.

Возрастание в условиях развитого социализма позитивной функции научного атеизма требует использования таких пропагандистских методов, которые способны наиболее эффективно формировать устойчивую атеистическую позицию человека. Как правило, недостаток информации у трудящихся по проблемам атеизма и религии восполняется организацией кружков, семинаров, лекториев и т. п. Не отрицая в принципе эти формы, вместе с тем сегодня необходимо отметить их недостаточную эффективность прежде всего вследствие ограниченного охвата слушателей. Почему?

Здесь, очевидно, вновь следует вернуться к механизму угасания интереса советских людей к проблемам религии и атеизма. Практика показывает (и это подтверждается данными наших исследований), что по мере роста культурно-образовательного уровня трудящихся резко снижается интерес к антирелигиозной информации, изолированной от других проблем современности — социально-экономических, политических, научных, этических...

Известно, что оптимальный вариант угасания интереса — получение исчерпывающего ответа на возникший вопрос. Но и в этом случае интерес не исчезает, наоборот, он поднимается на более высокий уровень, углубляется и расширяется. Однако, как считают психологи, ослабление интереса может быть связано и с превращением знания в привычное. Обычно это происходит, когда информация поступает навязчиво, узкоспецифически или поверхностно. Именно отсутствие момента новизны порождает своеобразную иллюзию удовлетворенного интереса.

К сожалению, снижение интереса к атеистической информации у значительной части неверующих вызвано именно этой причиной. В то же время материалы наших социологических исследований показывают: с ростом образовательного уровня и повышением социальной активности людей усиливается их желание видеть атеистические проблемы значительно шире — и в мировоззренческом, и в идейно-политическом, и в нравственном планах. Целесообразность такого подхода признали, например, около двух третей опрошенных членов КПСС.

Опыт использования системы партийного и комсомольского образования не только для расширения и углубления политических и экономических знаний, но и как средства формирования атеистической убежденности насчитывает в Ленинграде уже несколько лет. При знакомстве с основами марксистской философии слушатели овладевают диалектико-материалистической аргументацией, в ходе изучения истории КПСС и основ научного коммунизма знакомятся с принципами политики партии и государства в отношении религии и церкви, а также получают информацию о роли религиозной идеологии в современной политической жизни. Нравственные аспекты научного атеизма рассматриваются при изучении курса «Основы коммунистической морали». С переходом к изучению Конституции СССР представляется возможность раскрыть также теоретические основы марксистско-ленинского понимания свободы совести, показать место этой проблемы в идеологической борьбе. Сравнение результатов наших исследований 1971 и 1978 годов показывает, что в тех коллективах, где эти вопросы рассматривались в системе партийной учебы систематически, уровень мировоззренческой зрелости слушателей, их аргументация существенно возросли.

С 1979/80 учебного года большинство слушателей начального и среднего звена партийного просвещения начали изучать курс «Учение, преобразующее мир». Вопросы атеистического характера в нем рассматриваются широко — в комплексе социальных и общественно-политических проблем. Этому способствовали методические рекомендации, разработанные советом по атеистической работе обкома КПСС и прошедшие экспериментальную проверку на нескольких промышленных предприятиях Выборгского района. Рекомендации предусматривали расстановку мировоззренческих, атеистических акцентов при изучении практически всех основных тем курса.

Так, в ходе изучения темы первого раздела программы «К. Маркс и Ф. Энгельс: путь к материализму и коммунизму» пропагандистам рекомендовалось при анализе основных этапов становления мировоззрения подчеркнуть особый интерес Маркса и Энгельса к проблемам религии и объяснить причины этого интереса. Так, пропагандисты отмечали, что уже в тезисе «Экономическо-философских рукописей 1844 года» — «чем больше вкладывает человек в бога, тем меньше остается в нем

самом» — была заложена материалистическая идея, раскрывающая социальную функцию религии. При этом рекомендовалось оценить значение органической связи атеизма и коммунизма.

Особое внимание обращалось на необходимость глубокого анализа материалистического понимания социальных процессов, марксистского определения социальных корней и социальной функции религии. В итоге (и это особо отмечалось в рекомендации) слушатели должны были правильно понять фундаментальный марксистский тезис «религия есть опиум народа» и прийти к выводу о том, что для преодоления религии необходимо устранить социальные условия, которые ее питают. Слушателям предлагалось познакомиться с «Письмами из Лондона» Ф. Энгельса, обращая при этом особое внимание на характеристику роли и места атеизма в рабочем движении. Вывод, который должен был быть сделан в результате изучения данной темы: атеизм и материализм существуют в марксистской философии в органическом единстве, определяемом самой сутью научного мировоззрения.

Аналогичны рекомендации и для других тем. В частности, подчеркивалось, что тема «Манифест Коммунистической партии» — первый программный документ научного коммунизма» показывает и социальные функции религии, а также политическую роль церкви, суть «христианского» и других религиозных разновидностей «социализма». Тема «Капитал» К. Маркса — «самый страшный снаряд... в голову буржуа» дает возможность разъяснить, что религия — не случайное явление в истории человечества, а закономерный продукт определенного ее периода, ограниченной общественной практики.

Атеистический аспект содержит и тема «Превращение социализма из утопии в науку» — помимо оценки взглядов социалистов-утопистов на религию. Здесь есть и современное звучание: ошибки, историческая ограниченность в мышлении видных представителей утопического социализма особенно наглядны сейчас. Одновременно можно раскрыть и вопросы, связанные с атеистическими аспектами теории научного коммунизма. Так, при характеристике двух фаз коммунистического общества пропагандисту рекомендовалось рассказать о том, что достижение второй фазы коммунистической формации означает также построение общества безраздельного господства научно-материалистического мировоззрения и в общественном, и в индивидуальном сознании.

Философские аспекты марксистского атеизма хорошо раскрываются при изучении темы «Революционный переворот во взглядах на общество». Здесь прежде всего рекомендовалось показать, что история материализма неразрывно связана с борьбой против религии, а при анализе воззрений представителей домарксова материализма — дать критику концепции «обмана и невежества», проиллюстрировать на конкретных примерах ограниченность просветительского подхода в преодолении религии. Особое внимание предлагалось уделить характеристике условий, при которых становится реальным преодоление религиозных иллюзий.

Основы стратегии и тактики марксистов в решении религиозного вопроса можно рассмотреть при изучении темы «Во главе международного пролетарского движения». При этом рекомендовалось подчеркнуть роль атеизма как обязательного элемента коммунистической теории («Коммунизм сразу же начинает с атеизма...» — писал К. Маркс), раскрыть марксистское понимание свободы совести, показать принципиальную несовместимость марксизма с левоанархистским и правооппортунистским подходом при решении религиозного вопроса.

Значительная часть курса «Учение, преобразующее мир» посвящена изучению ленинского этапа развития марксизма. Здесь слушатели знакомятся с формированием революционных взглядов Ленина, с его деятельностью по созданию партии нового типа, творческим вкладом в теорию социалистической революции и государства. Значение этого раздела, связанного с овладением ленинским наследием, особое звучание приобрело в 1979/80 учебном году, в связи со 110-й годовщиной со дня рождения Ленина.

И тут есть возможность затронуть атеистическую тематику. Так, уже первая тема позволяет показать реакционную роль церкви в политической и духовной жизни самодержавной России, напомнить слушателям об атеистических традициях русской культуры, а также подчеркнуть актуальность ленинской критики попыток либеральных народников объявить марксизм разновидностью религии (клеветнические утверждения о якобы «религиозном характере» марксизма и сегодня занимают одно из видных мест в арсенале антикоммунизма).

При изучении темы «Создание партии нового типа» на примерах деятельности церкви в России предлагалось показать ее роль как духовной опоры эксплуататоров, а в целом — дать оценку социальной функции религии в антагонистическом обществе. Важные атеистические выводы могут быть сделаны и при знакомстве с материалами II съезда РСДРП, при изучении статей Ленина «Социализм и религия» и «Об отношении рабочей партии к религии».

Важнейшее значение для формирования атеистических убеждений слушателей имеет крупнейший философский труд Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Хотя программа не предусматривает его детального изучения, пропагандисту рекомендовалось особо оттенить ленинскую идею партийности философии, недопустимости мировоззренческих компромиссов.

Известно, какое значительное место в теоретическом наследии Ленина занимает книга «Государство и революция». К сожалению, при ее изучении проблемы атеизма обычно выпадают из поля зрения пропагандистов. В рекомендациях же предлагалось разъяснить слушателям, почему в период, когда решалось будущее революции, Ленин придавал такое значение вопросам стратегии и тактики партии в религиозном вопросе, привести примеры, связанные с современным звучанием проблемы.

Ленинское понимание тезиса «религия есть частное дело» очень важно для выработки у слушателей последовательно атеистической позиции. Материалы наших социологических исследований свидетельствуют о том, что еще сравнительно широко бытует нейтралистское отношение к религии. В частности, ссылкой на то, что религия — частное дело людей, объяснили свое безразличие к случаям крещения детей неверующими родителями около четверти опрошенных рабочих — комсомольцев и коммунистов. Давая критику подобному индифферентизму, пропагандисты и слушатели характеризовали его с позиций ленинской оценки — как «полную измену революционной программе пролетариата».

Два заключительных занятия первого года изучения курса «Учение, преобразующее мир» раскрывают значение Великого Октября как начала эпохи революционного обновления мира и характеризуют ленинский план построения социализма. В ходе изучения этих тем представляется возможность показать роль социально-экономических и культурных преобразований как объективной основы отхода трудящихся от религиозного миропонимания, формирования у них научного, материалистического мировоззрения, рассказать, как в ходе социалистического строительства претворялась в жизнь марксистско-ленинская программа решения религиозного вопроса, познакомить слушателей с положением религиозных организаций в нашей стране, с принципами свободы совести, записанными в Конституции общества зрелого социализма.

Многие вопросы, связанные с марксистским пониманием проблем атеизма и религии, не получили, естественно, в течение первого года полного освещения. Они будут рассмотрены при изучении второй части учебной программы, что позволит, в частности, определить место атеистического воспитания в процессе формирования морального и духовного облика советского человека.

В целом же включение проблем атеизма в учебную программу позволило существенно пополнить запас атеистических знаний слушателей, повысило их мировоззренческую активность. Об этом убедительно свидетельствовали выступления на занятиях и характер вопросов слушателей, а также их реакция на факты непринципиального отношения некоторых неверующих к религиозным праздникам и обрядам.

Конечно, реализовать атеистический потенциал учебных программ — дело не простое. Здесь требуется прежде всего серьезная подготовка пропагандиста. Практика показала, что опытный, подготовленный пропагандист затрачивает на освещение перечисленных вопросов примерно пятую часть времени, отведенного на изучение всей темы. Но для большей эффективности нужно подумать, конечно, об издании литературы, раскрывающей опыт и методику формирования атеистической убежденности на занятиях в системе политического образования.

Ленинград

ИНФОРМАЦИЯ, ХРОНИКА

При народном университете в Керченском клубе имени Арминцева открыт клуб молодого атеиста. Он объединяет более 150 учащихся одного из профессионально-технических училищ города. На встречу с ребятами приходят партийные и советские работники, лекторы, а также творческие группы, работающие над созданием научно-популярных и художественных фильмов на атеистические темы.

В ОСНОВЕ — ФАКТ

В. ГОЙ,
ассистент кафедры теории и практики советской печати Львовского государственного университета имени И. Франко

В газетной работе, как известно, нет легких тем. Но атеистическая тема — особая. Она, пожалуй, одна из самых сложных, требует не только глубокого знания сугубо специальных вопросов, основ психологии, социологии, но и проникновения в тонкости человеческих взаимоотношений. Так что отнюдь не случайно атеистическую тематику поручают вести наиболее квалифицированным журналистам.

Средствами массовой пропаганды Львовской области, в том числе районными газетами, накоплен немалый опыт освещения вопросов атеистического воспитания. Взять, к примеру, сокальскую газету «Вперед». Ее сотрудники понимают, что наиболее сильное воздействие на читателей оказывают свидетельства бывших верующих, людей, порвавших с религией. Но хотя в последнее время их становится все больше, немногие (как правило, из-за скромности) берут в руки перо. Найти такого человека, помочь выступить ему на страницах газеты — долг журналистов.

Примечательны в этом отношении размышления на страницах газеты «Вперед» журналистки З. Навроцкой «А жизнь проходит мимо», написанные под впечатлением тематического вечера в Бобятинском Доме культуры. Она приводит, в частности, слова М. Олесько: «Хорошо знаю, как нелегко вырваться из оков иеговистского плена. Обращаюсь к тем, чья жизнь проходит мимо: становитесь рядом с нами строить новую жизнь».

Большое внимание таким фактам уделяет и редакция жидачовской газеты «Радянськый шлях». Журналистскому поиску способствует участие сотрудников редакции в работе районного передвижного клуба атеиста. Отчеты о сельских сходах, проводимых этим клубом, насыщены волнующими фактами. Вот что, к примеру, сказал на сходе в селе Которын учитель Д. В. Палагнюк: «Все вы знаете Владимира Гавриляка из Старого Села и его жену Анну, попавшую под влияние иеговистов. В результате развалилась семья, в которой трое детей. Только благодаря энергичному вмешательству общественности удалось предупредить беду. Жена Гавриляка отошла от иеговистов. Семья счастливо живет в Калуше».

Не прошло мимо внимания читателей «Радянського шляха» и письмо «Могла совершить жизненную ошибку». Уже первые слова: «Я, Грищук Магда Степановна, жительница села Покривец, хочу рассказать через газету историю своей жизни...» — привлекают читателя искренним стремлением человека поделиться своим опытом, горьким, но поучительным. Автор — одна из тех, кто в минуту слабости подпав под религиозное влияние, все же нашла в себе силы порвать с верой в бога. Помогли ей в этом и руководители сельсовета, колхоза, учителя местной школы, проявившие к женщине и ее детям чуткое внимание.

К сожалению, не во всех районных газетах встретишь подобного рода публикации. Многие ограничиваются перепечаткой обширных статей теоретического характера, хотя атеистическую пропаганду им следует вести, опираясь на свои, местные факты, близкие и понятные читателям, на конкретные человеческие судьбы. Только тогда печатное слово найдет живой отклик.

г. Львов

ВОЗГЛАВЛЯЕТ АКАДЕМИК

Я. ДАВЫДОВ

● Выступление академика Б. А. Рыбакова слушали на одной из Черемушкинских районных партийных конференций Москвы с интересом: «Хочу напомнить коммунистам нашего района о важности атеистической пропаганды. Необходимость в этом есть. Ведь религия притягивает к себе не только пожилых, но и молодежь. И вести эту работу мы должны много лучше, чем ранее... Нами руководит не умозрительная схема, а идеи, порожденные всесторонним анализом религиозного процесса». Эти слова характеризуют направление работы университета атеистических знаний Черемушкинского района столицы, который возглавляет Б. А. Рыбаков.

Двухгодичная программа народного университета предусматривает знакомство слушателей с религиозными верованиями, основными конфессиями, с обрядами, социальными и нравственными доктринами и, разумеется, формами и средствами атеистической работы. За три года там подготовлено 83 специалиста, способных возглавить работу по формированию материалистического мировоззрения и вести лекционную пропаганду на промышленных предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях.

Проректор университета И. И. Попов — один из первых его выпускников, занимается научной работой в Институте истории СССР Академии наук СССР. Он — член бюро научно-методического совета при Черемушкинском райкоме партии, член районной комиссии по гражданским обрядам.

Другой выпускник народного университета — В. Ф. Галанин стал председателем совета по пропаганде атеистических знаний на одном из предприятий столицы. Совет систематически организует и проводит лекции на атеистические темы, широко использует в своей работе стенную печать и местное радио.

Активную работу ведут его выпускники Н. А. Андреев, С. А. Иванов, Н. Д. Байкова, И. А. Кут, П. А. Кожина, Л. В. Тихонова и другие. Все они умело владеют материалом, связывая его с современными задачами идеологической работы. Во время лекций широко применяют наглядные пособия, технические средства пропаганды.

Что же позволяет народному университету выпускать хорошо подготовленные кадры организаторов и пропагандистов? Прежде всего, подбор лекторов. В их числе доктор философских наук И. А. Крывелев, доктора исторических наук А. И. Клибанов, С. А. Токарев, доктор физико-математических наук М. Н. Изаков, доктор медицинских наук В. П. Подачин, кандидаты исторических наук Г. Н. Матюшин и Г. М. Керимов. И сам академик Б. А. Рыбаков.

Каждый широко использует в ходе занятий возможности своей науки. Как известно, одно из исследований Бориса Александровича Рыбакова посвящено «стригольникам». Объясняя истоки антицерковных идей последователей этого средневекового движения, он рассказал слушателям, как скрупулезно изучал иконы, предметы мелкой пластики, инициалы и заставки рукописных книг Нового завета.

Результатами своих исследований, анализом общих закономерностей в развитии мировых религий (буддизма, ислама и христианства) делится со слушателями и доктор исторических наук С. А. Токарев.

Основная форма обучения в университете — лекции, дополняются они семинарами, конференциями, даже экскурсиями. Трудно переоценить, например, значение трехчасовой экскурсии «Тайны церковных камней», которую ведет А. Шамаро. В ходе ее слушатели знакомятся с историей ряда крупных церквей и монастырей Москвы.

На семинарах слушатели знакомятся с практикой атеистической работы по месту жительства, обмениваются опытом создания библиотечек атеистической литературы, составления аннотированных рекомендательных списков, с деятельностью многотиражных и стенных газет, местного радиовещания и т. д. Участвовали слушатели и в теоретической конференции «Атеизм и проблемы происхождения человечества», которая состоялась в Институте истории СССР.

Традиционны для слушателей университета встречи с трудящимися предприятий и учреждений района. Они выступали на заводе специальных сплавов по

обработке, в автопарке, на фабрике «Кругозор», комбинате «Черемушки» и в других предприятиях, учреждениях, общежитиях и школах района. Кроме того, во время учебы многие слушатели участвовали в работе районного научно-методического совета по атеизму.

Справедливости ради следует сказать, что методических навыков слушателям можно было бы давать и побольше. Недаром в нынешнем учебном году руководство университета провело ряд практических занятий по таким вопросам, как «Подготовка тезисов и текста лекции», «Составление плана беседы и лекции», «Как организовать атеистическую выставку», «Средства наглядности, доказательности и убедительности лекции», «Язык и стиль ораторской речи».

В Черемушкинском народном университете атеистических знаний большинство слушателей с высшим образованием (в частности, среди его выпускников — четыре кандидата наук). Такой высокий образовательный уровень позволяет им квалифицированно вести свою работу. Недаром успехи университета в подготовке пропагандистских кадров отмечены Почетной Грамотой Московского Дома научного атеизма.

AVE, VÍTA!

Б. ЯУНИШКИС,
член совета клуба
«Ave, vita!»

В 1968 году при республиканском Доме учителей Литвы был создан клуб «Ave, vita!» («Да здравствует жизнь!»). Поначалу цель была скромная: собрать и сплотить всех вильнюсских пропагандистов атеизма. Избрали совет, разработали и утвердили положение о клубе. Потом организовали несколько циклов лекций, вечеров вопросов и ответов, «огоньков».

А вскоре, после того как клуб начал действовать при республиканском Музее атеизма, его деятельность стала более разнообразной. В научный совет клуба вошли многие лекторы-практики и ученые. Председателем был избран доктор философских наук профессор И. Заксас. Утвержден новый устав. Если раньше в нем говорилось лишь о целях и задачах клуба, то сейчас уже — о правах и обязанностях его членов. Подчеркнуто, что членом клуба может быть каждый, кто интересуется вопросами теории и практики научного атеизма и одновременно обязуется участвовать в научно-атеистической пропаганде.

Одной из самых популярных форм нашей работы стали встречи с людьми интересных судеб. Член клуба, известный в республике пропагандист Ю. Станкайтис рассказал, например, о том, как он учился у иезуитов, штудировал теологию, как, будучи еще монахом, стал сомневаться в догматах религии и после долгих размышлений вернулся в «мир». Не менее интересной была встреча с С. Батайтисом, бывшим членом ордена капуцинов, написавшим две книги воспоминаний о монастырской жизни — «За монастырскими стенами» и «В монастыре».

Однажды мы пригласили выступить секретаря бывшего общества свободомыслящих К. Валашинаса. Он рассказал, что в XVII веке за пропаганду атеистических идей в Варшаве на костре был сожжен воспитанник Вильнюсского университета, первый литовский атеист Казимерас Лищинскис. А само общество было создано в Каунасе в 1924 году, имело 150 отделений и выпускало свою газету. Свободомыслящие защищали права неверующих, требовали отделить церковь от государства и школу от церкви, ввести записи актов гражданского состояния. Они читали публичные лекции, создавали атеистические библиотеки, предлагали отказаться от рождества, пасхи и других религиозных праздников. Свободомыслящих тогда преследовали, сажали в тюрьмы, нередко обвиняли в коммунистической деятельности. Эта встреча натолкнула нас на мысль начать писать летопись клуба.

Постепенно сфера его деятельности расширялась. Интересные беседы и диспуты состоялись, например, в студенческих клубах Вильнюсского университета, в педагогическом институте, клубе международников «Гаублис». В последнее время мы начали ездить в соседние республики. В частности, полезной оказалась экскурсия в таллинский клуб атеистов, где мы познакомились с традициями, родившимися здесь в годы Советской власти.

Ведется и обширная внеклубная работа. Наши активисты часто выступают в трудовых коллективах. Интересно прошли, например, конференции «Что такое долг и совесть» на Вильнюсском станкостроительном заводе «Жальгирис», заводе сельскохозяйственных машин «Нерис», на фабрике «Аудеяс». Так наш клуб теперь становится центром атеистической работы в городе.

г. Вильнюс

РОЖДЕНИЕ ВЕЧЕРА

Атеистический вечер вопросов и ответов, который партком Уфимского нефтеперерабатывающего завода предложил провести во Дворце культуры, готовили два месяца. Во всех цехах были розданы бланки, в которых можно было написать интересующие каждого вопросы, тут же сообщалась дата вечера. В красных уголках поставили ящички, куда опускали бланки. Поступило более 150 вопросов. Разослали пригласительные билеты. Кроме того, на территории предприятия и в цехах появились красочные плакаты, где объявлялись время и программа вечера.

В назначенный день зрительный зал Дворца был переполнен, многие пришли с семьями. В фойе продавалась атеистическая литература. Открыл вечер секретарь парткома завода Р. Ф. Зайнутдинов. На вопросы отвечали доценты кафедры философии и научного коммунизма Уфимского нефтяного института А. И. Хамидов и Р. З. Штейнгард, а также доцент Башкирского государственного университета К. В. Гирфанов.

Около трех часов длился этот интересный вечер. Хороший опыт приобрели и его организаторы. Теперь эта форма работы стала на предприятии традиционной.

О. ВАЛИТОВ,
лектор отдела пропаганды и агитации Башкирского обкома КПСС, кандидат исторических наук
г. Уфа

ИНФОРМАЦИЯ, ХРОНИКА

Правление общества «Знание» РСФСР и Хабаровская краевая организация провели на базе Хабаровского института усовершенствования учителей двухнедельный зональный семинар лекторов-атеистов Дальнего Востока и Восточной Сибири. Подобного масштаба встреча проводилась в этом регионе впервые.

В работе семинара приняли участие: доцент МГУ имени М. В. Ломоносова кандидат философских наук К. Н. Никонов, старшие научные сотрудники Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС кандидаты философских наук Р. А. Лопаткин и Э. Г. Филимонов, директор Московского Дома научного атеизма кандидат философских наук Е. В. Анисимов. С докладами выступили также руководитель лекторской группы отдела пропаганды и агитации Хабаровского крайкома КПСС кандидат исторических наук Н. М. Прудников, председатель научно-методического совета по пропаганде научного атеизма при правлении Хабаровской краевой организации общества «Знание», старший преподаватель медицинского института Л. С. Бородина и другие.

Участники семинара прослушали основные темы курса «Основ научного атеизма», приняли участие в практических занятиях на тему «Атеизм и религия в социалистическом обществе». Завершая учебу, слушатели подготовили рефераты. Большинство работ получили хорошую оценку и были рекомендованы в качестве материала для выступлений в массовой аудитории.

●

«Человеку идти к свету» — так называется атеистический кинолекторий, действующий в Раховском районе Закарпатской области. Он обслуживает более 10 населенных пунктов, где живут лесорубы.

12 апреля — День космонавтики

ЮРИЙ ГАГАРИН —

12 апреля исполняется 20 лет со времени космического полета Юрия Алексеевича Гагарина. Впервые в истории человек вышел в Космос. Вышел основательно и надолго. Началась космическая эра человечества.

Космическая эра, космическая эпоха!.. Сколько различных эпох пережило человечество за свою историю. Каменный век, век бронзовый, железный, эпоха пара, электричества. Каждый из этих этапов развития общества называли или по главному материалу, из которого изготавливались орудия труда, или по основному виду энергии, применяемому в трудовой деятельности людей. Смысл названия «космическая» гораздо шире. Это не только новейшие средства труда — ракеты и космические корабли, сложнейшие системы жизнеобеспечения и связи, приборы для изучения природной среды и контроля за ее состоянием, не только огромное число новейших научных открытий и автоматических устройств, спутников космической связи и метеорологических, таких открытий в технологии, как изготовление кристаллов с удивительными свойствами, получение сверхчистых металлов, но и более глубокий этап изучения человеком самого себя, а также открытие новых горизонтов в использовании неисчерпаемых энергетических и минеральных ресурсов Солнца и окружающих планет. Космическая эра — это и новые горизонты познания окружающего нас мира, и сближение народов и государств с различным общественным строем на основе общего огромного объекта совместной деятельности, это и средство борьбы за мир. Освоение Космоса ощутимо влияет также и на воззрения людей, утверждает, расширяет и углубляет материалистическое миропонимание, убеждает человека в силе и возможностях его разума и труда.

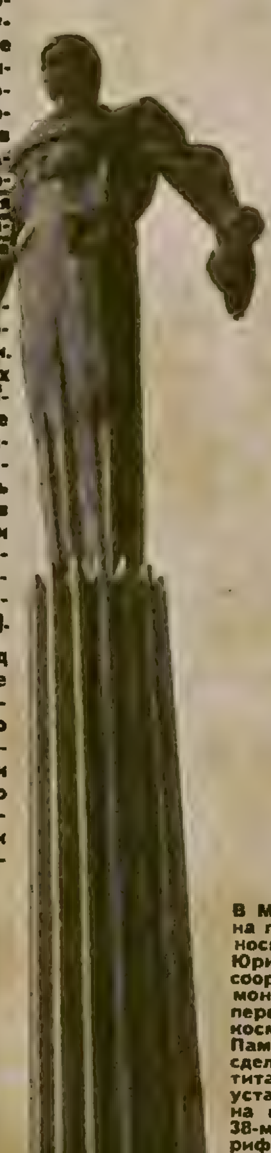
Выход человека в Космос повлиял и на религию — заставил одних богословов обновлять свои тысячелетние догмы, приспосабливать их к новому мировоззрению масс, других — пытаться создавать уже новую, «космическую» теологию. Адъюнкт-профессор католического колледжа святого Михаила при университете в Торонто Гибсон, например, считает, что объект «космической» теологии — это человек нового типа — астронавт, которому она, собственно, и нужна. И, мол, замена теологии, которая во все времена менялась, приспосабливалась к новым условиям жизни, нужна не потому, что меняется сам бог, а потому, что значительно меняется мир, который он создал. Эта новая теология должна, по мнению Гибсона, суметь охарактеризовать бога на основе изменяющегося мира не только терминами старого традиционного богословия, но и категориями магнитного потока и силовых полей. Однако сегодня, в космическую эпоху, в эру побед коммунистической идеологии, диалектико-материалистического мировоззрения все труднее ревнителям религии сохранять и утверждать свое иллюзорное миропонимание.

Всего 20 лет человек живет и трудится в Космосе. Вначале это были короткие разведывательные экспедиции. Сейчас люди проводят в космических полетах много месяцев. Мы теперь спокойно обсуждаем не только ставшие привычными для нас блестящие и тонкие эксперименты на орбитальных станциях, Земля уже привыкла получать космические прогнозы погоды, урожаев и многое другое. Советские ученые и космонавты создали в Космосе, по сути, развитую базу — научную и техническую — «для дальнейшего расширения познаний человека» (Л. И. Брежнев).

Многие сотни миллионов лет назад выползли на сушу из океана первые живые существа — началось «освоение» ими суши. Время, гигантское по удаленности от нас. Однако, если рассматривать его с точки зрения истории Вселенной, — прошло всего несколько мгновений. За этот период живая материя прошла огромную эволюцию к мыслящим своим формам, к социальному развитию. И вот сегодня мы с вами — свидетели того, как человек встал на пороге освоения совершенно новой среды обитания — Космоса. Что это конкретно принесет людям, трудно представить даже самым большим фантастам. Но одно почти бесспорно: прорвавшись в Космос, человечество выходит на столбовую дорогу своего бессмертия.

Мать Юрия Гагарина — Анна Тимофеевна Гагарина. Фото В. Акимова (ТАСС).

В Москве, на площади, носящей имя Юрия Гагарина, сооружен монумент первому космонавту. Памятник, сделанный из титана, установлен на вершине 38-метровой рифленой колонны, облицованной титановым листом. Авторы монумента: скульптор П. Бондаренко, архитекторы Я. Белопольский и Ф. Гажевский. Фото В. Кошевого (ТАСС).

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Н. КАМАНИН, Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации:

Для подготовки к первым космическим полетам была отобрана группа из 20 летчиков. Первое время все они были для меня на одно лицо. Но вот прошло несколько дней и мало-помалу начали проявляться индивидуальные черты этих молодых лейтенантов и капитанов, горевших желанием отправиться в Космос и как можно лучше подготовиться к этому небывалому и ответственнейшему событию. Гагарин выделился сразу же, как только его назначили старшиной группы. Потом, когда я подробнее познакомился с его биографией, я увидел, что так было всегда: в школе, в ПТУ, в техникуме, в аэроклубе, в авиационном училище — везде его назначали старшим. Главной его отличительной чертой была необычайная активность, она тотчас же бросалась в глаза. Энергичный, хорошо физически развитый, увлекающийся спортом, выступающий в соревнованиях с азартом, очень требовательный к себе, а в роли старшины и к товарищам — таковы были мои первые впечатления о нем.

Прошло несколько месяцев, и перед нами, руководителями подготовки, встал вопрос: стоит ли продолжать работу со всеми 20 кандидатами, из которых полетит один, не лучше ли выделить из них небольшую группу в пять-шесть человек, кандидатов на первый орбитальный полет, а с остальными заниматься по несколько иной программе, ориентируясь на более отдаленное будущее? Эта проблема возникла потому, что тогда в нашем распоряжении был только один тренажер, один макет космического корабля и один-единственный самолет, приспособленный для полетов в невесомости, а сроки поджимали.

Решено было для первого полета выделить группу из пяти человек. Внутри отряда был проведен своего рода «конкурс», и при отборе пятерых фамилия Гагарина называлась в числе первых.

Когда учеба была закончена, состоялись государственные экзамены. В экзаменационную комиссию входили крупные ученые, главные конструкторы систем космического корабля, представители министерств и ведомств, специалисты по космической медицине; меня назначили ее председателем. Космонавтам дали для ответа по 30—40 минут, но каждый ответ длился дольше: экзаменующиеся отвечали на множество вопросов, возникавших у членов комиссии. Затем была вторая часть экзамена, чисто практическая. Космонавт надевал скафандр, двигался в нем, потом уже в обычной одежде садился в макет космического корабля «Восток» и в течение полутора-двух часов «проигрывал» во всех подробностях и деталях предстоящий полет. После этого члены комиссии собрались на закрытое заседание и началось обсуждение, кому же из пятерых лететь. И первым был снова назван Юрий Гагарин.

Сверху, слева направо: Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации Н. Каманин, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, заместитель начальника Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина, генерал-майор авиации А. Леонов, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР О. Макаров; дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Б. Волынов; дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Н. Рукавишников. Фотохроника ТАСС.

Не раз я потом думал: что же отличало тогда Юрия на экзамене? Все пятеро отвечали безупречно, все прекрасно сдали практическую часть. Это отличие я осознал и смог сформулировать его для себя много позже, лет через семь, когда услышал от него фразу: «Как учили, так и делал».

В самом деле, возьмите обыкновенных учащихся — школьников, студентов. Среди них есть масса таких, которые буквально с первых шагов делают все не так, как рекомендуют преподаватели, а

иначе, по-своему. Хорошо ли это? Нет! Сошлюсь на опыт своей жизни в авиации, где я провел не один десяток лет. Я не припомню случая, чтобы где-нибудь в своем первом самостоятельном полете разбился летчик. И это понятно: он все делает, как его учили. Но вот с 10-го или с 15-го полета начинается скороспелое «творчество», которое нередко приводит к трагедии. Человеку кажется, что он уже все постиг, всем овладел и способен дальше двигаться самостоятельно. А между тем идет еще пора ученичества...

Так вот, этой черты у Юрия не было совсем. Он совершенно не переоценивал ни своих знаний, ни своего умения. Он знал себе цену, но, как я уже говорил, был требователен к себе.

Вместе с тем он был очень способный человек и все новое впитывал, как губка. После полета я объездил с ним десятки стран. На первых порах он обращался ко мне за советами: как держать себя при встрече с королем или с президентом? Я всегда отвечал одно: держи себя, Юрий, так, как привык, и ничего не выдумывай. Держись правды и только правды. Рассказывай только то, что было, будь самим собой. И он всегда был самим собой— говорил от души, искренне и мгновенно устанавливал контакт с людьми, какая бы ни была аудитория.

Это умение ладить с людьми, умение чувствовать и понимать их, доступность без панибратства, скромность и деловитость — все это очень помогало ему, когда он сам стал руководить подготовкой космонавтов. Недаром в Центре подготовки до сих пор говорят о гагаринских традициях и берегут эти традиции.

А. ЛЕОНОВ, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, заместитель начальника Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина, генерал-майор авиации.

...Время наших космических стартов приближалось. Но кто будет первый? Пожалуй, впервые мы почувствовали, что это будет Юрий Гагарин, осенью 1960 года. В октябре в одном из научно-исследовательских институтов мы, первые космонавты, встретились с Сергеем Павловичем Королевым. К тому времени у Королева уже было много объективных данных о каждом из нас— результаты летной подготовки, парашютных прыжков, изучения техники и так далее. Королев открыл большую папку, и я заметил там лист бумаги, где против фамилии каждого были столбцы каких-то цифр, дат, выводов. Беседовал он с нами по очереди, но почему-то не в алфавитном порядке; где-то в середине беседы была названа фамилия Гагарина.

Юрий встал, и я обратил внимание, что Сергей Павлович рассматривает его внимательнее, чем других. Сразу было видно, что Юра ему понравился. Начался у них разговор, да такой, что Сергей Павлович словно забыл обо всех, кто сидел в комнате. Мы отлично понимали Сергея Павловича, нам самим было интересно их слушать. Юра не мог не импонировать Королеву — открытое русское лицо, улыбка, не сходящая с него, из глаз струится доброта. Все помнят обаятельную улыбку Гагарина, но такой же обаятельной была и манера его говорить. Эта манера сразу же располагала к себе собеседника. Вы чувствовали, что ему с вами очень интересно и хорошо. И это было действительно так: живейший интерес ко всему, что окружало его, с чем он сталкивался, никогда у него не ослабевал. Все это сразу же почувствовал тогда Королев и проникся к Гагарину доверием, симпатией и уважением...

Сегодня, думая о Гагарине, еще раз убеждаешься, как поразительно верно был сделан выбор первого. Человек, которому предстояло отправиться в первое космическое путешествие, был в определенном смысле посланцем человечества, гражданином Земли. Прекрасные человеческие качества Гагарина были известны всем — и главному конструктору Сергею Павловичу Королеву, и Николаю Петровичу Каманину, непосредственно занимавшемуся подготовкой полета, и множеству других специалистов, которые участвовали в организации первого запуска, и всем космонавтам. В анонимной анкете, которую раздали космонавтам, был вопрос: кто должен лететь первым? Большинство из нас назвали Гагарина. Я подчеркиваю, что это был выбор не одного или нескольких человек, а выбор многих, всеобщее мнение, сложившееся за время совместной работы с Юрием Алексеевичем.

Вся последующая жизнь нашего первого космонавта показала безусловную правильность этого выбора. Его отношение к работе, к товарищам, его принципиальность и партийность всегда будут служить примером для советских космонавтов.

О. МАКАРОВ, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР.

В Звездный городок я впервые попал в 1960 году, когда стоял там один маленький желтый домик, где мы, инженеры, читали будущим космонавтам лекции об устройстве корабля «Восток». И конечно, каждый из нас прикидывал, кто же из них будет первым, кто откроет человечеству дорогу в Космос.

Из 20 человек первого набора для подготовки к полету на «Востоке» были отобраны пять. Отобраны удивительно удачно. Во многом они были похожи друг на друга, и в то же время каждый был личностью, и личностью незаурядной. Что же касается Юрия Гагарина, то в его личности все превосходные человеческие качества, которыми в той или иной степени были наделены члены «востоковской пятерки», были, если можно так сказать, блестяще сбалансированы.

И, конечно же, Гагарину хотелось еще раз побывать в Космосе. До последнего дня мечтал он о новом полете, готовился к нему. Он хотел сохранить свою «форму» летчика-профессионала, продолжал летать и погиб во время одного из полетов, предусмотренных программой летной подготовки. Вместе с тем, будучи заместителем начальника Центра подготовки космонавтов, он очень много времени уделял организационной работе и воспитанию людей. Находил он время и для выполнения депутатских обязанностей. И все это у него получалось хорошо, естественно, талантливо. Очень быстро, за несколько лет, он вырос в государственно мыслящего человека. Как все эти качества были угаданы у рядового старшего лейтенанта Военно-Воздушных Сил? Об этом еще будут писать, будут размышлять. Но они были угаданы, и

безошибочно, вот что главное, и нет никого, кто бы сомневался в этом.

Б. ВОЛЫНОВ, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР.

С Юрием Гагариным мы были очень хорошо знакомы: жили не только в одном доме, но и на одной лестничной площадке. Одновременно пришли мы с ним в первый отряд космонавтов и вместе проходили многочисленные медицинские обследования. А как я увидел его в первый раз, помню до сих пор.

Вхожу в автобус, где уже сидят ребята. Я еще никого не знаю. Поздоровался со всеми и сел. И тут я обратил внимание на молодого лейтенанта небольшого роста, который очень заразительно смеялся, говорил, казалось, со всеми, даже задирался и все время шутил — остроумно, но беззлобно. Отмолчаться при такой массированной «атаке» было просто невозможно. Вот о таких и говорят — душа общества. Это качество у него проявилось сразу и как-то выделило его среди остальных. У него был редчайший дар общения с людьми. После полета — наверное, это было открытием и для самого Юрия — оказалось, что он может легко и на равных разговаривать с рабочим и академиком, с премьер-министром и крестьянином. И при этом он был как бы мощным генератором, излучавшим радость и доброжелательность по отношению к людям. Об этом не раз говорилось, но ведь это вспоминается каждый раз, когда говоришь о нем. И не случайно всем нам он запомнился с неизменной улыбкой на лице.

Его улыбку видели все, она была в фильмах, на экранах телевизоров, на фотографиях. Но то, что ему трудно, знали только близкие. После полета Юрий стал много заниматься административной работой, был волевым, очень требовательным, но справедливым командиром. Я частенько бывал у него дома. Здесь всегда было много людей, раздавались непрерывные телефонные звонки. Очень много времени у него занимало выполнение многочисленных общественных обязанностей. Но он никогда не переставал читать и непрерывно учился. Как он это все успевал, непостижимо!

Академию он закончил в 1968 году, чуть позже, чем мы, но ведь и учиться ему было много сложнее, чем нам, еще не летавшим. В академии никаких поблажек никому не давали: к космонавтам относились как к рядовым слушателям и требовали, как говорится, «на всю катушку».

Что греха таить, за время учебы в Академии бывало всякое: пересдавали предметы, повторно отрабатывали практикумы, переписывали контрольные, занимались по субботам и воскресеньям. И это мы, у которых кроме подготовки и учебы ничего не было! А вот как Юра при его загрузке находил время для учебы, мы просто диву давались. И знаете, у него была одна великолепная черта. Немногие, я думаю, в его положении могли бы с такой легкостью обращаться за помощью, как это делал он.

Он мог запросто прийти к кому-нибудь из нас домой и сказать: «Слушай, помоги! Я вот ездил за границу, опять пропустил две лекции и теперь не могу понять, в чем тут дело». В этом был весь Юрий. И хотя с момента его гибели прошло уже много лет, нам, космонавтам, близко его знавшим, до сих пор трудно представить себе, что Юрия нет с нами. Я говорю не для красного словца — мы все действительно это чувствуем.

Н. РУКАВИШНИКОВ, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР.

Я был зачислен в отряд космонавтов уже после исторического полета Юрия Алексеевича. Его имя было известно всему миру, а в Центре подготовки космонавтов он занимал должность заместителя начальника.

И вот мы, Виталий Севастьянов и я, приехали в Звездный городок на подготовку. Начали с беготни «по инстанциям». Нас зачислили на пищевое и вещевое довольствие, выделили по койке в профилактории. Как раз к тому моменту, когда мы закончили «оформляться», наступило время обеда и мы с Виталием отправились в столовую для летчиков. Тогда это было небольшое помещение, на 8—10 четырехместных столов. Виталий держался свободно, так как здесь его уже знали как преподавателя, а для меня все было ново. Входим в столовую, нас встречает официантка: «Садитесь за этот столик, это будет ваше постоянное место». Усаживаемся. Я осматриваюсь и вижу, что за соседним столиком сидит какой-то полковник, Герой Советского Союза. Всматриваюсь и вдруг понимаю, что передо мной сам Гагарин, которого я никогда так близко не видел. Тут в столовую входят еще несколько героев — Титов, Попович, кто-то еще, подсаживаются к Гагарину, и он тут же начинает рассказывать им какую-то историю, и все они громко хохочут. Я наклоняюсь к Виталию: «Куда же ты меня привел? Здесь одни герои, да и сам Гагарин рядом. Может, мы не туда попали?»

Позже, когда началась подготовка, мы уже освоились и частенько бывали в кабинете Юрия Алексеевича, решая у него то и дело возникавшие у нас, представителей промышленности, вопросы. Мне очень нравился его стиль руководства. Юрий Алексеевич очень внимательно тебя выслушивал и все вопросы решал быстро, не боясь трудностей и не страшась брать на себя всю ответственность.

Помню и свой первый разговор с Юрием Алексеевичем в неофициальной обстановке. У него был длинный спортивный автомобиль белого цвета, подаренный какой-то высокой особой во время одной из его зарубежных поездок. И вот однажды, когда Гагарин вышел из этого автомобиля и направился в мою сторону, я, набравшись храбрости, обратился к нему:

— Юрий Алексеевич! А верно ли, что у вашего автомобиля двигатель Ванкеля?

— Кто тебе сказал? Ерунда какая! Идем, я тебе все покажу.

Мы подошли к машине, Юрий Алексеевич открыл капот, мы наклонились над мотором, и он мне все подробно объяснил про свой двигатель.

Это, конечно, мелкий эпизод, но он прекрасно характеризует нашего первого космонавта. Беседуя с его близкими друзьями, я не раз убеждался, что Юрий Алексеевич, неся нелегкий груз всемирной славы, ни на минуту не переставал быть таким же открытым, доброжелательным и доступным для всех, каким он был и до своего полета.

Записали **А. ЛЕПИХОВ** и **Б. СМАГИН**

НЕКОТОРЫЕ технические достижения проявляют свое значение для человечества спустя века и даже тысячелетия. Вряд ли Ползунов или Уатт, к примеру, предполагали, что их паровая машина станет основным механизмом целой промышленной эпохи. Значение же полета в Космос Юрия Гагарина было оценено сразу. И дело не только в том, что люди были подготовлены к выходу в Космос человека первыми успехами советской космонавтики — от спутника, запущенного 4 октября 1957 года, до передачи на Землю снимков обратной стороны Луны с советского зонда в 1959 году. А и в том, что 12 апреля 1961 года была реализована давняя мечта человечества, восходящая, вероятно, к древнейшим периодам истории. Разве не выражением этой мечты был миф о полете Икара?

Икар погиб, поднявшись столь высоко, что Солнце растопило воск, скреплявший перья его крыльев. Акцент мифа об Икаре назидателен: человек сотворен как земное существо, ему не следует менять свою природу — взлетать слишком высоко и подражать птицам.

Однако такое толкование мифа противоречит его содержанию и происхождению: крылья сделал для Икара и для себя летевший вместе с ним его отец Дедал — строитель и художник, а первоначально древнейшее критское божество ремесленников и мастеров. В этом мифе человек славил свою изобретательность, безграничные возможности творчества.

В книге «Черты будущего», вышедшей в свет вскоре после полета Гагарина, английский писатель-фантаст Артур Кларк расценил выход человека в космическое пространство как второе величайшее пространственное перемещение живых существ планеты из одной среды в другую после выхода на сушу древнейших обитателей моря, среди которых были и предки человека. Не окажется ли человек в свою очередь родоначальником «эфирных существ», обитающих в Космосе, существование которых во Вселенной, — правда, как существ внеземного происхождения, — предполагал основатель теоретической космонавтики К. Э. Циолковский?

Русский ученый и мыслитель опирался в этой гипотезе лишь на воображение и знание коренных физических свойств околосолнечного космического пространства. Двадцатилетний опыт работы людей в Космосе позволяет уточнить и развить предположение об «эфирном существе», или, скорее, «человеке космическом», в которого на наших глазах превращается «человек разумный».

Хотя непосредственный контакт людей с Космосом предсказывался и ожидался в мифах, а затем в научной фантастике и научных прогнозах, реальный выход человека в космическое пространство во многом был «прыжком в неизвестность». Некоторые специалисты утверждали, что человек — это «насквозь земное» существо — психологически не выдержит встречи «один на один» со Вселенной и либо сойдет с ума, либо погибнет.

В известном рассказе американского писателя-фантаста Т. Томаса «Двое с Луны» люди, столкнувшиеся с Космосом, «выглядели старше... и какими-то странно высохшими», их психика подверглась столь сильным изменениям что они утратили способность общения со своими собратьями и перестали понимать земную жизнь. Действительность опровергла такое «художественное предвидение». «Двое с Луны», первые земляне, побывавшие на поверхности нашего естественного спутника, — это Нейл Армстронг и Эдвин Олдрин. Совершив лунное путешествие, Армстронг занялся преподавательской деятельностью, участвовал в археологических экспедициях в Южной Америке и всячески избегает сейчас давать интервью, где он выглядел бы «необыкновенным» человеком. Олдрин написал книгу «Возвращение на Землю», где откровенно рассказал о глубоком расхождении между внешней героикой (а фактически трудной работой) астронавта и внутренними ощущениями и переживаниями обыкновенного человека.

Космос и человек оказались совместимы. Но этот факт не был известен до того самого момента, когда вышел на орбиту первый пилотируемый космический корабль «Восток». «Без полета Гагарина не было бы высадки на Луну», — говорил американский астронавт Фрэнк Борман, человек, который в составе экипажа «Аполлона-8» удалился от Земли для пробного облета Луны на такое расстояние, что вся наша планета в иллюминаторе легко закрывалась ладонью. А Нейл Армстронг, приглашенный в СССР в 1970 году, сказал, выступая в Звездном городке: «Он всех нас позвал в Космос».

История космонавтики не так уж продолжительна, и ее основные события не утратили духа современности. Это и полет первой в мире женщины-космонавта В. В. Терешковой (1963 г.); и первый выход из кабины корабля в открытый Космос А. А. Леонова (1965 г.), который около 20 минут был «один на один» со Вселенной, защищенный не прочным металлом кабины корабля, а мягким скафандром; и экспедиции на Луну американских космонавтов (1969—1972 гг.); и стыковка кораблей «Союз» и «Аполлон» с совместным полетом интернационального экипажа (1975 г.); и длительные экспедиции на орбитальных станциях «Салют» (183 дня) и «Скайлэб» (84 дня).

В Космосе уже побывали 98 представителей девяти стран — СССР, США, Чехословакии, Польши, ГДР, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Кубы. Многие из них совершили полеты дважды и трижды. Пожалуй, наиболее рельефно прогресс работы в Космосе виден из сопоставления первого полета человека с одним из последних по времени.

Полет Ю. А. Гагарина продолжался 108 минут — один виток вокруг земного шара. Полет Л. И. Попова и В. В. Рюмина длился 185 суток — больше трех тысяч витков! Это пока самое продолжительное пребывание человека за пределами Земли. Кабина корабля «Восток» не вместила бы второго космонавта. Станция «Салют-6», выведенная на орбиту 29 сентября 1977 года, приняла на борт в общей сложности 27 человек, и каждый раз вновь при-

бывающих поражали просторные помещения станции, которые в Космосе воспринимались совершенно иначе, чем в ее тренировочном наземном дубликате. К ней причаливало 12 беспилотных грузовых кораблей «Прогресс», доставлявших новое оборудование, топливо, продукты питания, почту.

Один только Валерий Рюмин прожил на «Салюте-6» целый год, а стартовал с Земли трижды. В свое третье пребывание на станции в 1980 году он был там уже старожилом. Как-то он заметил след от прикосновения собственной перчатки к стеклу иллюминатора с внешней стороны во время выхода в открытый Космос в предшествующем году (такие выходы для замены приборов, исправления мелких неполадок и т. д. стали обычным делом для членов экипажей «Салютов»). Теперь можно с уверенностью сказать, что Космос становится обитаемым.

Но, конечно, самая существенная разница между первым и последними полетами — это колоссальный рост объема, сложности, многообразия программы исследований и экспериментов. Гагарин наблюдал Землю и звездное небо в иллюминатор, следил за показаниями приборов, поддерживал радиосвязь с Землей, докладывал о работе бортовых систем и своем самочувствии. Он ел и пил воду, вел записи в бортовом журнале, наговаривал информацию на магнитофон. А простой перечень лишь основных работ и видов деятельности, выполненных Поповым и Рюминым на «Салюте-6», займет много страниц.

Обитаемые космические станции представляют собой своего рода центры многогранной космической практики — от прикладных работ до фундаментальных исследований. После группового полета кораблей «Союз-6», «Союз-7» и «Союз-8» в 1969 году, еще до создания и вывода на орбиту «Салютов», Л. И. Брежнев говорил: «Советская наука рассматривает создание орбитальных станций со сменяемыми экипажами как магистральный путь человека в космос. Они могут стать «космодромами в космосе», стартовыми площадками для полетов на другие планеты. Возникнут крупные научные лаборатории для исследования космической технологии и биологии, медицины и геофизики, астрономии и астрофизики» [1].

Каковы дальнейшие перспективы пилотируемой космонавтики?

Безусловно будут продолжаться долговременные полеты на орбитальных станциях. Уже ведутся практические разработки по созданию пилотируемых космических аппаратов многоразового использования; эти аппараты соединят в себе преимущества ракеты и самолета. Когда-нибудь орбитальные полеты не будут требовать усиленных тренировок и особой физической подготовки космонавтов; в Космосе смогут побывать большие группы различных специалистов, даже журналистов и, быть может, туристов. На очереди — создание орбитальных энергетических комплексов, передающих на Землю чистую солнечную энергию по каналам микроволнового излучения; создание автоматизированных предприятий для производства особо вредных для природной среды на Земле или особо выгодных с точки зрения использования естественных условий космического пространства, — сварка в вакууме, выращивание кристаллов в невесомости и т. д. Будут и пилотируемые полеты к другим планетам. И для всего этого понадобятся люди в Космосе — пилоты, монтажники, операторы, инженеры, ученые.

Надо сказать, что к этим конкретным и нужным профессиям теологи добавляют еще одну. По мнению профессора истории церкви Эванстонской епископальной семинарии Жюля Моно, например, задачей космонавтов станет и миссионерская деятельность на других планетах. Кого же, однако, будут они приобщать к идее христианского бога? В пределах Солнечной системы средствами космонавтики не обнаружено не только чужого разума, но и не единой внеземной бактерии. А возможные представители высокоразвитых цивилизаций из других звездных систем, если бы они посетили Землю, пожалуй, скорее «просветили» бы нас, чем мы их, притом это «просвещение», по-видимому, заключалось бы и в информации о высочайшем научно-техническом уровне их развития, позволяющем совершать межзвездные перелеты и достигнутом благодаря их собственным усилиям, а не воле бога.

20 лет прошло с того времени, как человек «вышел» в Космос. Но почти столько же времени длятся споры, особенно за рубежом, между специалистами в области биологии и медицины, физиками, социологами, философами о том, нужно ли для исследования Космоса выходить туда непосредственно человеку и не приведут ли специфические условия обитания вне Земли к необратимым отрицательным последствиям для человеческого организма с перспективой его физической гибели. «Космические путешествия, — писал один из выдающихся физиков нашего столетия М. Борн, — представляют собой триумф интеллекта, но одновременно и трагическую ошибку здравого смысла». Американский биолог и антрополог Л. Эйсли утверждал, что человек возникший на Земле, телом и духом приспособлен только к Земле, которая для него «есть единый и законченный остров бытия».

Дорогу в Космос проложила человеку техника, автоматы. До полета Гагарина уже десятки искусственных спутников и зондов летали за пределами Земли. До и после экспедиций людей на Луну наш естественный спутник посещали автоматические аппараты, которые делали снимки его поверхности, доставляли на Землю образцы лунного грунта. Советские «луноходы» много месяцев бороздили лунную поверхность и дали информацию такого объема, какую не могли собрать астронавты во время своих кратковременных высадок.

Однако дороги прокладываются, чтобы по ним ходить. Эта прописная истина вполне применима и к дорогам в Космос. Когда-нибудь человек будет, по-видимому, постоянно обитать в искусственных сооружениях в открытом космическом пространстве и на преобразованных и благоустроенных им небесных телах.

Четыре года назад американский физик О'Нейлл предложил проект создания «космических островов».

Сама идея больших обитаемых искусственных сооружений в Космосе не нова. Ее обоснование и разработка конкретных проектов «эфирных поселений» принадлежит К. Э. Циолковскому. Однако имеется и немаловажное различие. Проект О'Нейлла ориентирован на «бегство», своего рода библейский «исход» человечества с загрязненной, истощенной и обезображенной планеты. Он идет в русле пессимистических предсказаний, например, авторов докладов Римскому клубу (так называется неправительственная организация, включающая в себя экономистов, экологов и других специалистов разных стран, занимающихся прогнозированием будущего) о якобы предстоящем через 100—120 лет конце цивилизации на Земле в результате чрезмерного развития промышленности, которая погубит земную природу, роста населения, нехватки продовольствия и буквальной тесноты.

Широко известны слова Циолковского: «Планета есть колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели». Ученый полагал, что условия «эфира» благоприятны для жизни человека, не прикованного «цепями тяготения» к тяжелой планете. Но он не считал, что причиной заселения людьми Космоса будут безвыходные условия их существования на Земле. Напротив, утверждал он, люди «изменят поверхность Земли, ее океаны, атмосферу, растения и самих себя. Будут управлять климатом и будут распоряжаться в пределах Солнечной системы, как и на самой Земле». Сочетание космического и земного направлений научно-технического прогресса, их взаимодополнение — такова характерная особенность и тенденция современной космической практики, подтверждающая прогноз великого ученого.

Уже сейчас необходимость пребывания в Космосе человека, а не только автоматических средств вполне очевидна и больше не оспаривается ни специалистами, ни философами. В век развертывания научно-технической революции космонавтика концентрирует в себе все самое передовое и связана с самой сложной техникой — приборами, системами управления, датчиками, средствами связи и т. п., объединить «усилия» которых способен только живой человек. Можно сказать, что «организм» космического корабля и станции приближается по сложности к организму самого человека. Он представляет собой как бы механический вариант того самого «эфирного существа», о котором упоминал Циолковский. И тем более необходимы поэтому слаженность действий, «взаимопонимание» между человеком и автоматом, прибором.

Человек и Землю из Космоса воспринимает иначе, чем приборы, — шире, объемнее. Первое и, мы сказали бы, главное впечатление о нашей планете, какой она предстает из Космоса, выражено в гагаринском восклицании: «Красота-то какая!» Алексей Леонов, первый и пока единственный космонавт-живописец, делал зарисовки Земли, облаков и зорь с натуры и подметил особый эффект солнечных восходов — «солнце в кокошнике» — эффект, лишь впоследствии зафиксированный фотоаппаратурой.

В наше время, наряду с изучением свойств космического пространства, небесных тел Солнечной системы, вне-

[1] «Правда», 23 октября 1969 г.

атмосферной астрономией, космические исследования и вся прикладная космонавтика (метеорологические и навигационные спутники, спутники связи и вещания, исследования земных ресурсов) ориентированы на решение хозяйственных, природоохранительных, естественнонаучных, социальных задач на Земле. И здесь непосредственные наблюдения человека существенно дополняют показания приборов. Космонавту В. И. Севастьянову был задан вопрос: «Как вы полагаете, изменил ли выход человека в Космос стиль и образ его мышления?» Он ответил: «Изменил. Мы и раньше знали, что, например, человек рубит больше деревьев, чем высаживает. Знали, но как-то абстрактно. А поднялись на сотни километров, увидели плешины, потертости на зеленой коже планеты — и только тогда поняли, что это значит».

Наконец, лишь с присутствием человека в Космосе связаны и все медицинские и психологические исследования, которые нужны не только для обеспечения наилучших условий жизни и работы в космических условиях, но и для более глубокого познания человеческого организма вообще, его ресурсов, средств сохранения и поддержания здоровья.

Как воздействуют космические условия на организм и психику человека, как будут они воздействовать на биологическую эволюцию человека в случае его постоянного обитания вне Земли в будущем?

Жизнь на Земле со времени ее образования на нашей планете приспособилась именно к земным условиям. Правда, на высоте до 80 километров, в разреженной атмосфере были обнаружены некоторые бактерии. Но это, пожалуй, и предел для естественного распространения живых организмов в глубь космического пространства. Само же оно с его глубоким вакуумом, жесткими излучениями, сверхнизкими температурами — смерть для всего живого, земного, не защищенного прочными стенками космического аппарата или плотной оболочкой скафандра.

Есть и еще один коварный противник — невесомость. Казалось бы, после стартовых перегрузок и вибрации при работе двигателей тишина и возможность свободно парить в помещениях станции создают человеку в Космосе что-то вроде «райских» условий. Это не так. Космонавты иногда дают эффекту невесомости эпитет «тяжелая» — эпитет, на первый взгляд, несовместимый с состоянием отсутствия тяжести. Дело в том, что невесомость — это не только свободное плавание в пространстве, но и приливы крови к голове, и ослабление мышц, когда, например, ноги становятся, по выражению космонавта А. Г. Николаева, «двумя хвостами», и постепенное вымывание кальция из костной ткани. При реадаптации на Земле после длительного полета космонавт первое время ощущает тяжесть не только всего своего тела, но и даже внутренних органов.

К счастью, все отклонения от нормы имеют обратимый характер и реадаптация на Земле совершается довольно быстро. В длительных же полетах предусмотрены физические упражнения и нагрузки, снижающие отрицательные воздействия этого фактора.

Окружающую среду, в которой непосредственно оказывается человек за пределами нашей планеты, можно назвать полукосмической и полуземной. В кабинах корабля и помещениях станций воспроизводится множество земных условий — атмосфера, давление, температура. Частично реализуется круговорот воды, проектируются и другие природные циклы — вплоть до воспроизводства растительной пищи. Но Космос «вторгается» и в помещения. Кроме невесомости, это и отсутствие земных суток, в режиме которых можно жить лишь «искусственно», ибо наблюдаемые космонавтами земные восходы и закаты сменяют друг друга в пределах полутора часов. Это и «равноправие» верха и низа, которые также оказываются «искусственными» понятиями, так как вполне можно, например, спать на потолке и ходить по стене.

В Космосе, как мы говорили, побывали 98 человек. Конечно, это еще самая малочисленная профессия. Но уже складывается тип космонавта — человека, сочетающего в себе профессиональные знания и навыки с богатством личности, высоким чувством гражданственности, ответственности и дисциплины и вместе с тем с непосредственностью, эмоциональностью, впечатлительностью. Выдающийся советский ракетостроитель и организатор первых космических полетов С. П. Королев как-то сказал о Гагарине, что в нем сочетаются природное мужество, аналитический ум и исключительное трудолюбие. Американский социолог С. Доул даже полагает, что качества людей, находящихся «на гребне волны, несущей человечество через Галактику», будут передаваться по наследству их потомкам. Разумеется, профессии не передаются по наследству в качестве биологических признаков, С. Доул здесь выступает с идеалистических позиций. Речь может идти о духовном, нравственном наследии, о передаче приобретенных навыков в результате обучения и образования.

Далеко не все люди будут космонавтами даже в сколь угодно далеком будущем. Мы уже говорили о том, что освоение и обживание Космоса совершенно не означает ориентации на покидание Земли человеком. Однако в известном смысле мы все вправе сегодня называть себя «космонавтами». Практика освоения Космоса и особенно пилотируемые полеты породили сначала среди специалистов в области ракетно-космической техники, а затем и в массовом сознании понятие «космический корабль Земля». Этот образ обозначает саму нашу планету как природный космический корабль с четырьмя с половиной миллиардами «космонавтов» на борту, совершающий орбитальный полет вокруг Солнца. Люди летят по Вселенной со своими запасами воздуха, воды, животным и растительным царством, минеральными богатствами, и все это нужно расходовать бережно и разумно, уметь воспроизводить, жить и работать на основе сотрудничества и взаимопомощи.

Наш земной «экипаж» еще разобщен на противоположные социальные системы, его потрясают большие и малые войны. Но образ «космического корабля Земля», голубой планеты с ее тонкой и «хрупкой» биосферой, сферой жизни, в жесткой черноте Космоса, какой ее увидели космонавты, а с помощью фотоснимков и телевизионных передач — все жители Земли, этот образ служит дополнительным средством объединения людей в их движении к социальному единству человечества на началах социалистического и коммунистического всемирного сообщества землян.

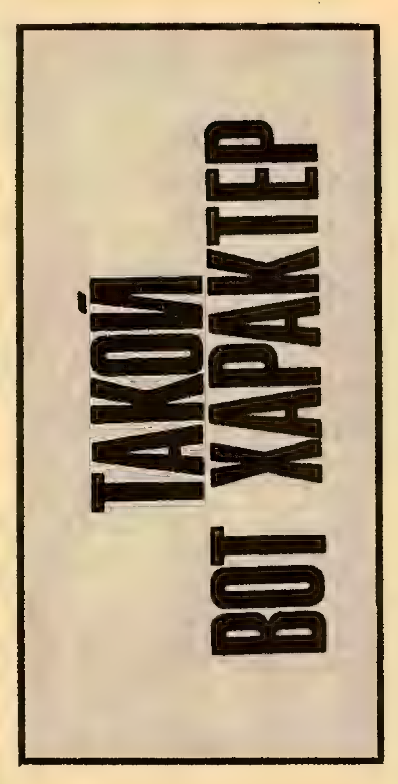
В разгар спора о целесообразности выхода человека в Космос (да и практической космонавтики вообще) американский социолог А. Этциони саркастически замечал: «Никакая находка в Космосе — если только какая-нибудь космическая капсула не вернется наполненной поющими ангелами — не может произвести достаточно эффективного действия на человеческую концепцию самого человека и его мира». Время решило спор не в пользу Этциони и других противников освоения Космоса. «Космические капсулы» возвращаются с ценнейшей информацией о космическом пространстве, небесных телах, о нашей собственной планете, возвращаются с людьми, обогащенными знанием о большой природе мироздания.

И еще одно обстоятельство: хотя космонавтика давно участвует в удовлетворении повседневных практических потребностей людей, но она дает и нечто большее. На конференции ООН по проблемам исследования и использования космического пространства в 1968 году было зачитано посмертное выступление Ю. А. Гагарина, в котором говорилось: «Проникновение в Космос, как и другие великие мероприятия человечества, нельзя рассматривать только сквозь призму повседневных интересов и текущей практики. Если бы люди на протяжении истории руководствовались лишь удовлетворением своих повседневных нужд, то, наверное, человечество до сих пор вело бы пещерный образ жизни. Для объективной оценки крупных поворотных событий, меняющих курс истории, которые Стефан Цвейг столь выразительно назвал «звездными часами человечества», необходимо хотя бы мысленно выйти за пределы забот и надежд лишь одного поколения» [2].

Освоение Космоса не предназначено для отвлечения людей от земных дел. Но оно расширяет мир человека в пространстве и времени. Современные теологи-модернисты утверждают, что, выйдя в Космос, человек еще более убедился в величии творения и самого творца. Однако, проникая во Вселенную, творцом своего мира выступает сам человек: он сооружает искусственные небесные тела, он создает в кабинах космических кораблей и станций условия обитания, не встречающиеся ни на Земле, ни в открытом Космосе, и с особым вниманием он смотрит из Космоса на Землю, чтобы лучше устроить на ней жизнь. Так что задачи освоения и использования Космоса оказываются конкретнее и богаче, чем простое восхищение величием той природы, которая впервые предстала взору человека 20 лет назад.

---

[2] Ю. А. Гагарин. О профессиональной деятельности космонавтов. — В кн.: «Космические исследования и их практическое применение». Изд. ООН. Нью-Йорк, 1969, т. 1, стр. 59.

После публикации очерка «Личное счастье» (1980, № 7) в редакцию пришли читательские отклики. Прочитан и понят он разными людьми по-разному. Одни подчеркивают правдивость и жизненность характера героини (Галина Ивкина из г. Дудинки) и хвалят автора за «пытливый взгляд на психологию конкретного человека» (П. Салимонов из г. Запорожья). Другие, напротив, упрекают автора за то, что не сумел он понять Верочку («так как, видно, не была на ее месте» — Н. Андреева из г. Саранска) и «вместо утешения и помощи отозвался, прямо скажем, не очень чуткой статьей» (В. Поляков из Ленинграда). Некоторые читатели считают, что Верочку слишком сурово осудили, и стараются ее защитить.

Редакция считает полезным еще раз вернуться к очерку «Личное счастье» и предоставляет слово автору очерка Инге Баллод.

В очерке поднята проблема, о которой почему-то не очень принято говорить, а между тем она занимает в нашей жизни немалое место. Речь идет о судьбе женщины, в полной мере сохранившей в себе свойства души, характерные прежде всего для женщины и матери: нежность, чистоту и тонкость чувств, мягкость, отзывчивость, доверчивость. Эти качества «настоящей женщины» сегодня, как и в прежние времена, высоко ценятся (что показали взволнованные, сочувствующие героине письма). И сама Верочка, а с нею и большинство читателей, откликнувшихся на мой очерк, считают, что традиционная роль жены, матери, домохозяйки — по-прежнему главная для женщины.

Ну а чем можно объяснить, что «настоящая женщина», милая, добрая, обаятельная, терпит душевный кризис, находится в состоянии неуверенности, тревоги и страха перед жизнью? Она ведь и к религии обратилась вовсе не из-за мистических наклонностей, а в надежде отыскать здесь хоть какую-то опору, успокоение и утешение. В этом важно разобраться...

Во-первых, Верочке не удалось осуществить свою мечту о полноценной семье, в которой она нашла бы свое достойное место. Семью она, правда, создала: вырастила и хорошо воспитывает двух детей, в ее доме мягкая и сердечная атмосфера, материальный достаток. Однако, как постоянную рану в душе, она несет мысль о «неправильности» своей семьи, об отсутствии у детей отца, а у нее самой — опоры и защитника. Именно это (а не материальные тяготы и не физические перегрузки) больше всего мучает Верочку.

Во-вторых, у Верочки нет не только спутника жизни, но и своего круга близких людей. Странно, если иметь в виду ее общительность, приветливость, сердечность. Однако это так. Создается впечатление, что в ней живут рядом как бы два совсем разных человека. Одна — в своем доме: умная, спокойная, тактичная, очень нужная детям. Другая — вне дома: часто попадающая впросак, неловкая, порой даже бестактная. Ее сослуживцы недоуменно пожимают плечами: «Чего она хочет от нас? Почему так часто ударяется в слезы? Почему так легко переходит от детской восторженности к обиде?»

Один из читателей объясняет все Верочкины трудности просто: «Достаточно посмотреть в статистические справочники, сравнить число мужчин и женщин в нашей стране и обратить внимание на разницу в продолжительности их жизни чтобы понять, в чем тут дело». Он считает что женщинам не повезло: мужчин на всех не хватает, «удачницы» — те, кто «прошел по конкурсу», — стерегут своих мужчин от «неудачниц», а последние вынуждены обходиться без «законных мужей» и, естественно, страдают. Если некоторые из «неудачниц» идут за утешением в церковь, тут нет беды: раз нельзя исправить положение, то не следует мешать Верочкам плакать в церкви.

Думаю, однако, что при анализе столь сложных проблем со статистикой надо обращаться осторожно. На демографию нельзя списывать ответственность за поступки и судьбу каждого отдельного человека, который никогда не укладывается в рамки «среднестатистической единицы». Верочка, может быть, и знает, что мужчин в нашей стране меньше, чем женщин. Но ведь она видит, что некоторые ее знакомые женщины спокойно выбирают себе мужа из числа нескольких «претендентов», что у кого-то отбоя нет от женихов, а вот ей, Верочке, не везет. Как объяснит ей статистика тот факт, что в счастливом замужестве оказываются подчас такие женщины, которые совсем не способны к роли жены и матери? Не ответит статистика и на вопрос, почему больше половины разводов возбуждают женщины.

В одном из писем в редакцию было написано вот что: «Верочка обращается в два места: к богу и в журнал «Наука и религия». Мать-богородица, хоть и молчит, но все же слушает со скорбным и серьезным видом. Молчит, но слушает и не ругает, а следовательно, помогает думать». Мне кажется, что молчание собеседника, к которому ты обратился за помощью, — слабый помощник. Человеку, попавшему в трудное положение, необходим открытый, пусть неприятный разговор. Именно потому, что я очень хочу помочь Верочке и не считаю ее душевную боль вечным уделом «таких натур», я и пыталась тщательно исследовать этот характер и эту ситуацию. Размышляя над судьбой Верочки, над причинами ее одиночества, я надеялась вместе с ней раскрыть возможности ее души — жизнелюбивой, чистой и радостной от природы...

Верочка попала в город из деревни. И в душе городской жительницы, дипломированной специалистки еще живет девочка, воспитанная мамой и бабушкой по традиционным правилам, предписывающим женщине быть уступчивой, ласковой, терпеливой, лишь мягкими советами участвуя в делах мужа — хозяина дома и кормильца; охотно уступать лидерство мужчине вне дома и компенсировать это первенством в делах семейных, в воспитании детей. Такой была мама Верочки, на этом пути она нашла устойчивое моральное равновесие, уважение окружающих.

«Мама Верочки,— пишет Н. Андреева из г. Саранска, — была очень счастливым человеком. Прожить всю жизнь на одном месте, да еще в деревне, да с любимым человеком и своей семьей — ходить летом по траве, видеть цветущие поля, дышать воздухом, радоваться утренней заре, мыть ноги росой, быть окруженной своими близкими людьми — счастье самое большое».

Верочка принесла с собой в город доверие к людям, интерес и тягу к ним. Со студенческой скамьи она стала активной комсомолкой, ее избирали комсоргом, она с воодушевлением бралась за всякие общественные поручения. Она и сейчас в своем учреждении активная участница различных конкурсов, праздников, экскурсий. И вдруг

этот ее возглас: «Все люди — злые!» А в ответ о ней: «Странная. Не понимаем, чего она от нас хочет?..»

Дело тут, я думаю, в том, что общение между людьми, по ее мнению, возможно только в одном варианте: родственная общность душ, безоглядное доверие — как в семье. Люди — одна семья, иначе быть не может, не должно!

Можно ли возразить против желательности таких отношений между людьми? Нет, конечно. Однако в реальном городе, где живут самые обычные люди — не аморальные, не преступные, каждый со своим жизненным опытом, собственными понятиями о том, что такое хорошо и что такое дурно, трудно осуществить мечту о всеобщем единении душ. Можно ли удивляться, что, соприкасаясь и сталкиваясь, люди ведут себя порой отчужденно, особенно по отношению к тем, кто, по их мнению, пытается «лезть в душу». Отношения людей друг к другу определяются в значительной мере общественными установками, нормами и т. п. Даже отношения любящих нельзя, оказывается, вырвать из целостной системы. Именно поэтому так трудно бывает дать однозначную оценку какому-то отдельному поступку человека, выделить, что здесь идет от наших собственных побуждений, а что мы вынуждены делать по воле обстоятельств.

Верочка же стремится давать свою однозначную нравственную оценку факту, вырванному из сплетения связанных с ним событий. А если факт не поддается такой оценке, она путается, нервничает, раздражается. Ей трудно оценивать и ситуации, которые касаются ее лично. В этом случае она легко становится пристрастной, теряет объективность.

Вот примеры.

Служебный конфликт, описанный в очерке, был вызван в первую очередь как раз тем, что Верочка хотела занять должность, которая была ей не по силам, не по способностям. Между тем верно, объективно судить о ситуации она не могла. Отказ показался ей несправедливым, расстроил ее до слез.

Другой эпизод. Два художника приносят Верочке свои эскизы оформления витрины. Обе работы примерно равного достоинства, но один художник по своим человеческим качествам ей нравится больше, ей приятнее иметь с ним дело, и она невольно видит в его эскизе больше достоинства. Когда второй художник пытается отстаивать свой вариант, Верочка не находит убедительных возражений; такая мягкая и деликатная, она вдруг раздражается, старается поскорее отвязаться от назойливого, как ей кажется, человека, грубит.

В комнате, где она работает, все сотрудники, кроме нее, — курящие мужчины. Верочка просит их курить в коридоре. Ее просьбу иногда выполняют, иногда — нет. Она настаивает, «читает нотации», ударяется в слезы, выбегает из комнаты. Как поступать в ситуации, которую ты считаешь неправильной, но изменить которую сразу не удается? Вероятно, надо обдумать сложившиеся обстоятельства, попробовать повлиять на людей какими-то действенными средствами. Но уж ясно, что истерикой ничего не добьешься.

Такой вот характер...

Рассказывая о нем, я вовсе не хотела в чем-то обвинять Верочку. Ясно ведь, это не вина ее, а беда. Получить образование было легче, чем научиться ориентироваться в сложных обстоятельствах. Верочка накопила немало сведений из книг, кино, театральных спектаклей. Но знания эти, к сожалению, чаще всего оставались пассивным грузом.

Возможно, мое критическое отношение к Верочкиной инфантильности насторожило некоторых читателей тем, что я тронула заветное — воспетый литературой, внедренный в сознание идеал «настоящей женщины», хрупкого, нежного, слабого существа. Кто-то забеспокоился: а нужны ли «настоящей женщине» ум, практичность, умение ориентироваться в обстоятельствах, не повредит ли все это ее женственности?

Между тем именно этот стереотип сознания становится прямо-таки бедой для многих женщин. Здесь — причина смятения Верочки, источник ее переживаний. Втянутая в деловую и общественную жизнь, стремящаяся к деятельности, она не нашла в ней себе место.

Как помочь ей самоутвердиться? Взывать к пробуждению ума, практицизма, силы — не значит ли идти против нее самой, ее индивидуальности: Верочка сильной быть не хочет, ибо это противоречит ее сущности! Но перед лицом самой жизни — как не пожелать ей силы? Ведь сила может быть доброй... А какой иной путь можно ей предложить? Назад, к судьбе и образу жизни ее матери, путь для нее заказан, найти «опору», «настоящего мужчину» оказывается нелегко, да и требования к нему у Верочки вовсе не такие простые, как у ее мамы, поколение которой принимало на веру поговорку «стерпится — слюбится». Сейчас прочность брачных уз зиждется совсем на другом: все вольны в своих чувствах, а потому и более ответственны друг перед другом — за несовпадение чувств, за отсутствие любви, взаимное непонимание, за все преграды, возникающие на пути соединения двух людей.

Некоторые читатели упрекнули меня за то, что я не раскрыла глаза Верочке на «реальные взаимоотношения полов в современном высокоразвитом техническом обществе». Вероятно, я что-то упустила — на все вопросы в одном очерке не ответишь. Но, с другой стороны, не так-то просто объяснить, каковы эти самые взаимоотношения, как складывается сейчас «союз души с душой родной». Наряду с добрыми и крепкими молодыми семьями приходится наблюдать какие-то игрушечные, «потемкинские» браки, словно затеваемые только для того, чтобы выпить, погулять, а наутро поссориться и расстаться; есть семьи, где женщина выходит из комнаты, когда к мужу пришел гость; есть браки, превращающиеся в многолетние судебные тяжбы... Как раз в связи с тем, что «реальные взаимоотношения полов» складываются очень сложно, вряд ли разумно культивировать несамостоятельность, слабость, пассивность «настоящей женщины», перед которой умный, опытный, уверенный в себе «настоящий мужчина» положит блага, завоеванные им на деловом поприще, а заодно попросит прощения за грехи и ошибки, совершенные ради «завоевания положения».

Не стоит ли Верочке прежде всего самой укрепиться в мире? Не увлекаться ролью нравственного арбитра, но стараться осмысливать каждый свой поступок, учиться самостоятельно думать, утвердиться в оценках, обуздать и упорядочить поток эмоций. Осознать, что ее доброта, отзывчивость на чужую боль — самостоятельные ценности, а не только обменный товар на счастье. Верочка многого достигла сама, сделала свою жизнь содержательной, но только почему-то не радуется ей. Неужели лишь потому, что все добыто самой, а не получено «в подарок»?

Немного о столкновении Верочки со своим антиподом — «железной» Раисой Федоровной. Многие читатели обратили внимание на этот конфликт, назвали Раису Федоровну самоуверенной грубиянкой, а ее придирки к Верочке — выражением темных «бабьих» чувств.

Пожалуй, и тут дело обстоит сложнее.

Социологи, проводя исследования на предприятиях, в учреждениях и институтах, выделяют так называемый «сильный» тип личности — деловую женщину. Детальное изучение показывает: женщинам, которые достигают руководящих постов, довольно часто приходится отодвигать на второй план такие «традиционные» добродетели, как тонкость чувств, доверчивость, нежность, отзывчивость и т. п. А может быть, Раиса Федоровна стала «железной» потому, что не видела другого пути движения по служебной лестнице? Может быть, ее, как и Верочку, напугала та же самая запутанность и многозначность связей между людьми в «высокоразвитом техническом обществе»? Только реакция ее была совсем другой. К Раисе Федоровне я отношусь с неприязнью. И меня пугает мысль, что могут найтись Верочки, которые захотят отречься от «мешающих жить» качеств и стать такими «железными и деловыми». И оставшихся Верочек выставлять на посмешище как дурочек и чудачек...

К счастью, стоит оглянуться вокруг, и ты замечаешь много женщин, которые удачно сочетают в себе эмоции и разум, сердечность и силу характера, чуткость и деловитость. Расскажу о моей встрече с такой женщиной, которая, по случайности, живет в одном городе с Верочкой, зовут ее Галина Владимировна.

Самый строгий ревнитель женственности не упрекнул бы Галину Владимировну в ее отсутствии. Едва верится, что она недавно стала бабушкой. У нее сохранился восторг перед жизнью, открытость, доверчивость. Троих детей растила она. Помогала мама, выручали ясли, детские сады. Сейчас Галина Владимировна — профессор, доктор медицинских наук, заведует кафедрой. И вот что я от нее услышала:

— Пожалуй, настоящую радость от жизни я стала ощущать только во второй ее половине. В юности было очень трудно, начинала с нуля, жить не умела, людей не знала, эмоции захлестывали. Когда появляется зрелость, начинаешь лучше все видеть. Рабочее место мое всегда было на кухне — стоя у плиты, готовилась к занятиям, писала статьи и книги. Когда познакомилась с теперешним моим мужем, я очень много имела. А имущему, как говорится, дастся. Муж не должен был

меня ничем «одаривать». И хотя общих детей у нас нет, такой крепкой привязанности ни у него, ни у меня прежде не было. Сейчас в нашей общей семье четырнадцать человек: его дети и внуки, мои дети и внуки, наши родители... Приходилось ли мне видеть пренебрежение мужчин к моим возможностям как ученого? Не помню такого. Женщины мне сочувствовали. Мужчины старались помочь.

— А вы, Галина Владимировна, постоянно работая среди мужчин, не чувствовали, что сами становитесь «мужчиной в юбке»?

— Напротив, очень сильно ощущала разницу. Во мне всегда неизживаемо присутствует потребность понять другого, мысленно перевоплотиться в него — женская мечта бытия в другом.

— Что бы вы посоветовали Верочке?

— Спокойствия, уверенности, разума. У нее в руках, если можно так выразиться, прекрасный материал, из которого она не умеет сшить платье.

Инга БАЛЛОД

Под колокольный звон

Перечитал я недавно снова очерк А. Шамаро «Суббота светлой седмицы», напечатанный в № 5 журнала «Наука и религия» за 1975 год. В этом очерке рассказывается о событиях, послуживших одним из значительных эпизодов романа Михаила Шолохова «Тихий Дон»,— о гибели отряда Подтелкова. А для меня это эпизод из моей собственной жизни. 12-летним мальчишкой я был свидетелем казни подтелковцев, знаю, как повлияло это зверство на жителей хутора Пономарева.

Помню я ту пасхальную неделю. Как и полагалось, трезвонили в станице церковные колокола, на плацу играла гармошка, лихо отплясывали вприсядку молодые казаки, разнаряженные казачки лущили семечки — в общем все, как и должно быть на православный праздник, как бывало всегда. Но в том году этот праздник представлял собой лишь видимость, так как не было мира на Дону. Генерал Каледин уничтожал Советы, расстреливал их руководителей, насаждал заново все царские порядки, чем вызывал ненависть беднейшего казачества и иногородних, только что при Советах получивших землю и права. В станицах и хуторах шло резкое классовое размежевание. Фронтовики, вернувшиеся с войны, вступали в схватку с отцами: сыновья ратовали за мир, равенство и братство, а их отцы, старорежимные служаки, отстаивали вековой кондовый уклад казачьей жизни.

В эти тревожные пасхальные дни из Ростова, чтобы набрать новые силы для борьбы с контрреволюцией, направился к станицам северных округов области отряд Подтелкова. Станица Краснокутская, через которую лежал его маршрут, раскинулась своими широкими улицами на берегу реки Чир — правом притоке Дона. К тому времени, как отряд вступил в юрт Краснокутский (в юрте насчитывалось до 40 хуторов), здесь свергли Советскую власть и поставили атамана. Спешно был организован белоказачий полк. Священники с певчими и хоругвями обходили конный строй — благословляли христолюбивое воинство на поимку антихриста Подтелкова. Трезвон колоколов разливался по всей округе и был слышен за десятки верст. На другой день подтелковцев окружили в хуторе Калашникове.

Подтелкову атаманы предложили: дабы не проливать на святой праздник братской крови, сдаться в плен и следовать в Краснокутскую, где все будет улажено по-хорошему ради светлого Христова воскресения. Подтелковцы поверили и сдались. Ведь многие из них, надо полагать, считали себя христианами и доверялись слову божьему. А когда их обезоружили и толпой под конвоем погнали к хутору Пономареву, все стало ясно. Их начали избивать плетьми, давить лошадьми, пригнали в хутор и заперли в пустой общественный лабаз. Всю ночь заседал военно-полевой атаманский суд. Решение вынесли такое: всех пленных расстрелять, а главарей — Подтелкова и Кривошлыкова повесить.

Так в пасхальные дни 1918 года под колокольный звон церквей состоялась казнь славных сынов Дона, отдавших свои жизни за светлое будущее народа.

После той казни многие жители нашей станицы заколебались в вере, а некоторые совсем стали безбожниками, открыто говорили, что если уж бог допустил так подло нарушить заповедь «не убивай», то его и нет вовсе. Хорошо помню те разговоры.

А я вскоре стал комсомольцем, позже был советским работником, журналистом. Около 40 лет проработал в разных газетах, в годы войны был корреспондентом дивизионной газеты. После войны вернулся в Ростов, написал повесть о военном братстве «Одна семья», она вышла в свет более 30 лет назад... Сейчас живу в доме для престарелых и инвалидов, работаю тут библиотекарем.

А. ПАВЛОВ

г. Шахты
Ростовской области

Какое крещение, такое и к вере отношение

До Великой Октябрьской революции среди чувашей очень распространенными именами были Иван и Василий. Есть мнение, что это отголосок тех времен, когда после присоединения к России Чувашии началась христианизация последней. В детстве я слышал, как старики рассказывали об этом: вот придет русский поп в одну деревню крестить чувашей, загонит всех мужчин в речку и наречет Иванами. В другую приедет — Василиями. Ну а какое было крещение, такое и к новой вере отношение — больше по душе чувашам оставались их привычные, языческие обряды. Я помню, например, как весной, при выгоне скота на пастьбу в поле, все взрослые выходили к околице на богослужение. Поп служил молебен, церковный хор пел, а потом поп проходящее стадо окроплял «святой водой». Однако стоило пасть в деревне нескольким коровам, овцам или лошадям, а такое тогда случалось часто, старики тут же инсценировали «свадьбу», символически переправляя вместе с ней «мор» дальше, в другую деревню. Если, бывало, глубокой ночью услышишь звон колокольчиков, бубенцов и нестройную свадебную песню, то уже знаешь: это специально выбранные люди под видом свадьбы увозят «мор» за чужую межу. Но в других-то местах тоже знали об этом «средстве» против эпидемии. Поэтому на межах весной стояли дозоры.

Служили молебны и ходили крестными ходами и при засухе. Но через несколько дней после этого старики обходили дома, собирали деньги, покупали на них быка, резали, и около речки устраивалась коллективная трапеза, как бы жертвоприношение.

А в первое воскресенье пасхальной недели все парни, в чьих хозяйствах имелись кони, наряжали их, выезжали верхом, пели веселые песни. Потом все галопом бросались к вязу, росшему на окраине леса, и начинали бить его плетью, приговаривая: «Пожени меня, пожени!» Этот вяз так и по сей день растет уродом.

М. АЛЕКСЕЕВ

Село Балабаш-Баишево
Чувашской АССР

Первый в городе

Мы прочитали статью П. Дудочкина (1980, № 12) и решили последовать хорошему примеру — организовать клуб трезвости при городском Доме культуры. Для начала клуб взял шефство над мужским общежитием комбината Электрометаллургстроя. Арматурщик М. Мостовой и автослесарь А. Рудницкий — жильцы этого общежития — и воспитатели И. Абдулина и Н. Смирнова вошли в совет клуба.

Членами клуба могут быть некурящие и непьющие. Желающие бросить эти вредные привычки вступают в кандидаты с испытательным сроком в шесть месяцев. Разумеется, дело не в формальном соблюдении правил. Совет старается так строить работу, чтобы повлиять на пьющих людей, совлечь их с пагубного пути, убедить их: без водки жить полнее, интересней, ярче.

Е. МОЛЕВ

г. Старый Оскол
Белгородской области

Было интересно

Совет по атеистической пропаганде при Октябрьском райкоме КПСС города Тамбова и областная юношеская библиотека имени С. Н. Сергеева-Ценского провели читательскую конференцию по повести своих земляков И. Г. и М. К. Витковских «Потерянная молодость», опубликованной в журнале «Наука и религия» (1979, № 4—6). В ходе подготовки к обсуждению работники библиотеки организовали выставку книг о религиозном сектантстве, устроили предварительную читку повести вслух. Участники конференции говорили о причинах, которые привели главного героя Алексея Угрихина в секту истинно-православных христиан, об антиобщественном характере этого религиозного течения. Обсуждение повести «Потерянная молодость» прошло и в других библиотеках района, а также в кооперативном техникуме.

П. ГОНОРОВСКИЙ,
председатель совета по научно-атеистической пропаганде при Октябрьском райкоме КПСС
г. Тамбов

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

С. ТОКАРЕВ,
доктор исторических наук

ЕСТЬ РАЗНЫЕ взгляды на происхождение жертвоприношений и их значение в религии, причем как у богословов, так и у материалистов. Например, по мнению последователей католической «венской» школы — В. Шмидта и других, жертва — знак преклонения человека перед божеством, проявление покорности, благодарности. У наиболее примитивных народов, считают они, сохранилась эта древнейшая форма жертвоприношений в виде первой охотничьей добычи, первых плодов и приплода скота.

Некоторые свободомыслящие буржуазные ученые, опираясь на анимистическую концепцию происхождения религии, отстаивают «теорию дара». По ней, первобытный человек, представляя себе сверхъестественные силы антропоморфно, по аналогии с самим собой, стремился задобрить или умилостивить их, предлагая им то, в чем они, по его мнению, нуждались.

Английский буржуазный философ Герберт Спенсер, считая древнейшим культом культ умерших, относит к первоначальному виду жертвоприношений «кормление» покойников и снабжение их всем необходимым. Именно поэтому, утверждает он, с умершим в могилу клали то, в чем он нуждался при жизни: пищу, одежду, оружие и т. д. На этой основе впоследствии развились и другие, более сложные жертвы духам и богам.

Специалист по религиям семитских народов Робертсон Смит утверждал, что первоначально принесение жертвы было не даром божеству, а формой общения членов рода между собой и с божеством рода. И древнейшая жертва — умерщвление и поедание жертвенного животного — это совместная родовая трапеза, в которой приглашали принять участие и божество или тотем рода. Причем жертвенное животное становилось священным.

К «теории общения» примкнул историк религии Франк Джевонс. Развивал ее и английский религиовед Джеймс Фрэзер. Вкушение жертвенного мяса — это как бы поедание бога, «богоядение». Этот обряд, кстати, встречается в различных, в том числе и в развитых, религиях. Пережитком его можно считать христианскую евхаристию — причащение: «вкушение тела и крови Иисуса Христа».

Взгляд немецкого этнографа Конрада Прейсса на жертвоприношения связан с его «колдовской» теорией религии, по которой боги — это как бы символы колдовских сил. Из этой теории он выводит, что первоначальной целью принесения в жертву животного было стремление освободить заключенную внутри него колдовскую силу.

Нельзя не упомянуть и о распространенной в свое время «теории обмана», предложенной публицистами и философами XVIII века. По ней считалось, что обычай принесения жертв введен обманщиками-жрецами, которые изобрели способ наживаться за счет простодушных людей под предлогом того, что это нужно духам, предкам, богам. В новейшее время ее в упрощенной форме излагал немецкий популяризатор атеизма — Генрих Эйльдерман, а американский этнограф Пол Радин доказывал, что зачатки этой системы обмана просматриваются еще в доклассовом обществе.

Каждая из названных теорий содержит в себе ту или иную долю истины и объясняет отдельные факты. Но ни одна из них в отдельности не может объяснить всех форм и типов жертвоприношений. Не только виды, но и мотивы жертвоприношений были весьма различны: тут есть и кормление умерших, и задабривание духов, и магическое умерщвление животного, и тотемическое «причащение», и умилостивительный дар богу, и акт очищения, и своекорыстный обман со стороны жрецов.

Рембрандт. Жертвоприношение Авраама.

Разнообразие форм жертвоприношений и их мотивов говорит о том, что и самые корни обычаев принесения жертв связаны с разными сторонами общественной жизни людей. И здесь, на мой взгляд, можно говорить о пяти главных аспектах в общественном бытии древнего человека, каждому из которых соответствовали, и порождались им, определенные формы жертвенного ритуала.

Эти пять аспектов таковы: условия первобытного хозяйства (охотничьего, скотоводческого и земледельческого); возрастно-половые взаимоотношения; обращение с умершими; межплеменные отношения; зачаточные формы социального расслоения.

Рассмотрим каждый из них.

Об охотничьем образе жизни людей эпохи палеолита мы, конечно, знаем мало. Однако считается общепризнанным, что наши древнейшие предки охотились обычно коллективно, особенно на крупного зверя. Поэтому и потребление добычи не могло не быть коллективным. Такая практика существовала тысячелетиями как чисто стихийное действие, прежде чем первобытный человек осознал совершаемое. И судя по реликтам и пережиткам этой практики у современных отсталых народов, такое осознание приняло вначале вид тотемических представлений о животном-сородиче (теория Робертсона Смита). Так древнейшая охотничья трапеза превратилась в «жертву-общение», в которой торжественно поедаемое животное становилось священным животным рода, родовым божеством, умерщвляемым как бы в жертву самому себе. Классический пример — «медвежий праздник» у гиляков, подробно описанный советским этнографом Л. Я. Штернбергом в его книге «Первобытная религия в свете этнографии» *. В сходном виде эта форма жертвоприношения бытовала и у соседей гиляков — айнов, ульчей и других народов. Каким образом, когда и почему на место этого «животного-сородича» (тотема) встал человек-сородич, человеческое воплощение божества, трудно сказать при теперешнем состоянии знаний. Однако можно считать доказанным, что такой обычай «богоядения» существовал у многих народов.

Можно предположить, что к этой же эпохе охотничьего хозяйства тянутся

* См. также: Ю. Самар. Медвежий праздник. «Наука и религия», 1980, № 12, стр. 30 (прим. ред.).

корни другого вида жертвоприношений — жертвы первинок. Это древнейшая форма общественного регулирования производства и потребления, берущая начало в чисто стихийном соблюдении определенных сроков начала охоты, рыбной ловли, собирания пищи, а позже — потребления продуктов земледелия, приплода скота. До наступления назначенного срока добывание и потребление определенных видов пищи — плодов, ягод, грибов, орехов, так же как охотничьей добычи, а впоследствии хлебных злаков, — запрещалось обычаем. В определенный срок это табу снималось.

Снятие табу облекалось в обрядовые формы. И одним из самых распространенных обрядов было символическое подношение первых плодов, первой добычи, первого приплода стад духу — покровителю охоты или земледелия, одним словом — сверхъестественному патрону общины. Само разрешение пользоваться первыми плодами после запрета выливалось в форму торжественной церемонии. В дальнейшем эта церемония осмысливается как жертва первинок духам или богам.

Человеческое жертвоприношение (рисунок из древнеацтекской рукописи).

Гадание по внутренностям жертвы (античный барельеф).

Например, у чукчей, сохранивших архаичные элементы верований и обрядов, ежегодный осенний убой оленей сопровождается принесением жертвы: кусочки мяса бросают в жертву семейному очагу и благодетельным божествам-покровителям. По старым обычаям чувашей, хлеб нового урожая, первые плоды, даже лесные ягоды и грибы можно есть только после того, как совершен обряд «моления» (или «чуклення») с принесением подобающей жертвы. По закону Моисея, изложенному в Ветхом завете, все первородное любого вида скота должно идти в жертву богу. Русские крестьяне, по старому обычаю, отмечали в августе медовый, яблочный и хлебный спас, каждый из которых был приурочен к первому сбору меда, яблок и хлеба.

Кроме того, бытовали обычаи посвящать духам или богам частицу потребляемой пищи повседневно. В Древней Греции, например, было принято совершать «возлияния» в честь богов во время пиршеств: несколько капель вина, перед тем как его пить, отливали богам. У алтайцев и у близких к ним народов Сибири еще недавно был обычай «брызгать» в честь духов или в жертву очагу, обмакивая в чашку указательный палец правой руки. Многие, преимущественно охотничьи народы, в благодарность за успешную охоту «кормили» домашние изображения духов-покровителей промысла: мазали рот деревянному идолу кровью и жиром убитого животного.

А вот еще одна характерная разновидность жертвенного ритуала, уходящая своими корнями к традициям примитивного охотничьего хозяйства: жертвенный огонь. Причем здесь налицо смесь традиций первобытной охотничьей трапезы, «жертвы первинок», когда доля, предназначенная божеству, сжигалась. Такое переплетение особенно хорошо просматривается позже, в ведической религии древней Индии, где Агни (бог огня) выступал в двойной роли: посредника, доносящего до неба жертву, предназначенную богам, и одного из главных божеств, которому пелись гимны, приносились жертвы.

В позднейших «огнепоклоннических» религиях (маздеизм, парсизм, иезидизм) огонь выступает скорее как очистительная сила, чем как особое божество. Но зато сама идея огненного очищения присутствует в самых различных формах буквально во всех религиях. Тут и невинная копеечная свечка или лампада перед иконой, и адский обычай средневековой инквизиции сжигать «еретиков» живыми якобы для «очищения» их от ереси, и самосожжение фанатиков в русском старообрядчестве.

С переходом от примитивного присваивающего хозяйства к производящему — скотоводству и земледелию — жертвоприношения принимают своеобразную форму: духам начинают посвящать живых животных. Ханты, манси, ненцы, селькупы, эвенки, тувинцы-тоджинцы отбирали духам живых оленей, чаще белой масти. Это животное уже нельзя было использовать в хозяйстве, ездить на нем верхом или запрягать, разве только для перевозки священных предметов или изображений («боговы олени», «зашаманенные олени»). Алтайцы, хакасы, буряты, посвящая божеству коня белой масти, отпускали его на волю.

Об обычае посвящать живых животных божеству говорится в Ветхом завете. Это, во-первых, знаменитый «козел отпущения», которого предписывалось поставить «живого пред господом, чтобы совершить над ним очищение и отослать его в пустыню для отпущения (и чтоб он понес на себе их беззакония в землю непроходимую)» (книга Левит, гл. 16, ст. 10). Во-вторых, всеохватывающее требование «все первородное мужеского пола, что родится от крупного скота твоего и от мелкого скота твоего, посвящай господу, богу твоему: не работай на первородном воле твоем и не стриги первородного из мелкого скота твоего» (книга Второзаконие, гл. 15, ст. 19).

У земледельческих народов древнего мира (египтяне, греки и др.) тоже были священные животные — завещанные кому-либо из богов. Такое животное и само считалось как бы божеством. Например, египетский бык Апис. Здесь, может быть, один из корней религиозного почитания животных, когда целые их виды (например, коровы, змеи и другие в Индии) считались, а иные считаются и по сию пору священными.

Самой ранней формой деления первобытной общины было наряду с родовым возрастно-половое — элементарная форма внутриобщинного разделения труда. И здесь действовал институт возрастных инициаций, знаменующий переход подростков в ранг взрослых, — важнейший рубеж на жизненном пути любого члена первобытной общины. Обряды инициаций включали в себя тяжелые, иногда мучительные испытания. Некоторые из них представляли собой как бы особую форму жертвоприношений.

Так, например, у североамериканских индейцев инициации иногда превращались в добровольные самоистязания (юношей подвешивали на ремнях, продетых сквозь мускулы, и т. п.). Считалось это своего рода жертвой духам, которых надо было разжалобить: индеец беден и ему нечего больше принести духу-покровителю, кроме собственного добровольного мучения.

Несколько иное выражение получила та же идея в иудаистском обычае обрезания. Первоначально оно составляло

часть посвятительного ритуала, затем его стали совершать над детьми младенческого возраста, почитая это жертвой богу (см. книга Бытие, гл. 17, ст. 10—14).

Некоторые формы принесения жертвы духам или богам можно считать лишь косвенно связанными с институтом инициаций. Да и собственно жертвами их можно назвать лишь условно. Это религиозный гетеризм — принесение в жертву божеству девственности в вавилонском культе Иштар, кастрация и самокастрация — в сирийском культе Аттиса и других подобных культах, вплоть до русского скопчества. Это и религиозное самоубийство — крайняя степень изуверства, практиковавшаяся в некоторых сектах Индии. Формой посвящения себя богу было и древнееврейское назорейство, налагавшее на человека ряд пожизненных или временных ограничений и запретов. Да, в сущности, вся система религиозного аскетизма с его целой гаммой оттенков и степеней (начиная от соблюдения постов, вплоть до изуверского ношения вериг и «власяниц», индийского отшельничества, мусульманского дервишизма, христианского схимничества, затворничества и т. д.) — все это лишь различные производные от основной идеи: посвятить себя богу и тем самым принести ему жертву.

Заупокойные дары — жертвоприношения, обусловленные третьим аспектом общественного бытия человека глубокого прошлого. Обращение с телами умерших привело уже в начале верхнего палеолита к образованию устойчивых погребальных традиций. И археологические и этнографические данные говорят об обычае снабжать покойника пищей и необходимой утварью, оружием, украшениями.

С погребальными обычаями связана не только практика непосредственно могильных даров — жертв в узком смысле слова. Сюда же относится, например, траур, налагаемый на родичей и близких друзей умершего. Они воздерживаются в течение какого-то времени от развлечений, определенных видов пищи, носят особую одежду и т. д. Иногда при этом люди соблюдают обет молчания, царапают и режут себе до крови голову, лицо, тело, отрубают фалангу пальца (Океания).

В эпоху классового общества заупокойные дары становятся более обильными, обряды более жестокими. При погребении знатного лица — вождя, царя (особенно в рабовладельческих монархиях древности, на средневековом Востоке, например Дагомея, Бенин в Африке) — уже практиковались и человеческие жертвоприношения. Покойника сопровождали на тот свет десятки, а то и сотни убитых рабов. Убивали жен, наложниц царя.

В смягченной форме обычай заупокойных даров дожил до наших дней. Еще и сейчас во многих странах мира родственники умершего в определенные дни (в праздники, в годовщину смерти) носят на кладбище и оставляют на могиле еду: вареные крашеные яйца, хлеб, вино.

Четвертая линия развития жертвоприношений уходит своими корнями к древним межплеменным отношениям, причем к отрицательной стороне отношений — враждебным столкновениям, хотя, скорее всего, меж племенами преобладал мир. Но именно у некоторых особо воинственных народов умерщвление врага в бою или военнопленного на каком-то этапе стало осмысливаться как жертва божеству. Соответственно сам образ бога начинает принимать черты свирепого и кровожадного существа, охочего до человеческой крови.

Еще в 1777 году европейские моряки наблюдали на острове Таити (Полинезия) жертвоприношение воинственному богу Оро. Ацтеки в Мексике приносили своим жестоким богам человеческие жертвы в огромных размерах. Чтобы иметь в запасе достаточный материал для этих жертвоприношений, они вели частые войны с соседями. Испанские конкистадоры — сами отнюдь не мягкосердечные люди — были поражены высокой пирамидой из человеческих черепов в городе Теночтитлане. Это были останки принесенных в жертву.

Но не только боги, а и души умерших «требовали» порой человеческих жертв. Уже упоминалось об обычае убивать рабов, слуг, наложниц при погребении царя. Вспомним воспетого Гомером Ахилла. Он перебил множество троянцев во главе с самим Гектором для умиротворения тени своего погибшего друга Патрокла.

По существу, в ту же категорию жестоких военных обычаев, требовавших истребления врагов во славу и по наущению своего бога, попадает и вся история истребительных войн израильтян за овладение Палестиной в конце II — начале I тысячелетия до нашей эры. Правда, нельзя забывать и о том, что в тот период рабов еще не держали, в плен не брали, так как их надо было кормить, а средств на это не было. В Библии же сказано, что эти войны велись по прямому повелению Яхве. Приказывая своему избранному народу завоевывать город за городом, Яхве настойчиво требовал не оставлять в живых ни одного человека, убивать всех, не разбирая ни пола, ни возраста (см.: книги Иисуса Навина, гл. 6, ст. 20; гл. 10, ст. 28—42; гл. 11, ст. 7—21 и др.).

Разновидностью обычая приносить богам в жертву людей можно считать подношение божеству скальпа убитого врага. Этот варварский обычай, практиковавшийся древними скифами, получил распространение у североамериканских индейцев. Впрочем, в последнем случае большая доля вины ложится на английскую и французскую колониальную администрацию. Это она вовлекала своих индейских союзников во взаимную затяжную войну и выплачивала индейцам денежную премию за каждый принесенный скальп врага.

Не чем иным, как обычаем приносить пленных в жертву богам или духам, был кровавый институт гладиаторских «игр» в Древнем Риме. Ведь прежде чем стать печально знаменитым цирковым зрелищем, «игры» гладиаторов были (вначале у этрусков, а потом у самих римлян) видом погребальной жертвы.

И все же не надо преувеличивать степень распространенности обычая человеческих жертвоприношений в истории народов. Явление это отнюдь не было универсальным — как не был таковым и каннибализм. С другой стороны, это и не собственно первобытный обычай. Все известные истории примеры принесения в жертву людей относятся не к примитивным племенам, а к народам, достигшим относительно высокого уровня общественного развития, с отчетливой классовой структурой. Индейцы Северной Америки колониальной эпохи, древние скифы, кельты, этруски, римляне, израильтяне эпохи завоевания Палестины — все это воинственные народы (точнее — народы в особенно воинственный период их истории), стоявшие на грани классового строя или на раннеклассовой стадии. Делать из этих фактов какие-либо широкие выводы, а тем более обобщения можно лишь с большой осторожностью.

Чем дальше заходил процесс внутреннего разложения первобытной общины, тем более проглядывало в ней социальное расслоение, порождая противоречия интересов — с одной стороны, колдунов, знахарей, гадателей, шаманов, позже — жрецов, а с другой — простого народа. Здесь-то и начинают (и чем дальше, тем больше) проявляться обман и вымогательство. Хотя попытки некоторых авторов свести все вообще жертвоприношения к «жреческому обману» страдают крайним упрощением проблемы, фактов такого обмана отрицать нельзя. Сибирские шаманы, например, леча людей или скот, требовали кровавых жертв для умилостивления духов. Часть жертвенного мяса они забирали себе. Некоторые шаманы в основном этим и жили.

Здесь проглядывает один из корней широко распространенного у многих народов обычая «жертвы-гадания». Стремление узнать что-то о будущем, предугадать успех или неуспех задуманного — свойственно всем людям. На разных ступенях общественного развития это выражалось в разнообразных «гаданиях»: по полету птиц, по поведению животных, по звездам, по линиям руки, по картам и т. д. Издавна выделялись и специалисты — гадатели и гадалки.

В некоторых странах (особенно античного мира) получил большое развитие особый способ гадания — по жертвенным животным. Гадатель-жрец резал в жертву богам овцу, теленка, петуха и по виду внутренностей жертвы или по другим признакам «узнавал» и объявлял людям волю бога. В античной Греции, в Риме считалось невозможным начинать какое-либо важное дело, особенно в военной сфере, не спросив перед тем божество, не заручившись его помощью в задуманном деле.

В классовых обществах система обязательных жертв в пользу храма (по существу, в пользу жрецов) достигала огромных размеров. В Библии подробно перечисляются разнообразнейшие виды обязательных жертвоприношений на разные случаи жизни. Жрецы Иерусалимского храма, в руках которых скапливались таким путем большие материальные ценности, располагали неограниченной властью над населением. В других странах (Египет, Месопота-

мия, отчасти античный мир) состоятельные верующие, главным образом цари, жертвовали и жаловали колоссальные богатства в пользу храмов, чтобы заручиться поддержкой жреческой верхушки. Некоторые храмы пользовались особым авторитетом (например, Дельфийский храм с его знаменитым оракулом); уже одно это служило жрецам источником обогащения.

В средние века католическая церковь по количеству земельных владений стояла в одном ряду с богатейшими феодалами. В мусульманских странах церковь также владела огромными землями, составившимися из разных пожалований и пожертвований. В некоторых странах общая площадь таких земель доходила до половины, а то и больше общего земельного фонда (Турция, среднеазиатские ханства).

Крайнее разнообразие форм и разновидностей жертвоприношений делает затруднительной попытку выявить какую-то общую закономерность в истории их развития. И все же можно уловить две противоположные тенденции: ужесточения и смягчения. В первой отражается нарастание классовых противоречий, создание деспотических монархий, установление террористического режима запугивания народных масс. Во второй — общий рост культуры, смягчение нравов, появление чисто материальных мотивов: естественное желание отделаться подешевле от требовательности богов. Последнее особенно интересно, так как дает основание в какой-то мере говорить об уменьшении влияния религии на рядовых верующих. Известен, например, в литературе случай, когда, пообещав Юпитеру в жертву такое-то количество голов скота, молящийся затем подменил их таким же количеством головок чеснока. В Китае в новейшее время практиковалось принесение в жертву предкам и богам животных и разных ценностей, так сказать, в символическом виде — вырезанных из бумаги. Затем эти дары сжигались на алтаре.

У тлинкитов Северной Америки еще недавно бытовал жестокий обычай строительной жертвы. При постройке дома в ямы, вырытые под опорные столбы, бросали тело убитого раба. Позже жертвоприношение приняло символическую форму: раба заставляли влезать в каждую из вырытых ям, а потом отпускали на волю. Дальнейшим смягчением кровавой строительной жертвы выглядит традиция (известная и русским крестьянам) класть под углы строящегося дома горсть зерна, клок шерсти, серебряную монету и т. п.

Порой обе тенденции причудливым образом переплетались: ужесточение и смягчение замечалось у одного и того же народа в одну и ту же эпоху. Тот же благочестивый римлянин, подменивший головы скота чесночными головками, с удовольствием смотрел, как режут друг друга гладиаторы на арене цирка.

История культуры знает немало примеров, когда какое-либо явление утрачивает прежние функции и приобретает совершенно новые. Иногда от прежнего явления остается только название, а суть дела радикально меняется; иногда, напротив, смена названия скрывает от нас историческую связь явлений. Именно такова судьба жертвоприношений. Как мы уже выяснили, корни этой существенной составной части религиозного культа связаны с различными аспектами условий жизни первобытного общества. Первоначально они находились вне религиозной сферы, но выросшие из них ритуальные институты стали компонентами религиозной практики.

А позднейшая история жертвоприношений — в эпоху, уже близкую к нам,— рисует нам как бы некую обратимость явлений: по мере общего роста культуры, усложнения и модернизации общественной структуры, расширения сферы общественного сознания общественные институты один за другим постепенно высвобождаются из-под религиозной опеки. Нарастает процесс секуляризации социальной и культурной жизни, секуляризации общественного сознания. Этому процессу подверглись и обычаи жертвоприношения — в той мере, в какой они вообще сохранились.

Здесь перед нами тот случай, когда некое социальное явление постепенно, но радикально не только освобождается от религиозной оболочки, но и в корне меняет саму свою природу, сохраняя, однако, несомненную историческую связь с прежним своим существом, с прежней природой.

Особенно отчетливо проявляется это в погребальных традициях. Обычай погребальных даров вначале сложился из чисто стихийных действий в отношении умершего. Впоследствии он лег в основу погребальных ритуалов, разросшихся местами до гипертрофированных размеров сложного похоронного церемониала (Древний Египет). Ныне же он свелся к скромным приношениям на могилы родных и друзей. Эти приношения частью сохранили связь с религиозным ритуалом (крашеные яйца, пасхальные куличи), а в большинстве случаев совершенно утратили ее (цветы, венки, памятные надписи). Нередко этот обычай принимает торжественные и трогательные формы: возложение венков на гробницы и памятники погибших героев или выдающихся деятелей культуры в их юбилейные дни или в дни всенародных праздников. Здесь уже полностью утрачено религиозное содержание. Осталось одно — уважение к памяти умершего, наглядно-символическое его выражение.

Другой пример: превращение религиозной жертвы в праздничные подарки — уже не умершему, а живым. Вообще говоря, корни обычая дарения лежат совсем не в религиозной сфере. Наукой установлено, что дарение — это ранняя форма обмена, первоначально полностью обусловленная личностными, кровно-родственными отношениями. Казалось бы, «жертва» тут ни при чем. Но анализ фактов (особенно на примерах обычаев народов Европы) показывает, как одно здесь перерастает, превращается, переливается в другое: подарки живым людям, и подношения предкам, и вообще умершим, и стихиям огня, земли и воды. Особенно заметно это на традиционно-ритуальном значении хлеба. Хлеб, выпеченный в определенные праздники с соблюдением особых ритуальных правил, издавна служил как бы жертвой домашним духам, домовому, позже — христианским святым. Теперь во время праздников в некоторых местностях люди дарят друг другу обрядовые хлебцы, печенья, торжественно преподносят хлеб-соль. Такую же эволюцию проделали яйца — прежде предмет ритуального подношения, а теперь — «писанки», «крашенки», взаимные подарки для детей и молодежи.

Более отдаленную, но бесспорную связь обнаруживает и обычай пожертвований (прижизненных или посмертных) на те или иные общественные нужды. В прошлом религиозные люди, особенно богатые, делали предсмертные вклады в монастыри — «на помин души». Теперь же в капиталистических странах, особенно в США, миллионеры делают крупные вклады в пользу культурных учреждений, музеев, научных институтов: это так называемые «фонды», носящие обычно имена жертвователей (Рокфеллер, Карнеги и др.) и составляющие подчас едва ли не главную материальную базу научно-исследовательской деятельности. Мотивы таких пожертвований разные: и стремление к политической популярности, и психологическое тяготение к меценатству, и чувство гражданского долга, и самое деляческое побуждение — укрыть часть доходов от налогов.

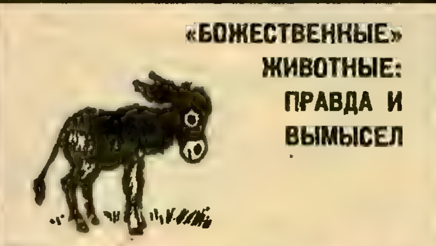
Распространен обычай, по которому собиратель какой-нибудь крупной коллекции художественных ценностей и т. д. перед смертью жертвует их в пользу города, государства. Эта традиция имеет глубокие корни. Так было положено начало знаменитому ленинградскому Эрмитажу, составившемуся вначале из пожертвованных Екатериной II картин и позже дополнявшемуся коллекциями частных лиц. Из таких же пожертвований образовались Румянцевский музей, Третьяковская и другие галереи, ряд провинциальных музеев.

В социалистических странах эта традиция действует и теперь. Любители-коллекционеры жертвуют в дар городу или государству плоды своего многолетнего увлечения — библиотеку, коллекцию картин, открыток, почтовых марок, медалей, монет, значков и т. д.

Здесь перед нами тот случай, когда даже в самом языке сохранилась историческая преемственность: от религиозных «жертвоприношений» к чисто гражданским актам «пожертвований» культурных ценностей.

Все вышеизложенное еще раз подтверждает, что религия — прежде всего явление общественное. На всем протяжении своей истории и до сих пор она тесно связана со всеми сторонами общественной жизни: от экономики до социальной психологии. Связь эта — двусторонняя. С одной стороны, религия порождена материальными условиями жизни людей, будучи их искаженным отражением. С другой стороны, она оказывает обратное влияние на эти материальные условия и на все стороны социальной жизни.

«БОЖЕСТВЕННЫЕ» ЖИВОТНЫЕ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

ДЛИННОУХИЙ БОГ

М. КАСПЕРАВИЧЮС

ТРУДНО НАЙТИ другое домашнее животное, которое награждали бы столькими бранными эпитетами. Осел-де упрям, осел глуп, осел ленив... Само слово «осел» стало синонимом глупца и упрямца. Всего этого осел совершенно не заслужил. Осел ничуть не глупее лошади, ученые даже считают, что по своему «интеллекту» он выше; его трудолюбию лошадь определенно может позавидовать, а знаменитое ослиное упрямство объясняется тем, что животное не хочет выполнять работу, которая кажется ему непосильной или бессмысленной. Наблюдения показывают, что нередко у него для этого, как говорится, есть все основания.

Как возникло столь несправедливое отношение к ослу, сказать трудно, но бытовало оно не всегда. В средневековой Франции, например, распевали гимн во славу осла, величая его «прекрасным пришельцем из восточных стран». Традиция эта уходит своими корнями в античность и еще дальше — в те времена, когда осла считали демоническим и даже богоподобным существом.

В Древнем Иране с приближением весны отмечали веселый «праздник осла», это были своего рода проводы зимы. В Вавилоне осла тоже считали вестником пробуждения природы, символом возможного воскресения, могущественным созданием, наделенным сверхъестественными способностями. Осел должен был сопровождать в «страну мертвых» умерших царей. В последний путь их везли в траурных повозках, запряженных ослами, которых затем убивали и хоронили вместе с царями.

Некоторые боги древнеиндийского пантеона имели облик осла; в стихах «Ригведы» образ этого животного ассоциируется с Солнцем, грозовой тучей или великим воином, сражающимся на небе. Своим громким ревом осел лишал врагов способности к сопротивлению и низвергал их в преисподнюю. В одном из древнеиндийских мифов осел наделен способностью превращать в золото все, что он ел.

В Древнем Египте представления об осле были более противоречивы. В одних преданиях его сближали с коварным богом Сетом, пребывающим в безжизненных пустынях. Сет считался виновником гибели своего брата доброго бога растительности Осириса и покровителем гиксосов, которые в XVI веке до нашей эры покорили Нижний Египет. Его изображали в виде человека со стилизованной ослиной головой, привязанного к вилообразному столбу или погибающего от руки сына Осириса — Гора. В этом нашла свое отражение ненависть к гиксосам и идея о неизбежности возмездия, о торжестве добра над злом. С другой стороны, на одной из виньеток «Книги мертвых» осел мужественно сражается с Апопом, гигантской змеей «с дурным взглядом», пребывающей в глубинах вечного океана. Став героем космической драмы, осел из злого персонажа превращается в борца с врагом Солнца, с враждебными миру силами.

У древних евреев отношение к ослу, названному в Талмуде «горной ланью», тоже было двойственным. Его признавали «нечистым» и не употребляли в пищу. По свидетельству Плутарха, иудеи не ели даже зайцев, так как находили в них сходство с ослом. Захоронения преступников без обычного обряда за пределами кладбища называли «ослиным погребением». Однако осел считался животным мудрым и трудолюбивым, он даже олицетворял собой трудолюбие. Когда патриарх Иаков собрал всех своих сыновей, давших начало коленам Израилевым, и возвестил им их грядущее, о потомстве трудолюбивого Иссахара он сказал: «Иссахар осел крепкий, лежащий между протоками вод; и увидел он, что покой хорош, и что земля приятна: и преклонил плечи свои для ношения бремени и стал работать в уплату дани» (книга Бытие, гл. 49, ст. 14—15).

Во II—I веках до нашей эры среди греков и римлян бытовало мнение, будто иудеи поклоняются в своем храме ослу. Некоторые античные авторы утверждали даже, что в Иерусалиме хранилась ослиная голова из чистого золота. В своей «Истории» Тацит рассказывает, что поклонение изображениям осла восходит к библейскому рассказу о бегстве евреев из Египта. В пути они чуть не погибли от жажды, и только стадо диких ослов, показавших путь к источнику, спасло их от смерти. Когда в 63 году до нашей эры Помпей со своими солдатами ворвался в иерусалимский храм, он был немало удивлен, не найдя там ослиной головы.

Что касается греков и римлян, то у них осел уже был олицетворением лени и неповоротливости, хотя и продолжал сопутствовать многим богам: сопровождал богиню домашнего очага Гестию, бога огня и кузнечного ремесла Гефеста, верхом на нем въехавшего на Олимп, защитника полей и домашних животных Приапа, бога растительности Диониса, в свите которого находился ослиноухий Силен, даже богиню любви и красоты Афродиту.

Галльскую богиню Эпону, покровительницу коневодства, изображали обычно в виде молодой женщины с ребенком, цветком или яблоком в руках, сидящей на коне или осле. Именно такой она запечатлена на фреске, украшавшей конюшню в Помпеях

В более позднее время египетские гностики, размышлявшие о возникновении и о смысле существования диких и домашних животных, отождествляли Адама и Христа с древнеегипетским ослиноголовым Сетом и даже признавали себя его потомками. На одной гемме того времени изображен обнаженный мужчина, который пляшет в честь ослиноголовых существ, приветственно протягивающих к нему руки. Многие тогда, по-видимому, не сомневались, что Сет-осел может их выручить при жи-

Сет и Анубис. Гробница фараона Сети I.

Танец в честь ослиноголовых дьяволов. Гностическая гемма.

Гор убивает Сета.

тейских затруднениях. На датируемой III веком нашей эры магической свинцовой таблице можно прочесть просьбу одного из участников состязаний на колесницах: возничий просит ослиноголового демона о даровании ему победы.

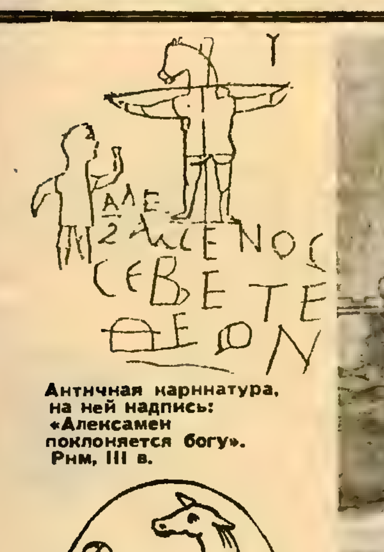
Первых христиан язычники дразнили ослопоклонниками, так как их плохо отличали от иудеев, а обособленность религий тех и других создавала благоприятную почву для формирования слухов и небылиц. Карикатурой на христианского проповедника кажется изображение человека с ослиной головой, который поднятыми руками благословляет двух мужчин, внимательно прислушивающихся к его словам. У Тертуллиана мы находим рассказ о человеке, которого водили по улицам Карфагена в маске осла и с Библией в руках. На стене античных терм, входящих в комплекс дворца цезарей на Палатинском холме в Риме, по штукатурке был процарапан контурный рисунок распятого человека с ослиной головой. Рядом была надпись: «Алексамен поклоняется богу».

Христианские богословы связывали осла то с Христом, то с дьяволом. Согласно апокрифам, осел вместе с волом стоял у колыбели младенца Иисуса, на осле святое семейство бежало от преследований Ирода в Египет, на осле Христос торжественно въехал в Иерусалим. По раннехристианскому преданию, когда Христос нес по улицам Иерусалима на Голгофу свой крест и увидел, как погонщик бьет палкой больного и усталого осла, он положил ладонь на лоб погибающего животного и сказал, что они оба, он сам и осел, сегодня попадут в рай. Григорий Богослов в толковании на ветхозаветную книгу Иова рискнул сравнить осла с самим Христом; Франциск Ассизский считал осла близким к богу животным и называл его братом. Фигуру осла охотно помещали на памятниках раннехристианского искусства.

В то же время Мелитон из Сард и тот же Григорий Богослов полагали, что осел «соткан из противоречий»: он олицетворяет собой одновременно милосердие, простоту мыслей аскета и отшельника, а также плотскую греховность человека и глупость. Осел — это язычник, осел глубоко порочен, быть может, он даже состоит на службе у самого Сатаны...

В изречениях египетского отшельника Антония пересказаны пережитые им фантастические видения. Среди сонма отвратительных созданий он наблюдал «зверя, который до чресел походил на человека, а ноги у него были ослиными». В другом видении Антония ослы окружают престол бога и бьют по нему копытами. Для богословов ослы символизировали египетских ариан, чья ересь представляла собой значительную опасность для ортодоксальной церкви. В средние века многие суеверные люди считали, что ведьмы, намазанные особой мазью, получают способность превращаться в осла, что осел и Сатана похожи друг на друга, так как хвосты у них одинаковой длины, и что осел, быть может, и есть земное воплощение Сатаны.

На закате Римской империи существовали почитатели осла — асинарии (по-латыни «осел» — «азинус»). Сохранились законы римских императоров Галерия и Феодосия, по которым наиболее активных ослопоклонников ожидали довольно суровые наказания. Со временем обряды асинариев потеряли свою религиозную подоплеку и превратились в веселые народные празднества, в которых явственно ощущалась скрытая насмешка над церковным ритуалом и духовенством.

Античная карикатура, на ней надпись: «Алексамен поклоняется богу». Рим, III в.

Осел-проповедник. Гемма.

Папский осел в Риме. Карикатура XVI в.

В память бегства Марии с Иисусом в Египет средневековая Европа справляла 14 января своеобразный «праздник осла»: во Франции водили по городам осла, покрытого богатой попоной или наряженного в сутану священника. Его вводили в храм, ставили у алтаря и пели пародирующий мессу гимн, в котором величали его высокопарным слогом: «Вот большеухий сын подъяремного животного, отменный осел, господин ослов... Золото из Аравии, ладан и миро из Эфиопии привозила в церковь ослиная доблесть...». Этот праздник был настолько популярен, что жители итальянского города Битонтины еще в XIX веке гордились тем, что император Фридрих II называл их «ассинини» — осликами. Далеким отзвуком былой славы осла можно считать бытующий в Италии до сих пор обычай в день святого Антония приводить к храму ослов и мулов, чтобы священник благословил их.

Иногда осел участвовал в судопроизводстве. В Индии, например, подозреваемого в преступлении закрывали вместе с ослом в темном помещении. Он должен был потянуть осла за хвост, и, если он был действительно виноват, осел закричит. В тайне от подозреваемого хвост осла мазали сажей, и когда руки у человека оказывались чистыми, его объявляли виновным. Порой доставалось и самому ослу: его, как и человека, могли судить и гражданским и церковным судом. В 1565 году во Франции осудили мула и его хозяина за преступление против нравственности. Несчастному животному сначала отрубили ноги, а потом вместе с его владельцем бросили в костер. Там же в XIII веке судили ослицу, которой предъявили обвинение в недобродетельном образе жизни.

С годами осел терял черты своей принадлежности к «высшим силам» и становился персонажем комическим или сатирическим, выполнявшим нередко антиклерикальную роль. Во французском сатирическом «Романе о Ренаре», например, среди персонажей есть и осел Бернар, выступающий в роли жадного архиепископа. Карикатура XVI века «Папский осел в Риме» изображала римского папу — чудовище с ослиной головой. Правая рука чудовища, похожая на слоновью ногу, символизировала близкое к папе высшее духовенство, которое безжалостно топчет своих подданных. Некоторые простодушные люди под влиянием этой карикатуры верили в существование папы-чудовища и специально отправлялись в Рим, чтобы воочию увидеть такого наместника бога на земле.

Участвовал осел и в сатирах на власть имущих. В Месопотамии в III тысячелетии до нашей эры была сделана арфа с инкрустацией, изображающей осла, играющего на такой же арфе. Перед ним танцует медведь. На древнеегипетском «Туринском папирусе» кошка с быком приносят ослу жертвы. Это карикатуры, высмеивающие дворцовые церемониалы. В начале нашего века художник И. Билибин опубликовал в журнале «Жупел» рисунок, изображающий известный портрет царя Николая II, только вместо лица на фоне солнца был осел. Читатели посмеивались: опять бедняга осел обижен незаслуженно.

Ленинград

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Что такое старчество?

Сегодня даже многие люди старших поколений вряд ли смогут ответить на вопрос: кто такие были старцы, какую роль играли они в духовной жизни России, какие идеалы проповедовали. Старчество как явление давным-давно ушло в прошлое.

Однако в последнее время в нашей печати стали появляться статьи о монастырях, монахах и старцах. Возьмем, к примеру, литературно-исторический очерк Вл. Солоухина «Время собирать камни», опубликованный во втором номере журнала «Москва» за прошлый год. Писатель продолжил давний и актуальный разговор о необходимости беречь и восстанавливать памятники архитектуры. «В конце концов это красота нашей земли, это наша культура, это мера нашей цивилизованности», — пишет автор (9, 212) *. С этим нельзя не согласиться. Забота о замечательных творениях прошлого — одна из характерных черт нашего общества. Не удивительно, что проблемы охраны и реставрации памятников культуры народов нашей страны привлекают в последнее время большое внимание общественности. Осознание красоты родной земли, творений ее зодчих воспитывает нравственные и патриотические чувства, позволяет шире смотреть на мир, побуждает к творчеству. И Оптина пустынь, о которой ведет речь Вл. Солоухин, безусловно должна быть сохранена и в той мере, в какой это найдут нужным специалисты, восстановлена.

Однако в очерке Вл. Солоухина и в некоторых работах других авторов (см., например: Дм. Жуков. Кто восстановит памятник? «Литературная Россия», 1978, № 3; Е. Николаев. По калужской земле. М., 1968; Н. А. Павлович. Оптина пустынь. Почему туда ездили великие? «Прометей», т. 12. М., 1980) просматривается стремление возвысить русское православное старчество, представить старцев Оптиной пустыни духовными наставниками, а монастыри — центрами культурной жизни России, куда шли «и малые и великие, крестьяне и писатели, странники и философы» (3, 85—86). По мнению Н. А. Павлович, старцы — это высокой духовной жизни люди, в кельях которых «пробуждалась спавшая совесть и осмысливалась жизнь» (3, 86). Дм. Жуков, например, утверждает, что представители старчества занимались переводческой, издательской и даже «научно-литературной» работой, набираясь «той мудрости», которая впоследствии покорила Достоевского и Льва Толстого. Эти слова цитирует Вл. Солоухин в своем очерке, призывая наших современников учиться у старцев «уму-разуму». Один из героев его очерка говорит (дело происходит на кладбище Оптиной пустыни): «А откуда дети могут набраться ума-разума, если не от вас... А мы... от них, лежащих под этими плитами» (9, 208).

Кто же лежит под плитами Оптиной пустыни?

Вл. Солоухин первыми в списке погребенных в монастыре называет оптинских старцев: «Лев, Макарий, Амвросий, Иосиф, Анатолий, Варсонофий...» Кроме того, здесь похоронены иеродиакон Палладий, который «на лесной засеке много перенес искушения от бесов», помещик Желябужский, почетные граждане Брюзгины (один из них мануфактур-советник), «благочестивая болярыня Мария из фамилии господ Кавелиных», сыном которой был иеромонах, она сама ежегодно «говела ...во все четыре поста... молилась, чтобы матерь божия сподобила ее быть погребенной в стенах монастыря» (1, 193). Она тоже упоминается Вл. Солоухиным в числе тех, у кого должно учиться уму-разуму советским людям, правда, на том основании, что она родственница адмирала Нахимова!..

Авторы публикуемой ниже статьи перечитали многотомные сочинения старцев — письма к монашествующим и мирским людям (Макарий, например, оставил пять томов писем, Амвросий — три). Они представляют собой пространные выписки из творений отцов церкви, житейские советы, жалобы на телесные недомогания, описания встреч с бесами, рассказы о своем времяпрепровождении и т. д. А из всего этого складывается главное — к какой жизни призывали старцы, какие идеалы проповедовали, чьи интересы выражали. Воспоминания современников о старцах (которые авторы тоже внимательно изучили) навеяны пафосом дореволюционной православной литературы и отражают благоговейное отношение к этим ревнителям монашества.

Не претендуя на всестороннее исследование данной проблемы, авторы ставят перед собой лишь скромную задачу показать с помощью фактов неправомерность возвышения роли старчества в истории русской культуры.

* Здесь и далее цифры в скобках обозначают ссылки на источники, список которых помещен в конце публикации. Первая цифра — порядковый номер в списке, вторая — страница издания.

З. ТАЖУРИЗИНА, К. НИКОНОВ, кандидаты философских наук

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ СТАРЧЕСТВА

СТАРЧЕСТВО — один из самых ранних монашеских институтов. Оно возникло в начале IV века, сложившись под воздействием ряда экономических, исторических и социально-психологических факторов того времени. Кризис рабовладельческого общества, вызвавший к жизни христианство, порождал у многих людей чувство бесперспективности, пессимизм, отвращение к «мирскому», а нередко и аскетический энтузиазм. Такое мироощущение могло привести человека к асоциальному поведению, к разрыву связей со всей общественной средой. Уже в III веке появилось немало отшельников, удалявшихся в пустынные места, а также людей, ведущих дома аскетическую жизнь.

Как известно, первоначальное христианство было движением угнетенных. Не удивительно, что наиболее фанатичные его последователи проповедовали категорический отказ от имущества и общественного положения. Эта проповедь находила воплощение в их бегстве от «мира». С уменьшением надежд на скорый приход спасителя и установле-

ние «царства божьего» в христианстве усиливался мотив индивидуального спасения, средством к которому объявлялось «сораспятие Христу» — аскетическое подвижничество в соответствии с новозаветным призывом к умерщвлению духом дел плотских (см.: послание Павла к римлянам, гл. 8, ст. 6, 7, 8, 13).

Люди подобного склада и стали основателями монашества. По мере того как христианские общины шли на все более тесный союз с власть имущими и приспосабливались к существующим порядкам, церковная иерархия приручала монашество и оно очень скоро вписалось в структуру церкви. Ее руководители сознавали важность монашества для усиления религиозных настроений, укрепления своего авторитета. Необычностью аскетических подвигов (в том числе таких, как затворничество, молчальничество, столпничество, юродство) оно оказывало большое влияние на суеверные массы. И церковь пользовалась этим.

Основной формой монашеской жизни стала киновия (общежитие), а отшельничество, затворничество рассматривались как высшая ступень подвижничества и рекомендовались немногим. Жизнь в монастырях регламентировалась массой правил. Насаждалась и иерархия: монахов посвящали в иеродиаконы и иеромонахи, среди обитателей монастырей различались послушники, рясофорные послушники, монахи малой схимы (постриженные в мантию, «малый ангельский образ») и великосхимники («великий ангельский образ»). Были установлены должности эконома, казначея и т. д. Во главе монастырей встали игумены или архимандриты — в зависимости от степени важности обители.

В IV веке начался процесс превращения монастырей в крупных собственников. Многочисленное организованное монашество стало опорой церкви и само поставляло ее высшие кадры — епископов. Будучи прибежищем религиозных фанатиков, искавших спасения от мира, монастыри превратились в инструмент в руках церкви, с помощью которого демонстрировалась верность раннехристианским идеалам, велась активная религиозная пропаганда, оказывалось давление на светские власти.

Немаловажную роль в укреплении авторитета монашества, а с ним и всей церкви сыграло старчество. Старцем считался монах, достигший высокой ступени религиозного подвижничества (он мог и не быть преклонного возраста). Свой опыт старец передавал ученикам (послушникам) и руководил их аскетической практикой. Обычно старец имел большой авторитет и среди верующих мирян, становился для них «аввой» — духовным отцом. Преклоняясь перед его подвигами, миряне с благоговением относились к наставлениям старцев в житейских делах.

Упоминания о старчестве есть уже в древнейших источниках по истории монашества, например в «Достопамятных сказаниях о подвижничестве святых и блаженных отцов», в «Истории боголюбцев» Феодорита Кирского (V в.) и др. Отношения между старцами и послушниками описаны в назидательных повествованиях о деяниях знаменитых аскетов, в том числе основателей египетского монашества Антония и Макария, создателя общежительных монастырей Пахомия, а также Илариона Газского, Харитона Великого, насаждавших в IV веке монастыри в Палестине.

В первых крупных центрах египетского монашества — Нитрийской лавре и в Ските пустынники объединялись в небольшие группы, состоявшие из аввы и его учеников. Старец и послушник составляли малую группу, «клеточку» монашества, скрепленную религиозно-идеологическими и личными отношениями.

Описание старчества в обширной монашеской литературе неразрывно связано с его оправданием и восхвалением. Наиболее подробное богословское обоснование старчества содержится в сочинениях Василия Кесарийского («Великого», IV в.), Ефрема Сирина (IV в.), Иоанна Лествичника (VI—VII вв.), Исаака Сирина (VII в.), Симеона Нового Богослова (X—XI вв.). Сборник важнейших сочинений древних авв и отцов церкви, широко известных в монастырях под названием «Филокалия» («Добротолюбие»), был издан в Греции в 1782 году афонским монахом Никодемосом Хаморитом. Книга эта стала не только главным источником наставлений по аскетике, но и сводом основных положений старчества.

Церковные писатели подчеркивали, что старчество, как и монашество в целом, — божественное установление. Иоанн Лествичник, на которого любили ссылаться оптинские старцы, утверждал: «Свет монахов суть ангелы, а свет для всех человек монашеское житие» (цит. по: 2, 63). Монашество определялось как буквальное, точное следование всем заповедям, «последование словам господа» (5, ч. I, стр. VIII), а старчество возводилось к «триединому богу», к безусловной покорности и послушанию «сына и духа отцу» (4, 38). Нужда в старческом руководстве («окормлении») объяснялась греховностью человека, которому необходимо «очищение».

В чем же суть старческого руководства?

В его основе лежит принцип добровольного п о с л у ш а н и я: человек, вступая в личные отношения со старцем, с самого начала должен настроить себя на полное подчинение его воле. Для эффективности духовного руководства обязательно вводилось «откровение помыслов», т. е. раскрытие перед старцем всех тайных мыслей и желаний. «Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание... чтобы наконец достичь, чрез послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя», — так определил сущность старчества в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевский.

«Преподобные» Игнатий и Каллист выделили пять признаков отношения послушников к старцу: «полная вера»; истинствование перед старцем в слове и деле; отсечение собственной воли — обязанность всегда и обо всем спрашивать старца и поступать по его совету; требование ни в коем случае не спорить со старцем, ибо «прекословие и спорливость бывают от рассуждения с неверием и высокомудрием»; «совершенное и чистое исповедание грехов и тайн сердечных» (цит. по: 1, 112—113).

Отношение современной православной церкви к старчеству традиционно. Так, «Журнал Московской патриархии» (1980, № 8, стр. 75) в статье иеромонаха Илиана «Старец Арсений» пишет: «...Совершенному послушнику не подобает иметь своего рассуждения, а только творить повеленное, не учить своего старца и быть послушливу даже до смерти».

С подчинением монашества епископату иеромонахи и игумены перенимают власть древних авв, не вытесняя старчества как неформального отношения наставника и его послушников. В монастырях среди известных своими подвигами монахов выделяются наиболее авторитетные, что объясняется действием божественной благодати. К ним относились как к «духовным отцам» не только вверенные им послушники, но и все обитатели монастыря, а иногда — и нескольких монастырей и «благочестивые» миряне целой округи.

Как видим, старчество обеспечивало исполнение не только внутренних функций монашества как института (воспроизводство монашеского умонастроения, религиозного мировоззрения, аскетики, всей системы традиций, руководство монастырской жизнью), но и внешних его функций, заключавшихся в укреплении религиозного, социального и политического влияния церкви на широкие круги миряи.

Даже церковные историки, не отвергая возможности существования старчества еще в Киевской Руси и прежде всего в Киево-Печерской лавре, вынуждены признать: в литературно-исторических памятниках того времени нет о нем упоминаний как об особом институте воспитания монахов. На следы старчества историки наталкиваются только в трудах Кирилла Туровского (XII в.). Большая часть монастырей того времени руководствовалась общежительными правилами, в соответствии с которыми полнота власти в монастыре принадлежала игумену. С некоторой вероятностью можно предположить наличие старчества в XIV веке в маленьких монастырях Заволжья. Это были скиты на одну-две кельи и «пустыни», где несколько келий группировалось вокруг церквушки.

С монастырем, основанным в Заволжье, около речки Обнора, учеником Сергия Радонежского Павлом (умер в 1429 г.), связывается «Поучение старца своим ученикам о монашеской жизни». В соответствии с традициями египетского, сирийского и византийского старчества это поучение содержало описание старческого руководства новопостриженными монахами, а также тех форм аскезы, в которых обычно наставляли «новоначальных» опытные старцы. В скитах Заволжья старчество распространилось среди последователей Нила Сорского (умер в 1508 г.). Написанные им «Устав о жительстве скитском» и «Предание ученикам» свидетельствуют о том, что и сам он выступал в роли старца. «Школа» Нила Сорского имела три поколения старцев и их учеников.

В XVII веке старчество проникло уже во многие монастыри. В «Чине пострижения» упоминается обычай отдавать послушников на аскетическую выучку опытным монахам, но при этом повседневные связи старца и послушника не были обязательными. Над наставником и «новоначальным» равно стоял игумен. Позже, с превращением церкви в крупного земельного собственника, роль старчества в монастырях феодальной России заметно упала. Но в кон-

це XVIII — начале XIX века начинается насаждение старчества в русских монастырях.

Дело в том, что обмирщение монашества, связанное с превращением монастырей в крупных собственников, противоречило настроениям угнетенных масс. Задавленные эксплуатацией люди жаждали общения с «истинными» подвижниками. Из среды монахов время от времени выходили личности, осуждавшие упадок «ангельской жизни» в монастырях, боровшиеся за чистоту древних иноческих порядков, за реализацию идеала монашества, описанного в аскетической литературе.

Одним из крупных ревнителей древнего монашеского благочестия, с чьим именем связывают восстановление старчества в монастырях Молдавии и России, был Паисий Величковский (1722—1794 гг.). В руководимых им Драгомировском и Нямецком монастырях формальный церковно-монашеский авторитет (игумена, иеромонахов) дополнялся неформальным авторитетом старца. Для обоснования старчества Паисий подбирал, переводил с греческого языка и комментировал сочинения отцов церкви и древнюю аскетическую литературу, прежде всего поучения Исаака Сирина, Феодора Студита, «Вопросы и ответы» Максима Исповедника. В 1793 году им на церковнославянском языке была издана знаменитая энциклопедия аскетизма — «Добротолюбие».

Ученики Паисия ввели старчество в некоторых монастырях Владимирской, Курской, Орловской и Калужской губерний, а несколько наиболее строгих его последователей во главе с иеромонахом Иоасафом образовали в южной части Смоленской и Брянской губерний группу лесных анахоретов — «старцев из Рославльских лесов». Эти лесные старцы по образцу древних авв общались с приходившим к ним окрестным населением, жаждавшим получить «благоволение божье» путем контакта с «истинными подвижниками», которые в глазах суеверных людей обладали особым могуществом: могли исцелять, обеспечивать удачу в делах и т. д.

Рост популярности лесных старцев поначалу встревожил церковную бюрократию — иеромонах Иоасаф был даже арестован и его допрашивали в полиции. Однако немало высших церковных иерархов оценили возможности, открываемые этим аскетическим движением для восстановления авторитета монашества. Святейший синод делал вид, что не вмешивается в это, а многие епископы открыто сочувствовали старцам, особенно архиепископ тверской Гавриил, впоследствии митрополит новгородский и петербургский. По его инициативе в Петербурге было предпринято издание «Добротолюбия».

Русская церковь следовала византийской схеме приручения монахов, ассимиляции влиятельного религиозного движения и подчинения его своему контролю. Аскеты, бунтовавшие против обмирщения монашества, вернулись из лесов в монастыри. Подобный же путь прошли и оптинские старцы.

Самым крупным центром старчества стала в XIX веке Оптина пустынь. Именно со старчеством был связан экономический расцвет и рост влияния этого прежде захудалого заштатного монастыря, который с 1829 года начинает оказывать влияние на русское монашество и население, стремясь также поставить под свой идеологический контроль и религиозно настроенных представителей интеллигенции.

Незадолго до этого в пустынь пригласили «спасавшихся» в лесу старцев Антония, Илария и Савватия. Рославльские подвижники выходили из леса, чтобы взять на себя роль духовных руководителей монастыря.

Наиболее значительную роль в насаждении старчества в Оптиной пустыни сыграл Леонид (Наголкин, 1788—1841 гг.), в схиме — Лев. Бывший торговец, он прошел выучку у последователей Паисия, а в 1829 году обосновался в Оптиной пустыни и обрел там статус старца. Его преемники иеромонахи Макарий (Иванов, умер в 1860 г.), из дворян, и Амвросий (Гренков, умер в 1894 г.), из духовного сословия, завершили превращение оптинского старчества в важный пропагандистский орган православной церкви.

При чтении некоторых статей, посвященных Оптиной пустыни, может сложиться впечатление, что старцы составляли оппозицию православной церкви и даже были гонимы. Н. А. Павлович пишет, к примеру, что старца Леонида даже «стали преследовать, грозили Соловками. А он отвечал: «Пою богу моему, дондеже есмь» (то есть пока существую). «И в Соловках буду тот же Леонид» (3, 86). Правдолюбец, неугодный церкви? Обратимся к биографу Леонида. Он рассказывает, как «из-за волнений недовольных монахов» старец этот был вызван к епархиальному преосвященному Никанору. Выяснив, что старец невинен перед церковью, тот ввел Леонида в свой кабинет и спросил, какую пищу ему подать. Леонид ответил: «Ваше преосвященство, я человек ядца и винопийца». «О, это значит наш брат, — обрадовался Никанор и приказал келейнику: — Подавай все!» (4, 100—103).

Старец Макарий в 1853 году писал, что члены святейшего синода и «высокопреосвященные митрополиты» знают Леонида «весьма с хорошей стороны».

О прочном союзе оптинского старчества с православной иерархией свидетельствуют и многочисленные награды, пожалованные старцам. Самого Макария синод наградил золотым наперсным крестом, что расценивалось как «знак внимания высшего духовного начальства к общелюбимому и почитаемому старцу». В 1857 году Макарий получил крест в память Крымской войны — за «патриотизм». По словам биографа, он интересовался ходом войны, скорбел при неудачах и радовался при хороших вестях. При этом письма старца показывают, что войну он воспринимал как наказание богом русского народа за грехи: «О делах Европы и войне нынешнего времени рассуждать я не могу... кроме того, что война эта есть перст божий и бич, наказующий нас» (7, т. 1, стр. 243).

Не был обойден вниманием начальства и старец Амвросий. Митрополит Филарет в знак благоволения прислал ему «образок нерукотворного Спаса». В 1887 году «Амвросия посетил... великий князь Константин Константинович», который потом относился к нему с любовью (10, 193). Личную переписку с Амвросием вели многие деятели православной церкви.

Старцы были в почете у церковного начальства, которое, в случае надобности, за них заступалось. Так, когда в Валаамском монастыре случились недоразумения между игуменом и старцами, митрополит московский и коломенский Филарет и епископ пензенский Иннокентий выступили в их защиту. «Старцам же передано было, чтобы они были уверены в защите высшего начальства» (4, 23).

Старцы пользовались и благосклонностью такого известного реакционера, как Иоанн Кронштадтский. Монахиням Шамординского монастыря, основанного Амвросием, Иоанн говаривал: «А, это от старца Амвросия, о, великий старец! Земной поклон ему от меня» (10, 320).

Одной из важнейших функций старчества было сохранение и приумножение монастырской собственности. Оправдывая богатства обители, Макарий говорил: «Во славу божию созидаются храмы и украшаются благолепием». О смирении и нестяжании старцы тотчас забывали, едва речь заходила о делах практических. «Монастырского не трогай, чтобы не послали арестантской дорогой», — говаривал в рифму «поэт» старец Амвросий. Настоятельнице монастыря он советовал, как поступать с крестьянами — порубщиками леса: мужики «не только рубят ваш лес, но еще и угрожают разными угрозами... У нас года два назад был подобный случай. Солдат... караульный... стрелял дробью в ноги. Мужик этот долгонько поболел... И теперь эти мужики побаиваются ездить в этот участок и рубить лес. — Я пишу все это для того, так как у ваших караульных есть ружья... Разумеется, на угрозы отвечать угрозами чрез начальство и тогда хоть немного да смирятся бунтовщики эти» (5, ч. 1, стр. 148—149).

Как видим, проповедуя царство божье, старцы не забывали о земных интересах. Кстати, перепадало им от имущих немало. Были и мелкие подношения. «Примите общее наше благодарение за усердие ваше, от начатков торговли вашей, для церкви нашей скитской ведерный бочонок церковного вина, за свечи для моей кельи... да примет господь такое ваше усердие в пренебесный свой жертвенник», — писал Макарий (8, 541). Но широким потоком в монастыри, в том числе и в Оптину пустынь, текли и деньги. Амвросий, сосредоточивший в своих руках все скитские денежные средства, хорошо усвоил, что «деньги сами по себе, или, вернее, по цели, назначенной от бога, вещь весьма полезная» (5, ч. II, стр. 100).

Предметом пристального внимания старцев были завещания верующих. Вот как, по мнению Амвросия, следует расходовать деньги: пожертвовать на монастырь — стократно более достойный поступок, чем оказать помощь погорельцам, ибо в последнем случае — скорбь, «приносящая пользу людям, для какой причины пожар и попускается от провидения свыше» (6, 25).

Н. Павлович в своей статье восторгается «нестяжанием» обители, аскетическим образом жизни монахов: кроме книг, «другого имущества у них почти не было» (3, 87). На деле же жили старцы по тем временам весьма ком-

фортабельно, получали немало подарков, имели келейников и письмоводителей, любили переписываться с представителями имущих классов. «Для отца Леонида построен был особый деревянный корпус проживавшим в пустыни помещиком» (2, 80). Жилище Амвросия состояло из нескольких комнат. Первый оптинский старец Леонид, хранивший деньги монахов, пел хвалу «презренному» металлу: «А деньги-то — как их не любить. С ними и святым нашего времени хорошо... Вот и богатых как не любить? Ведь и они люди, да еще какие из них бывают!» (4, 108).

Усердием старца Амвросия была создана недалеко от Оптиной женская Шамординская обитель. «Поступившие в общину сестры, с отречением своей воли и достояния, вручали в распоряжение старца все свои достатки... с тем, чтобы по смерти их капитал поступил в пользу общины». «Духовные дочери» предоставляли в распоряжение старца и недвижимое имущество — имения. Надо ли удивляться, что он прилагал столько усилий, чтобы склонить к пострижению в монахини состоятельных женщин (2, 138, 112, 115).

Амвросий приобрел для Шамординской обители заливные луга в Калужской губернии, усадьбу в 240 десятин в Тульской губернии, усадьбу в тысячу десятин чернозема — в Курской. В Тульское имение он назначил управляющим своего внука. Неприкосновенный денежный капитал шамординских монахинь, принявших на жительство Амвросия в последние годы его жизни, составил к 1895 году 150 540 рублей.

К старцу Амвросию «обращались купцы, прося советов и указаний по своим торговым делам. Помещикам он рекомендовал управляющих имениями... Он указывал, как лучше распорядиться капиталами или недвижимою собственностью, как вести хозяйство в обителях, как направить дело в суде и т. д.», — сообщает биограф старца (10, 209).

Не без влияния Достоевского у некоторых наших современников сложилось впечатление о старцах как подвижниках, людях «не от мира сего», олицетворяющих собою любовь, кротость, милосердие, глубокое сочувствие бедам угнетенных. Вероятно, были среди монахов и такие, которые сочувствовали беднякам и разделяли с ними тяготы их жизни. Однако о старцах Оптиной пустыни этого не скажешь.

Христианская проповедь убеждала неимущих в особом достоинстве их бедственного положения, снимала «ропот» против несправедливости — в этом была одна из социальных ее задач. Обращаясь к деревенской бедноте, В. И. Ленин писал: «Наши попы проповедуют крестьянам нестяжание да воздержание, а сами набрали себе правдой и неправдой громадное количество земли» (Полн. собр. соч., т. 7, стр. 146).

Утешая обездоленных обещанием «небесных наград», старцы объявляли достояние собственников свидетельством «милости божьей». «На все наши заведения, фабрики, заводы и хозяйства испрашиваю божие благословение»; «благодарение господу, что дела ваши идут благополучно, все это его святым благословением и помощью», — так вдохновлял Макарий некое высокопоставленное лицо (8, 719, 721).

Поддерживали старцы богачей и практическими советами. Ф. М. Достоевский в «Братьях Карамазовых» вкладывает в уста своего героя, благонравного старца Зосимы, слова: «Без слуг невозможно в миру, но так сделай, чтобы был у тебя твой слуга свободнее духом, чем если бы был не слугой... — «Что же нам, говорят, посадить слугу на диван да ему чай подносить?» А я тогда им в ответ: «Почему же и не так, хотя бы только иногда».

Принцип «хотя бы только иногда» был взят на вооружение господствующими классами. Подачки должны были умерить ропот трудящихся. В одном из писем Макария (видимо, управляющему) об этом сказано достаточно ясно: «Надеюсь, что ты, как верно служил своему господину, так и теперь ему же будешь стараться заслужить за сделанную тебе милость, сохраняя вверенных тебе людей и соблюдая его интересы по заводам и фабрикам, с помощью божией. Дай бог, чтобы приезд господина ознаменовался для нас и для трудящихся меньших братий наших по заводам и фабрикам милостивым к ним снисхождением и наградою денежною, без которой они доходят до разорения и впадают в ропот» (8, 709).

Церковь выражала признательность старцам не только при их жизни, но и после смерти. Это было обусловлено главным образом потребностью в пропаганде охранительных идей. Издавались письма и другие сочинения старцев, воспоминания о них, жизнеописания с рассказами об их прозорливости, способности исцелять и т. д. Старцы же добросовестно исполняли возложенные на православие и на них социальные функции. Когда, например, речь заходила о расправе с людьми, выступавшими против царской власти, старцы рекомендовали самые крайние меры. После убийства народовольцами царя Амвросий с гневом и возмущением писал: «Господь попустил Александру II умереть мученическою кончиною, но силен он подать помощь свыше Александру III переловить злодеев, зараженных духом антихристовым». «Переловить злодеев»! Когда затрагивались классовые интересы, забывались смирение и кротость. Предтечи антихриста, продолжал старец, восстают против предержащей власти и церковной власти, чтобы устранить и уничтожить оную на земли... «Не есть ли крайнее безумие трудиться изо всех сил, не щадя своей жизни, для того, чтобы на земле повесили, а в будущей жизни попасть на дно ада в тартар на вечное мучение?» (6, ч. I, стр. 38). Здесь ясно видно, что, осуждая народовольцев, старец исходит не столько из религиозных соображений, сколько из политических. Христианские же понятия «антихрист», «ад», «будущая жизнь» — всего лишь антураж патетической защиты самодержавия. В то же время в высказываниях старцев мы не найдем осуждения безжалостной эксплуатации народных масс. Против нее выступали революционеры, материалисты и атеисты.

В. И. Ленин отмечал: «Когда перебили 50 крестьян в Бездне и казнили их вожака Антона Петрова (12 апреля 1861 года), Герцен писал в «Колоколе»: «О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!.. как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем...» (Полн. собр. соч., т. 21, стр. 260). Ни один оптинский старец не возмутился унижением человеческого достоинства, произволом царских властей. Они лишь утешали словами из Евангелия тех, кого буржуазно-помещичье государство лишило права на достойную жизнь.

Дважды В. И. Ленин обращался к мысли Л. Фейербаха о том, что утешение раба есть занятие, выгодное для рабовладельца. В условиях России «рабовладелец» — это власть помещиков и буржуазии, и ее благословляла православная церковь, которая сама была крупным собственником и частью государственного аппарата. Функции «палача и попа» в России выполнялись исправно. В XIX веке, когда внеэкономическое принуждение, то есть неприкрытое насилие, оказывалось уже недостаточным для сдерживания недовольства народных масс, церковь активизировала свою деятельность, культивируя старчество для нравственного оправдания существующих порядков.

Факты, как видим, красноречивы, говорят сами за себя. В то время, когда в России жили и боролись за счастье народное революционные демократы Белинский, Герцен, Добролюбов, Огарев, Чернышевский, когда уже выходили на историческую арену социал-демократы во главе с Лениным, православные старцы открыто находились по другую сторону баррикад. Будучи представителями и пособниками эксплуататорских классов, они тратили немало сил на изыскание наиболее эффективных способов защиты их интересов. И это в первую очередь следует иметь в виду, говоря о социальной сущности старчества.

Продолжение следует

ИСТОЧНИКИ

1. «Историческое описание Козельской введенской Оптиной пустыни». Изд. 3-е. М., 1876.
2. «Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии)», 1902.
3. Н. А. Павлович. Оптина пустынь. Почему туда ездили великие? «Прометей», т. 12. М., 1980.
4. «Первый великий старец оптинский иеромонах Леонид (в схиме Лев)». Шамордино, 1917.
5. «Собрание писем оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к монашествующим». ч. I, 1908; ч. II, 1909.
6. «Собрание писем блаженныя памяти оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к мирским особам», ч. I, 1908.
7. «Собрание писем блаженныя памяти оптинского старца иеросхимонаха Макария к монашествующим», т. I. М., 1862; т. II, 1862.
8. «Собрание писем блаженныя памяти оптинского старца иеросхимонаха Макария. К мирским особам». М., 1880.
9. Вл. Солоухин. Время собирать камни. «Москва», 1980, № 2.
10. С. Четвериков, протоиерей. Описание жизни блаженныя памяти оптинского старца иеросхимонаха Амвросия, 1912.

Держава царицы Зенобии

Г. МАЙБАУМ

ИЗ ХОМСА ДОРОГА, как стрела, проходит через пустыню, вдоль нефтетрубопровода, протянувшегося от нефтяных промыслов в Северной Сирии через Хомс к Средиземному морю. Царица вряд ли могла пожелать лучшего проводника по своему царству, чем молодая, уверенная в себе невеста Ахмеда — Лейла. В ее обществе нет места скуке. Она рассказывает, как и обещала, о некоторых знаменитых в истории Востока женщинах.

Я не замечаю, как пролетает время. Только что еще горизонт терялся в бесконечности пустыни, как вдруг неожиданно показались пальмы оазиса Пальмиры. Сначала я подумал, что это мираж дурачит меня, но скоро уже можно было различить развалины города.

Лейла предлагает остановиться у остатков колонн и ведет нас к низкой каменной стене. Мы смотрим вниз, в темную воронку: серное зловоние поднимается вверх. Это серный источник Эфка, выбрасывающий из подземного грота 150 литров серной воды в секунду. С любопытством спускаюсь по ступеням вниз и толкаю дверь. Но едва в полутьме я разглядел несколько мерцающих огоньков, как раздается громкий крик и пожилая женщина захлопывает перед моим носом дверь. Мне и в голову не могло прийти, что в этой вонючей жиже купаются!

— Сегодня купальный день для женщин, — смеясь, объясняет Лейла, когда я, жадно ловя воздух, оказываюсь на улице.

— Эту воду и пьют?

Лейла успокаивает меня:

— Источник Эфка служит для обводнения полей и используется для медицинских целей. Питьевой водой снабжает источник Сераль.

Мы идем мимо башенных захоронений, высоко торчащих из песка, к скромному отелю на краю большого поля. Конечно же, он называется «Зенобия». Мы садимся на античную колонну, лежащую перед отелем, пьем кока-колу и наслаждаемся панорамой города. Она начинается храмом Баала, продолжается улицей, по обеим сторонам которой стоят колонны, и заканчивается около средневековой арабской крепости.

— Кажется, здесь еще интереснее, чем в Баальбеке, — говорю я. Но это мое замечание Лейле не нравится.

— Баальбек, — отвечает она с миной, выражающей полное пренебрежение, — это скопище претенциозных храмов и престижных построек. А Пальмира — это великий город.

См. № 10 и 12 за 1980 г. и № 1 и 2 за 1981 г.

Развалины древней Пальмиры, которую называют «Римом Востока».

Она говорит так, как если бы она была Зенобией, показывающей гостям столицу своего царства. Я сразу же сдаю позиции, так как спорить с ней не хочу после всего того, что слышал о воинственной царице.

По пути к руинам Лейла рассказывает историю города. Известно, что уже в третьем тысячелетии до нашей эры Пальмиру населяли семитские племена. Место это упоминается на ассирийской плите начала второго тысячелетия, а также в плите, найденной на территории Мари. Тогда оно называлось так же, как строящееся сейчас поселение неподалеку от руин старого города, — Тадмор. Больше тысячи лет не существовало никаких следов этого города, но вдруг сведения о нем снова всплывают в период ранних ассирийских завоевателей. В те времена здесь жили арамейцы, и вместе с арабами снова, через тысячу лет, когда сюда пришли римляне, они образовали ядро населения.

Антоний, которому нужны были деньги для своей супруги Клеопатры, а также для ведения борьбы с Октавианом Августом, примерно в 40 году до нашей эры разграбил город. Хотя в качестве буфера между Римом и парфянами город в последующие годы остался формально самостоятельным — он не был включен в римскую провинцию Сирия, — но при Тиберии, преемнике Августа, он платил подати и получил название Пальмира — «пальмовый город».

В этот период возросло его значение как торгового центра. Ожили прежние караванные пути через пустыню — самая короткая линия связи со Средиземным морем, и Пальмира стала важным местом отдыха на пути между Евфратом и побережьем. Здесь останавливались караваны из Аравии и Персии, из Индии и даже из Китая.

Бродя по развалинам, мы дошли до храма Баала. Это самое большое сооружение, относящееся к первому — второму столетиям до нашей эры.

Посредине почти квадратного, окруженного колоннами двора возвышается собственно храм. Наряду с элементами греко-римского архитектурного стиля здесь существенно значительнее, чем в Баальбеке, чувствуется влияние древневосточных традиций. Например, балку перекрытий венчают острые треугольные зубцы. К сожалению, капители колонн, окружающих храм, были сделаны из бронзы и их, по-видимому, разграбили завоеватели. Позднее здание пострадало также от неоднократного использования его в качестве арабской крепости.

Мы входим в храм через огромный портал, окаймленный каменными лентами с выбитыми на них стихами. Монолитные плиты над нишами иллюстрируют великолепную работу каменотесов. На рельефе изображена жертвенная процессия. Женщины, закрытые покрывалом, шествуют за верблюдом. Эта деталь особенно примечательна, с одной стороны, в связи с манерой декоративного расположения складок, так удивительно напоминающих современную моду, с другой стороны, потому, что это изображение доказывает: обычай закрывать чадрой лицо существовал задолго до ислама.

Мы покидаем святилище Баала и по главной улице направляемся к Триумфальным воротам — символу Пальмиры. По дороге Лейла рассказывает о двух женщинах из ее родного города Эмеса (Хомса), живших примерно в 200-х годах нашей эры. Юлия Домна — дочь священника из Эмеса стала супругой римского императора Септимия Севера. С него началась династия Северов. Септимий Север освободил Пальмиру, возможно из любви к своей жене, от поземельного налога. Сестре его жены — Юлии Маеса с помощью придворных интриг удалось посадить на римский трон своего внука Элагабала (Гелиогабала), тоже священника из Эмеса. После того как его убили, императором стал сириец Александр Север. Северы способствовали — под влиянием своих жен или в силу их сирийского происхождения — развитию Сирии и приложили много усилий для дальнейшего расцвета Пальмиры.

Тем временем мы уже подошли к Триумфальным воротам, построенным примерно в 200 году. Здесь начинается главная улица протяженностью 1100 метров, очень хорошо сохранившаяся. Она состояла из проезжей части шириной 11 метров, украшенной во всю длину колоннами, и двух крытых тротуаров шириной по 6 метров. Колонны, включая фундамент и капители, достигают почти десятиметровой длины. По обеим сторонам тротуара находились лавки ремесленников, которые, поскольку тогда еще не было разделения между производством и торговлей, сами выставляли свой товар для продажи. На половине высоты стержня каждой колонны находилась консоль, на которой стоял бюст высокопоставленного лица этого города. По всей вероятности, бюсты были изготовлены из бронзы, так как ни один из них не сохранился. Лейла говорит, что они тоже стали добычей римских захватчиков.

Мы проходим мимо театра, построенного в первой половине второго столетия. Он не такой большой, как другие известные нам театры античного времени, которые из-за больших размеров строились обычно вне города. Этот театр расположен в центре города. Ширина сцены 48 метров, глубина — более 10 метров. Театр окружен полукольцом колонн и гармонически сливается с архитектурным обликом города.

Сразу же за театром — в соответствии с греко-римскими традициями — находится окруженная колоннами площадь собраний. Здесь ораторы с особой трибуны обращались к слушателям. Здесь же сообщали о последних событиях и зачитывали указы городской администрации. Отсюда предста-

вители сената, правившие Пальмирой до начала второго столетия, обращались к населению города, чтобы оповестить его о принятых решениях. Позднее здесь объявлялись указы князей и царей.

Неподалеку от площади собраний была найдена стела, относящаяся к 137 году нашей эры и представляющая особую ценность, сейчас она хранится в ленинградском Эрмитаже. На стеле написаны на греческом и пальмирском, очень похожем на арамейский, языках решения сената о налогах и тарифах, которыми облагался город, например за пользование водой из источника.

Как и во многих других городах того времени, в Пальмире перекресток главной улицы с наиболее важными боковыми улицами был также украшен особой колоннадой — тетрапилоном. На каждом из четырех углов перекрестка возвышались привезенные, по всей вероятности, из Египта и установленные на высоких цоколях колонны из розового гранита. Колонны несли на себе богато украшенные балки перекрытия. Поблизости от этого тетрапилона стоит, возвышаясь над другими, несколько колонн. На двух из них по инициативе сановников города были установлены бюсты в честь их великого князя Одената и его супруги, прекрасной, мудрой и храброй Зенобии.

Мы садимся на цоколь тетрапилона. Солнце над нами почти в зените. Лейла рассказывает о последнем периоде Пальмиры. Значение города возрастало в ходе борьбы между Римом и преемниками парфян, сасанидами. Пальмирские стрелки в римской армии составляли элиту войск. После того как император Валериан, потерпев поражение в битве с сасанидами, вместе с 7000 своих воинов был взят в плен, судьба Рима на Востоке стала целиком зависеть от Пальмиры. В то время здесь господствовал княжеский род, имя которого говорит о его арабском происхождении. Самый значительный представитель этого рода, упомянутый выше князь Оденат, стал почти независимым от Рима; он отважился напасть на победоносных сасанидов, и ему удалось их разбить и захватить их столицу Ктесифон, ныне Багдад. Благодарность за это не заставила себя ждать: римский император назначил его императором «Реформатором Востока».

Он властвовал в Сирии почти неограниченно, когда в 267 году его убили в Эмесе. И тут началось великое время для Зенобии, его жены, которую арабы называли Зубайдат, что означает «женщина с прекрасными волосами». Современники прославляли ее как идеал красоты, храбрости, мудрости и энергии. Она взяла регентство над своим малолетним сыном, и при ней город пережил свой последний период расцвета. Особенно плодотворной была деятельность сирийского ученого Лонгина, которого Зенобия сделала своим первым советником. Логвин стремился оживить идеалы античной Греции, писал комментарии к книгам греческих философов, обосновывая в них существование духовного мира человека вне деяний бога, а также произведения по языкознанию и ораторскому искусству.

Однако римский император Галлиен отказался передать титул Одената его сыну. Зенобия, установившая к тому времени господство почти над всем римским Востоком, за исключением Малой Азии и Египта, не вынесла такого оскорбления. Она ответила ударом — отвергла претензии Рима на территории, завоеванные ее покойным мужем в борьбе против сасанидов. Когда же император попытался добиться удовлетворения своих претензий силой, войска Зенобии разбили его войско. Мало того: когда напавшие на Рим готы поставили императора Клавдия в трудное положение, Зенобия, воспользовавшись ситуацией, послала своего полководца Забдаса завоевать также и остальные территории Востока, находившиеся еще под римским контролем: Египет и Малую Азию. Забдас занял обе провинции, усилив власть Зенобии, ставшей отныне самой могущественной правительницей на Востоке.

Но у Зенобии отсутствовало чувство меры. Она официально провозгласила независимость от Рима, наделила себя и сына титулами Августов, по праву принадлежавшими только римской императорской чете, и решила отчеканить монеты со своим изображением и изображением своего сына. Терпение Рима лопнуло. Преемник Клавдия Аврелиан прекратил переговоры с ее посланцами и предпринял в 272 году грандиозный поход. Один из его полководцев отвоевал снова Египет, а сам он, высадившись в Малой Азии, разбил под Антиохией пальмирскую армию и преследовал ее до Эмеса. Здесь войско Зенобии потерпело страшное поражение. Аврелиан продолжал преследование и осадил город. Предложение капитулировать Зенобия отклонила и спешно принялась за усиление оборонительных сооружений.

Римские войска почти окружили город; арабские племена бедуинов, готовые прийти Зенобии на помощь, были отбиты. И все же Зенобия не сдавалась. Она попыталась добраться к заклятым врагам римлян сасанидам, чтобы просить у них помощи. Ее план чуть было не удался. В сопровождении лишь нескольких верных людей она после трудного пути через пустыню верхом на верблюде добралась до Евфрата. Тут ее настиг отряд Аврелиана, ее узнали, схватили и доставили в лагерь императора. Пальмира капитулировала. Зенобию, согласно хроникам, заковали в цепи (разумеется, в золотые), и она должна была следовать за триумфальной колесницей императора при его торжественном вступлении в Рим. Конец жизни гордой царицы овеян многочисленными легендами. Будто бы Аврелиан подарил ей жизнь и виллу неподалеку от Рима, в Тиволи, где она и умерла.

Пальмира в этот раз не была разрушена. Но когда здесь после ухода римского императора вспыхнуло восстание, во время которого был перебит римский гарнизон, Аврелиан вынужден был возвратиться. Теперь он отдал город на разграбление воинам. Великолепные здания Пальмиры были разрушены, и песок пустыни постепенно засыпал все былое великолепие.

Мы осмотрели также некоторые из наиболее известных гробниц города. Лейла ведет нас сначала к нескольким семейным склепам, похожим на небольшие квартиры. Рельефные бюсты изображают покойников, иногда в окружении своих скорбящих родственников. Можно точно разглядеть каждую деталь: черты лица, прически, украшения, складки одежды.

В заключение мы осматриваем одну из могил, обнаруженных при прокладке трубопровода. По ступеням узкой лестницы спускаемся в склеп. Поперек лаза над нашими головами проходит труба трубопровода около метра толщиной: наглядная встреча прошлого с настоящим. Дверь склепа представляет собой монолит весом в несколько центнеров. Она, однако, легко открывается нажатием пальца — так чисто сработаны шарниры.

Мы благоговейно стоим в склепе. У стен шесть расположенных друг над другом рядов могильных ниш, горизонтально уходящих в землю. Каждая закрыта плитой с рельефным бюстом умершего.

Я пытаюсь сосчитать количество захоронений. Лейла подсказывает:

— Их здесь 390.

— Большая семья, — говорю я, но Лейла рассказывает мне о коммерческой жилке пальмирцев. Хотя гробница построена для одной семьи, она одновременно была чем-то вроде объекта капиталовложения: неиспользованные места продавались другим семьям, иногда через посредников, которые запрашивали значительно более высокие цены. С маклерами по продаже могил мне еще не приходилось встречаться.

— Почва здесь каменистая, — рассказывает Лейла,— рыть склеп в земле было слишком трудно, и тогда у пальмирцев возникла идея строить могилы, как башни, в высоту. Эта идея быстро распространилась по всему Востоку.

По дороге назад мы выходим из машины в Долине могил. Лейла ведет нас к башне высотой в пять этажей: стены этажа обшиты квадратными каменными плитами, закрывающими погребальные ниши. Мы взбираемся по лестнице, довольно хорошо сохранившейся, до верхней площадки. Это как раз подходящее место для прощания с Пальмирой, солнечные лучи косо падают на руины. Башни и колонны отбрасывают длинные тени. Вдали видны зеленые сады. Позади отеля начинается новый Тадмор, который развивается с тех пор, когда в 1928 году управление по охране древностей переселило туда несколько арабских крестьянских семей.

Лейла рассказывает, что с этого началось развитие молодого современного города с электричеством и канализацией, водоснабжением, асфальтированными улицами и автобусным движением, с музеем и многими другими приметами современной жизни. На окраине города в пустыне даже построен аэродром.

Тадмор стал центром торговли с бедуинами, жителями пустыни. Построено много школ. Славное прошлое окрыляет город, которым когда-то правила Зенобия; почитатели славят не только ее красоту, храбрость, энергию, но и мудрость. Последнее свойство, правда, вызывает сомнение: ведь Зенобия потерпела крах из-за неумеренности своих желаний.

Перевела с немецкого Т. РАЙСКАЯ

БОЛЬШОМУ драматическому театру имени А. М. Горького повезло с историей. Он родился как любимое детище Октября, первенец молодой Советской республики. Вот лишь несколько документальных фактов:

«Август 1918 года. Большой художественный совет при Отделе театров и зрелищ Союза Коммун Северной области под председательством М. Горького постановил: «Организовать в Петрограде театр трагедии, романтической драмы и высокой комедии».

«Сентябрь. Организуется драматическая труппа при Отделе театров и зрелищ. Организация исполнительского состава в «особую драматическую труппу» поручается Н. Ф. Монахову».

«Октябрь. В театр приглашены: режиссеры Н. Н. Арбатов, А. Н. Лаврентьев, художник В. А. Шуко, ведущие актеры В. В. Максимов, Н. Ф. Монахов, Ю. М. Юрьев, руководители музыкальной частью А. В. Гаук и Ю. А. Шапорин. Литературную работу в театре возглавляет А. А. Блок».

«Январь 1919 года. Организовано правление БДТ. Председатель правления М. Ф. Андреева. Главный режиссер БДТ — А. Н. Лаврентьев».

«Февраль. Первый спектакль БДТ — трагедия Фридриха Шиллера «Дон Карлос» — 15 февраля».

15 февраля 1919 года — день рождения нашего театра. Революционный пафос «Дона Карлоса», пьесы, находившейся под запретом царской цензуры, вера в благородство, силы и разум человека-борца, воплощенные прекрасными артистами, были созвучны времени, чувствам и мыслям победившего народа. Время было суровое — шла гражданская война, враг еще угрожал Питеру. Но молодая Советская республика не жалела ни сил, ни времени, ни средств для открытия первого драматического театра. Спектакль шел в живописных декорациях В. А. Шуко, актеры были одеты в прекрасные костюмы. То был праздник для зрителей, переполнивших зал. В партере и ложах — везде сидели люди в матросских бушлатах и солдатских шинелях.

«Героическому народу — героическое зрелище» — эти слова М. Горького стали девизом нового театра. В нашем театральном музее есть фотография К. С. Станиславского, которую он подарил БДТ в 1927 году. На портрете надпись: «Ваш театр — один из тех немногих, которые знают, что революция в искусстве не только во внешней форме, но и во внутренней сущности. Ищите же ее скорее и утверждайте на подмостках».

За годы существования театра у нас постоянно шли лучшие пьесы современных авторов и шедевры русской и зарубежной классики. На его афишах — имена Н. Гоголя, Л. Толстого, А. Чехова, Ф. Достоевского, Ч. Диккенса, М. Шолохова. А такие спектакли, как пьесы Горького «Мещане», «Варвары», «Дачники», в постановке Г. А. Товстоногова признаны критиками серьезным завоеванием советского театра.

Ученик замечательных советских режиссеров Алексея Попова и Андрея Лобанова, верный последователь К. С. Станиславского, Г. А. Товстоногов принес в БДТ свое, особое мышление, свое стремление к разнообразию, свой вкус к работе с актерами как главными выразителями всех замыслов и устремлений театра.

У каждого актера — свой путь в искусство, в театр. Я принадлежу к поколению тех, чья юность совпала с войной. Сейчас мы отмечаем сорокалетие начала Великой Отечественной... Тогда мне было всего 15 лет, возраст, в котором уже думают о своем будущем. Война нарушила все. И прежде всего, мечты, связанные с «мореходкой». За два первых военных года я успел потаскать мешки с берега на баржи, был машинистом зерносушилки, токарем на заводе. С 1943 года — почти на восемь лет — армия. Стал авиационным техником.

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

ОТКРЫВАЯ ЗАНОВО...

В своей статье «О пьесах» А. М. Горький писал: «Самым драматическим героем современности является человек миропонимания, — он стремится изучить и понять мир в целях полного освоения его как своего хозяйства. Он — человек нового человечества, большой, дерзкий, сильный».

Как такой человек выглядит в театре сегодня, что делает, к чему стремится?

Об этом, а также о проблемах искренности и глубины в искусстве, о поисках нового в образе героя современности рассказал народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР Кирилл Юрьевич ЛАВРОВ нашему специальному корреспонденту Александру Романову.

На сцену я пришел уже в 25 лет, начав с солдатской самодеятельности. Именно тогда я впервые серьезно подумал о театре, о профессии, которой впоследствии посвятил свою жизнь. Первой моей работой на самодеятельной сцене была роль Боба Морфи в «Русском вопросе» Константина Симонова. И позже, демобилизовавшись в 1950 году, я, поступая в театр, читал перед художественным советом:

Полночь бьет над Спасскими воротами,
Хорошо, уставши, кочевать.
И, обветрясь всякими широтами,
Снова в центре мира постоять...

Позднее судьба близко свела меня с любимым писателем: я играл в театре в его пьесе «Четвертый», на премьере этого спектакля К. М. Симонов сделал мне предложение сниматься в фильме «Живые и мертвые», в картине, которая и по сей день занимает особое место в моей актерской биографии.

Давая интервью в апрельский номер журнала, отмечая вместе со всей страной очередную годовщину со дня рождения В. И. Ленина, я невольно возвра-

Сцена из спектакля «Перечитывая заново...».

←

Сцены из спектакля «Протокол одного заседания».

щаюсь мыслями к моей многолетней работе над образом вождя величайшей из революций.

Мне посчастливилось трижды обращаться к образу В. И. Ленина. Поистине пророческий смысл имеют известные слова В. Маяковского:

Коротка и
до последних мгновений
Нам известна
жизнь Ульянова.
Но долгую жизнь товарища Ленина
надо писать
и описывать заново.

В этих словах — нацеленность на возможности этого образа, неисчерпаемость темы, на удивительные открытия, которые ожидают каждого, кто, применительно к своему времени, будет вдумчиво и кропотливо анализировать удивительную лабораторию ленинской мысли и творчества.

Более 10 лет назад, в 1970 году, на малой сцене нашего театра я впервые сыграл роль молодого Ленина в спектакле «Защитник Ульянов». Пьеса рассказывает о том времени, когда помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов участвовал в судебных разбирательствах самарского суда. После казни брата Александра младший Ульянов был сослан вместе с матерью в Поволжье, в глухую деревеньку Алакаевку, под гласный надзор полиции.

Интересен факт, что первым делом молодого юриста Ульянова была защита крестьянина Василия Муленкова, обвиненного властями в богохульстве. Крестьянину, не ходившему в церковь и обругавшему попа, грозила каторга. И молодой адвокат выиграл это дело.

Знакомясь со статьями В. И. Ленина того периода, поражаешься его эрудиции, огромным запасам знаний, масштабам его мышления. Кроме того, хотелось показать удивительный магнетизм ленинской натуры, блестящие организаторские способности... «Защитник Ульянов» был для меня началом увлекательнейшей работы над образом В. И. Ленина, которая продолжается и по сей день.

Через пять лет — главная роль в фильме «Доверие» по сценарию М. Шатрова и В. Логинова. Фильм поднимал очень серьезные проблемы, связанные со становлением ленинской национальной политики молодого еще Советского государства...

Вместе с режиссером В. Трегубовичем мы стремились не только к внешней похожести, но в первую очередь старались показать процесс рождения мысли, способ мышления Владимира Ильича. Ведь не случайно Н. К. Крупская подчеркивала, что образ Ленина — мысль Ленина. И в то же время нельзя было забывать, что этот великий человек был в жизни простым, очень естественым, не стоял на пьедестале, всегда умел найти общий язык с собеседником...

А. М. Горький писал:

«Не могу себе представить другого человека, который, стоя так высоко над людьми, умел бы сохранить себя от соблазна честолюбия и не утратил бы живого интереса к простым людям...»

Я не был скован гримом и жестами, играл, так сказать, со своим лицом. Главным для меня было не копировать созданное великим актером Б. Щукиным, а раскрыть образ по-своему, в чем-то по-новому.

Последняя работа в моей творческой Лениниане — главная роль в спектакле «Перечитывая заново...».

Почти полстолетия назад, в годовщину двадцатилетия Великого Октября, были перевернуты страницы Ленинианы. Пьесы «Правда» А. Корнейчука, «На берегу Невы» К. Тренева, «Человек с ружьем» Н. Погодина, фильмы М. Ромма «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» — вот откуда берет начало сегодняшний спектакль «Перечитывая заново...», премьера которого состоялась ровно год назад — в апреле 1980 года. В драматическую основу композиции спектакля его авторы Г. А. Товстоногов и Д. М. Шварц включили фрагменты из пьес «Кремлевские куранты», «Человек с ружьем», «Третья патетическая» Н. Погодина, «Гибель эскадры» А. Корнейчука, «Синие кони на красной траве» М. Шатрова, сценарий М. Шатрова и В. Логинова «Доверие».

Спектакль «Перечитывая заново...» — это сплав действий и раздумий вождя пролетарской революции, его встречи с самыми различными людьми, в самые критические для страны моменты. Это и страстная речь с броневика у Финляндского вокзала, и трагические дни Брестского мира и вынужденной гибели Черноморского флота... Знакомый до мельчайших деталей кабинет Ленина в Кремле, письменный прибор, телефон, книги — все это живет на сцене своей, неповторимой жизнью, подчеркивает каждодневный титанический труд величайшего «из прошедших по земле людей».

Мне хочется для наглядности привести некоторые, особенно важные для раскрытия образа места пьесы. Спектакль начинается и кончается беседой Ленина с доктором Обухом. В первой же сцене доктор говорит своему непослушному пациенту, что, когда бы он ночью ни шел мимо, окно у Ленина светится и что вчера, в частности, житель кремлевского кабинета вполне мог сказать: «Начинается шестнадцатый час моего восьмичасового рабочего дня».

Ленин чуть иронично отвечает доктору: «Вот и неправда. Вчера я был в концерте». И дальше идет очень важный текст двух ведущих спектакль.

Ведущая. Елизавета Драбкина вспоминает: «...Слушая и не слушая увертюру «Кориолан», я неприметно, боковым зрением, наблюдала за Владимиром Ильичем. Мне довелось много раз видеть Владимира Ильича выступающим на трибуне, председательствующим на заседании, у нас дома. И всегда он бывал в действии, в движении. Сейчас я впервые видела его в минуту сосредоточенного раздумья, когда ему казалось, что он был наедине с самим собой...»

Ведущий. О чем он думал в эти минуты? Может быть, о будущем своей страны — России? А может быть, уходил мыслями в прошлое, как бы перечитывая заново страницы своей наполненной событиями жизни?

Казакевич писал: «С юмористическим удивлением, как о чем-то доисторически давнем, вспоминал он переезд через финскую землю — последний этап своего нашумевшего на весь мир дерзновенного возвращения в Россию. Они с женой были тогда озабочены проблемой: каким образом, если поезд придет в Петроград ночью, смогут они добраться к Анне Ильиничне».

Ведущая. Найдется ли извозчик так поздно на Финляндском вокзале, тем более в пасхальный день. Когда же он увидел на перроне почетный караул, военных моряков, духовой оркестр и толпу встречающих, массу людей на Привокзальной площади, броневик у выхода из царского подъезда вокзала и военные прожекторы, осветившие красные флаги и надписи: «Привет, Ленин!»,— он ощутил всем сердцем, как слабо чувствовал за рубежом размах революции и как много сделано в эмиграции, в повседневной, лишенной внешних эффектов, изнурительной работе...

Удивительная вера вождя в победу, в торжество новых, разумных, справедливых идей — буквально, во всех сценах.

Ленин верит и в простого солдата, воюющего за Советскую власть вдали от дома, верит в «буржуазного специалиста», честного, талантливого инженера Забелина, которому не безразличны энергетические ресурсы России, ее будущее. Верит он и «кустарю-одиночке» часовщику, берущемуся починить Кремлевские куранты.

Вот удивительная, полная юмора сцена, когда часовщик рассказывает Ленину и Дзержинскому о себе, начав беседу с того, что он однажды чинил часы Льву Толстому.

Ленин. Ого... Это не шутка!

Дзержинский. Толстой к плохому мастеру не стал бы ходить.

Ленин. А какой был Толстой?

Часовщик. В сапогах... Очень интересный человек. Разве его портреты чего-нибудь стоят?

Ленин. О чем он с вами говорил?

Часовщик. Я теперь плохо помню, о чем он говорил. Он любил расспрашивать. В часах толк знал.

Дзержинский. И платил, конечно, хорошо.

Часовщик. Нет. Я ему как графу Толстому делал большую скидку.

Ленин. И он замечал это?

Часовщик. По-моему, не замечал.

Ленин. Чем же вы теперь обижены? Мы тоже страдаем этой слабостью — расспрашивать.

Часовщик. Я не знаю, как вам сказать. Конечно, я понимаю, что «распалась связь времен», как говорит принц Гамлет.

Ленин. «Быть или не быть?»

Часовщик. Именно! Тысячу раз — именно! Мне не дают работать!

Дзержинский. У нас существуют кооперативные мастерские... Но там, наверное, плохо налажено дело?

Часовщик. Мне приказали там работать, я пошел и взялся за работу, которую никто не мог сделать. Мне попался поразительный экземпляр часов. Настоящий «Нортон». Им лет триста. Их сделал мастер своими руками... еще до изобретения железных дорог. Я работал месяц и сделал. За это мне устроили общее собрание и сказали, что я даром ем хлеб. А я в ответ имел неосторожность привести им басню Эзопа.

Ленин. Эзопа? Что же вы им сказали из Эзопа?

Часовщик. Я сказал им о той лисице, которая упрекала львицу за то, что несчастная львица рождает одного детеныша. А львица ей на это ответила: «Зато я рождаю льва». Эзоп говорит — дело не в количестве, а в качестве.

Ленин. А что же они вам на это сказали?

Часовщик. Председатель собрания сказал, что Эзоп — контрреволюционер и оплот Антанты, а я являюсь агентом Эзопа. И меня выгнали оттуда.

После этой реплики Ленин и Дзержинский да и сам часовщик не могут сдержать смеха.

В конце спектакля снова звучит бетховенская увертюра «Кориолан». И снова — беседа с доктором Обухом, которому задан прямой вопрос: «Что меня ждет?»

Обух. — Батенька вы мой, да кто же вам это может сказать? Это же мистика какая-то!

Ленин. — Мистику к чертям! Нужна наука, на одной чаше весов все, что вам известно обо мне — пятьдесят лет, ранен, головные боли, бессонница, на другой — ваши знания и опыт.

Обух. — Это не наука, знать то, что человеку знать не дано. Это не марксистская постановка вопроса. Вот!

Ленин. — С марксистами я как-нибудь договорюсь, они нас простят.

Обух. — Вы просите у меня гадания на кофейной гуще?

Ленин. — Я прошу у вас немножко мужества.

Обух. — Вам всего пятьдесят. Объективные данные совсем не плохи: вы прекрасно плаваете, отлично стреляете, здоровье богатырское, если до сих пор не свалились от этой заседательской и бумажной каторги. Запас усталости? Изменим режим работы, и все войдет в норму.

Ленин. — Я просил у вас немного мужества. (Обух молчит). Если бы знать... Если бы знать... Это, кажется, у Чехова. Если бы знать...

(Начинается бой часов с Кремлевской башни. Звучит мелодия «Интернационала».)

Ленин. — Слышите... а? Играют... Это великое дело. Когда сбудется все, о чем мы теперь лишь мечтаем, из-за чего спорим, мучаемся, они будут отсчитывать новое время, и то время будет свидетелем новых планов, новых мечтаний, новых дерзаний».

Мы-то знаем, что через три года не станет этого человека, который всю жизнь свою отдал борьбе за счастье и свободу народа, открыл совершенно новую, неведомую доселе страницу земной истории...

Когда интервью подошло к концу, я поблагодарил К. Ю. Лаврова. А перед глазами все еще стояли эпизоды спектакля «Перечитывая заново...».

Во всю ширину сцены — трубы огромного органа, с которыми по ходу действия происходят метаморфозы — они выполняют роль дворцовых колонн, могучих стволов орудий, березовой рощи в Горках...

Перечитывать заново — это в спектакле не просто вспоминать прошедшее, это не мемуары, не горечь о былом, безвозвратно ушедшем... Это прежде всего — открытие нового, умение взглянуть на все ярко, свежо, оригинально, в небывалом, только теперь возможном ракурсе.

Важно было расширить и углубить богатейшие традиции, достижения нашей Ленинианы.

Именно сопереживание со всем зрительным залом, чувство сопричастности каждого — и создает естественную психологическую достоверность, искренность, развивающуюся во времени революционную панораму.

Смейтесь, земляки!

Т. АБИДОВ,
кандидат искусствоведения

Танец козы комедианты исполняют в маске.

В маске храбреца комедианты играют многие сценки.

Масхарабоз из Хорезма в роли конетливой старухи.

МНОГО ПРАЗДНИКОВ в Узбекистане — люди отмечают исторические даты или трудовые успехи, приход весны или щедрой осени, чествуют героев урожая... В эти дни отдыха и веселья обязательно выступают артисты. Всех принимают хорошо благодарные зрители — и оперных певцов, и драматических актеров, и цирковых артистов, и солистов балета. Но есть у узбеков любимейший жанр — устный традиционный театр, и, когда появляются его актеры, публика замирает в предчувствии особенного удовольствия. В Хорезме их называют «маскарабозы», в Ферганской долине — «кызыкчи». что одним словом и не переведешь.

Прибегая к старым понятиям, можно было бы сказать, что это шуты, точнее — комедианты, которые умеют тысячью различными способами веселить публику, скрывая острый ум за простодушной маской. А выражаясь по-современному, их, наверное, следует назвать «синтетическими» актерами: они и пантомиму покажут, и сатирические куплеты споют, потешные танцы исполнят, и животных разных и птиц изобразят — голосами и жестами, конечно, с намеком на определенные типы людей, и просто фокусами пораду-

Узбекские канатоходцы — наследники древнего циркового искусства.

ют или комической акробатикой; бывает, что и зверей дрессированных с собой привозят. Мало этого, они тут же сочинят и исполнят сценки на местные темы, так что кое-кого из зрителей в краску вгонят. Такой актер и на любом инструменте сыграет, а если нет инструмента — голосом может имитировать.

Вот это и есть устный традиционный узбекский театр. История его уходит в глубь веков, и как раз интересно и ценно то, что главные черты этого народного искусства сохранились до наших дней, зародившись еще в доисламские времена, когда в Средней Азии бытовало множество разных религий. Интересно и то, что театр этот не исчез и в период господства ислама, когда кызыкчи и масхарабозов преследовало мусульманское духовенство, видевшее в их выступлениях святотатство.

Рукописные источники, археологические, этнографические находки, искусствоведческие исследования дали множество сведений об этом виде искусства. Вот некоторые из них.

В старинных хрониках рассказывается, что жители Кана (так в древности назывался Самарканд.— Т. А.) имели множество музыкальных инструментов — большие и малые бубны, гитары, пятиструнные и большие гусли, флейты; что из Самарканда в дар соседнему владыке было направлено посольство с дрессированным львом, а также «тюркестанские танцовщицы». На территории нынешней Средней Азии еще в древности была широко распространена пантомима, в Южной Туркмении археологи обнаружили маску актера-мима (предположительно III — II вв. до н. э.). Греческий историк Геродот (V в. до н. э.), описывая предков хорезмийцев — массагетов — и культовые их обряды, замечает, что во время радения они «пускаются в пляску и начинают петь».

До сего времени хорезмские масхарабозы и некоторые кызыкчи Ферганской долины разыгрывают спектакли в масках. В их репертуаре есть мимические сценки «Ут уйин» («Игра с огнем») и «Когоз уйин» («Игра с бумажной лентой»). В первой (ее показывают ночью) актер выдувает изо рта снопы огня во время энергичной пляски, во второй — актер изо рта лежащего на коврике партнера вытягивает несколько метров красной бумажной ленты. Во время пляски ночью хорезмские актеры жонглируют горящими факелами. Кроме того, они, как правило, выступают в красной одежде. Исследователи полагают, что это — отголоски древнего театра масок и культовых плясок, совершавшихся в древнем Хорезме в «домах огня» — храмах огнепоклонников.

В старинной рукописи рассказывается о празднестве в городе Герате, устроенном султаном Хусейном в честь сестры (XV в.): «Были показаны всякого рода удивительные зрелища и изображены занимательные выдумки», люди пели, играли на музыкальных инструментах, показывали пантомимы и фокусы.

Хорезмский историк и поэт Агахи в труде «Рияз уд-даула», а затем историк Баяни в «Шараджараи Хорезмшахи» («Родословное древо Хорезмшахов») свидетельствуют, что при дворе хивинского владыки Аллакулихана (1825—1843 гг.) часто устраивались скачки, борьба на приз, выступали канатоходцы и ходулеходцы, а также масхарабозы, «от игры которых многие гости хохотали».

Кызыкчи и масхарабозы обычно сами сочиняли для своих выступлений сценки, куплеты, и народ любил их именно за то, что они смеялись над угнетателями, разили острым словом социальные пороки. В их произведениях фигурировали жадные баи и ростовщики, хитрые муллы и ишаны, обманывающие народ возле святых мест, невежественные наставники духовных школ.

Жизнь этих актеров во времена господства ислама была нелегкой. Они всегда были гонимы, бесправны, не уверены в будущем, существовали как бы вне закона. Их преследовали власти за изображение «великих мира сего», их проклинало мусульманское духовенство за «шутовство и изображение непристойных для правоверных действий».

Нередко масхарабозов после выступления сажали в яму — зиндон. По велению хивинского хана комедианты всегда носили красный халат, чтобы издали все видели — идет шут. Но народные комедианты были преданы своей профессии и бережно сохраняли то, что им перешло по наследству от учителей.

Кызыкчи и масхарабозы были и авторами и исполнителями своих произведений, которые возникали на почве социальной вражды и общественных противоречий. Их смех был гневным, язвительным, саркастическим или торжествующим, радостным, добрым — в зависимости от изображаемых явлений; событий, характеров и их столкновений. Так шло из поколения в поколение.

Очень многое из творчества узбекских комедиантов прошлых поколений сохранилось до наших дней. И сегодня показывают масхарабозы сочиненные в прошлых веках небольшие комедии — «Ходжи кампир» — о богатой старухе, утратившей благочестие после паломничества в Мекку, «Мазар» — о плутовстве шейха на святой могиле, «Четверо сумасшедших» — об ишане, чьи проделки ведут его прямо «по дороге в ад». Сочиненные сотню, а то и две сотни лет назад, иные из таких сценок и сегодня звучат современно.

Люди сохраняют в памяти имена кызыкчи и масхарабозов прошлых веков — Ризо-киик, Саъды Махсум, Нормат-кызык, Усман-кызык, Рустам-кызык, Абдулазаиз, Марасул-кара, Хусан-букри, Мумин-кишлоки, Мулла-хашим, Авлияхон-кашкари, Бахрам-кызык, Холмат-кызык, Хасан-кызык, Рузигов, Матхоликкызык, Шомат-кызык... Живы традиции народного театра комедиантов. Его актеры и сегодня высмеивают то, что мешает людям в их труде, в быту, что уродует нашу жизнь. Они сочиняют пьесы, фарсы, смешные рассказы на злободневные темы. Вот почему их так радостно встречает народ, где бы они ни появились.

Один из них, маргеланец Ахунджанкызык — автор многочисленных юмористических и сатирических рассказов, интермедий, которые он с блеском, играя несколько ролей, исполнял на эстраде и манеже цирка, рассказывает: «Приезжаю я в колхоз за час-полтора до начала представления и вместо того, чтобы идти в правление, направляюсь в поле, беседую с колхозниками о житье-бытье. И если повстречается мне старик или, в особенности, старушка — считайте, что мне повезло. За полчаса за пиалой крепкого зеленого чая они мне столько расскажут, что целая комиссия за неделю не узнает. А вечером на представлении так поддену отстающих бригадиров или раиса-председателя, что они только краснеют и молчат. После председатель подходит и спрашивает: «И откуда, Ахунджан, у тебя такие точные сведения? Словно ты в нашем колхозе весь век живешь». Молчу, улыбаюсь. Раис видит, что из меня больше ничего не выжмешь, и серьезно добавляет: «В следующий раз приедешь — все будет исправлено». А мне только этих слов и надо, значит, искусство мое дошло, значит, оно нужно».

У Ахунджана-кызыка было много-много почитателей. В молодые годы он и с головокружительными жонглерскими номерами выступал, танцевал, например, вращая блюдо вокруг своего туловища, ловил его головой... Помнят и его знаменитый комический цирковой танец «Кичкинаджан» («Малышок»), который он исполнял под бубен...

В Андижане живет Ибрагимджан-кызык Тешабаев. Ему за 70. Он — руководитель устного народного театра, основной актер и музыкант — карнайчи и сурнайчи. В его репертуаре около двух десятков пьес. Он высмеивает в них и старые, отжившие обряды, и тех, кто злоупотребляет спиртным, и маклеров, «помогающих» в базарный день купить теленка, смеется над лицемерами.

Сложное и многожанровое искусство узбекских масхарабозов и кызыкчи через века шагнуло в наше время благодаря тому, что они имели свой цех — объединение во главе с аксакалом — старейшиной — и решали сообща все вопросы, заботились о сохранности секретов мастерства. У них и сегодня хорошо налажено обучение. В каждой труппе мастера учат молодых искусству подражания и перевоплощения, заставляют тренировать память — запоминать множество традиционных пьес и сочинять свои, оттачивать язык, обучают острословию — аскии. Лишь когда ученик овладевал мастерством, ему устраивали арвохипир — празднество посвящения в мастера. Это было настоящее театрализованное представление, где молодого актера не только экзаменовали в его искусстве, но и проверяли его уважение к старшим, к учителю. Пройдя это испытание, ученик становился уста — мастером и ему разрешалось выступать самостоятельно, организовать труппу.

И сейчас, когда смотришь представления узбекских комедиантов, поражаешься их языку. Он удивительно точный и образный — с пословицами, поговорками, прибаутками, мудрыми словами — хикматли сузлар. Большой знаток народного творчества Гафур Гулям подметил, что большинство комедиантов отличались долголетием из-за того, что вместе с народом они смеялись над ненавистными угнетателями, обезоруживали порок, разоблачали зло.

Прославленный узбекский комедиант, народный артист Узбекистана Юсуф-кызык Шакарджанов (1868—1959 гг.) в 90-летнем возрасте как-то сказал о себе: «Я появился на свет, чтобы смеяться вместе с вами, чтобы смешить вас. Смейтесь, земляки, и ваша жизнь будет долгой». В этих словах выражено призвание актеров узбекского сатирического театра устной традиции — кызыкчи и масхарабозов.

г. Ташкент

Страницы из дневников

Алесь АДАМОВИЧ, Даниил ГРАНИН

КАКАЯ БЫЛА ЛЮБОВЬ

Блокада была противоборством, противостоянием на всех уровнях и по всем возможным направлениям: от Ставок в Москве и Берлине до «малого радиуса» Г. А. Князева или Юры Рябинкина.

Тот немецкий офицер, который навестившую его невесту «угостил Петербургом» — несколькими орудийными выстрелами, сделанными любопытной и боязливой ручкой патриотки-фрейлейн (факт, записанный Ольгой Берггольц), и бывший работник Публичной библиотеки, артиллерист Сергей Миляев[1], у которого в том «Петербурге» умирающие от голода дети, — оба они офицеры, артиллеристы, но один — на стороне бесчеловечности, второй — защитник человека и человеческой культуры во второй мировой войне.

Люди, которые изыскивали, изобретали пищу и витамины из бог знает каких заменителей; голодающие врачи, которые невольно на самих себе ставили «эксперименты» по основательно забытой дистрофии и лечили от нее ленинградцев; люди, добывающие топливо, тепло, сберегающие культурные, научные ценности, детские жизни, и т. д. и т. п. — в героическом противостоянии Ленинграда это не было столь очевидно, как залпы Кронштадта. Но это было противостояние и не менее важное, — для исхода борьбы на северном фланге бескрайнего фронта.

Работник Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина «неисправимый интеллигент» С. Г. Миляев стал опытным артиллеристом; профессор лесотехнической академии В. И. Шарков создает «пищевые дрожжи» и прочие заменители, спасшие жизнь тысячам людей; рядовой техник Борис Шелищ, самой обстановкой (не стало бензина, электроэнергии) понуждаемый, изобретает «водородный двигатель» из подручных материалов — и машины стали ходить на водородном топливе. А водород он брал отработанный, из аэростатов воздушного заграждения.

...А врачи! Им приходилось многое открывать заново. Обнаружилось, что мировая медицина поразительно мало знает о голоде, о дистрофии. Порой начинает казаться, что человечество совершенно по-детски старается забывать неприятные переживания, обидные, унизительные, к которым относится и массовый голод.

В письме-отклике на первую публикацию глав «Блокадной книги» один из ленинградцев рассказал, как он попал в стационар, лежал десять дней и удивил врача тем, что сильно потерял в весе. Он терял «воду» (был опухший), приходя в норму, но даже об этом не сразу догадались. Или трагические случаи в Кобоне, когда вывезенные за Ладогу дистрофики набрасывались на пищу и погибали... На одной из станций, мимо которой проезжали эвакуируемые, они прочли плакат: «Горячий привет ленинградцам-дистрофикам!» Люди, это написавшие, начисто забыли даже значение самого слова «дистрофия». Будто и не было 1921 или 1923 годов!..

Жозуэ де Кастро сообщает в книге «География голода», что при освобождении заключенных фашистских концлагерей обнаружилась все та же поразительная забывчивость людей, даже медицины в отношении болезни, именуемой «дистрофией». Заново и не сразу открыли, вспомнили, что наилучшее и первое средство — снятое молоко. А пока вспоминали, освобожденные дистрофики продолжали погибать, несмотря на весь уход и старания врачей.

«До самого последнего времени, — утверждает автор книги «География голода», — вопрос этот, поскольку он затрагивает проблемы социального и политического характера, был одним из табу нашей цивилизации. Это была наша в высшей степени уязвимая ахиллесова пята — тема, которую небезопасно было обсуждать публично. Подобно некоторым вопросам пола, голод считался чем-то постыдным, непристойным, нечистым. Вопроса о голоде не касались. Он подвергся табу».

«Для организованного заговора молчания имелось несколько причин. На первом месте стояли соображения морального порядка; голод относится к числу примитивных инстинктов, и на рационалистическую культуру, пытавшуюся всеми средствами утвердить в поведении человека господство разума над инстинктом, сама постановка подобного вопроса действовала шокирующе...»

В условиях самых стесненных, блокадных ленинградцы многое изобретали заново. С чем только не приходилось сталкиваться, бороться рядовому блокаднику, которого Г. А. Князев называет «пассивным героическим защитником Ленинграда»! Голодному, среди трупов, во тьме кромешной...

И он тоже стал специалистом — этот невооруженный защитник Ленинграда — и не только в деле, к которому его приставил фронтовой город.

О том, как бывшие блокадники относятся к хлебу, — об этом писали. Но вот как они по-особому понимают, ощущают человека, — об этом сказать стоит. Люди такое пережили, такое видели, узнали о себе и о других и в таких условиях, что почти каждый задумывался о многом и высказывал свое суждение о человеке, его возможностях, о его пределах. Г. А. Князев судит о человеке со стороны прежде всего духовной. Для него это естественный, «профессиональный», если хотите, угол зрения. А от медика вы услышите о физических возможностях, «пределах» человеческого организма.

Но еще чаще, нежели о физических возможностях, блокадники свидетельствуют о духовных проявлениях, потенциях человеческих — как это им открылось в те дни и месяцы. Это — и в письмах, которые нам и в «Новый мир» прислали после публикации первых глав «Блокадной книги».

Людмила Николаевна Бокшицкая (Ленинград, ул. Кубинская, 26) вспоминает:

«Я пережила блокаду в самом суровом смысле: без запасов, без помощи, но с верой, что скоро кончится. Но наступил момент, уже в декабре 1941 года, когда стало безразлично: не могли пойти выкупить хлеб, не вставали с кровати. Лежали трое: мама, сестра и я. Не реагировали на сигналы тревоги, не слышали, что летят бомбардировщики. И как вы пишете: «У каждого был свой спаситель...» В нашу комнату вошла соседка Надежда Сергеевна Куприянова. Она решила, что и мы уже мертвые, так как в квартире, где было много жильцов, живых уже не было... Увидев, что и мы уже «залегли», что мы уже безразличны к тому своему состоянию, Надежда Сергеевна со словами, что она не даст погибнуть семье такой замечательной женщины, ушла. Скоро она вернулась с дровами. Затопила печку, принесла воду. Сказав, что им в госпитале дали кролика, поставила в печку кастрюлю с кроликом. Варился суп, она нас мыла, отгородив одеялом от основного холода. За эти дни наша угловая комната первого этажа так промерзла, что тепло было только у печки в радиусе одного метра. Этот обед и это внимание позволили продержаться до 10 января 1942 года.

8 и 9 января мы опять без ощущения, что с нами происходит, лежали с мамой — две дочери во всей одежде, не выкупая хлеб, и уже не говорили о

Начало см. в № 3.

[1] Его записки о посещении семьи, своей ленинградской квартиры мы приводим в «Блокадной книге», вышедшей в «Советском писателе» в 1979 г.

том, как это было раньше. Мама начала шевелиться, что-то, как мне показалось, во сне начала тихо спрашивать. А потом мама, как бы с испугом, задала вопрос: какое сегодня число. И по тому, что мы два дня не выкупали хлеб, установили, что было 10 января 1942 года. И вдруг мама сказала, что «в этот счастливый для нее день мы не должны умереть, сегодня же день рождения Люсены!» То есть мой день рождения. Мы должны сегодня встать и устроиться на снегоуборочную работу. Очевидно, услышали по радио, что требовались рабочие... И теперь эту дату я считаю своим вторым днем рождения и днем рождения, общим для мамы и сестры. Мы пошли на улицу Скороходова, где был пункт по трудоустройству... Сначала мы делали по три шага и останавливались, но не надолго, затем по десять шагов... Я помню, как мы считали, чтобы не больше, боясь, что можем не справиться, как мы останавливались, проявляли бдительность, чтобы не замерзнуть...»

Когда слушаешь иные рассказы блокадников, кажется порой, будто ленинградцы все начитались Достоевского! Тут и «бездна», тут и «небо» души человеческой — все одновременно.

Конечно же, не из книг взято это знание пределов человеческих, понимание человека, его взлетов и падений. Знание, понимание, которому блокадник ничуть не радуется: слишком дорогой ценой оно куплено, с очень горькой памятью оно связано. Такое всезнание и Достоевского мучило, терзало, так ему, писателю, оно хотя бы нужно было...

Блокадник порой даже не соглашается с литературой — великой, бесспорной для нас. Прожив под обстрелами, бомбежкой почти три года, учительница Ксения Владимировна Ползикова-Рубец в своем дневнике спорит «с самим Львом Толстым» — о психологии человеческой:

«Я иду пешком до вокзала Новой деревни. Езжу в поликлинику через день... И никогда не приходит мысль — а может быть, и не дойду? Это не храбрость, а привычка. Лев Толстой неправ, когда говорит: «Прежде Ростов, идя в дело, боялся, теперь он не испытывал ни малейшего чувства страха. Не оттого он не боялся, что он привык к огню (к опасности нельзя привыкнуть), но оттого, что он выучился управлять своей душой перед опасностью...»

Мы именно привыкли. Мы ложимся спать под звуки сирены, под вой зениток, под звуки обстрелов, и мы засыпаем без усилия, от физической усталости, от привычки засыпать в эти часы, и будит нас только сила звука. Разумом мы знаем, что опасность нам угрожает, но чувство молчит. Я слыхала рассказ Зои о ее тетке, буквально разорванной на части снарядом при обстреле Балтзавода... Ее удерживали в помещении, но она со словами: «Меня никакая пуля не берет» — выбежала и сразу попала под снаряд...»

В любом другом случае мы взялись бы отстаивать абсолютный авторитет Толстого. А здесь промолчим. Бывший блокадник знает о себе порой такое, чего человеку лучше бы не знать. О себе и о человеке — такое, что мучит, как осколки в теле. Эти осколки — в памяти.

Вот респектабельный человек, профессорского вида — таким он смотрит с довоенной фотографии, таким, хотя и сильно постаревшим, предстает сегодня. Превосходный рассказчик, мы слушаем его и в то же время помним о нем то, что и он помнит, хотя не знает, что мы это знаем, мы понимаем неуходящую из его глаз грусть слабого человека, навсегда потерявшего веру в себя: помнит он, что в те страшные дни, уже не владея собой, хватал принесенные женой кусочки липкого хлеба, пытался съесть, а жена била его, отнимала и делила хлеб на четыре части — у них было двое умирающих детей.

И тут же рассказ о другом отце, который тайком от жены отдает маленькой дочери свой хлеб — свою жизнь — и просит девочку не пугаться, если он замолчит и не будет больше с ней разговаривать...

Да, многое способен вынести человек и остаться человеком. Об этом говорит большинство блокадных рассказов, дневников. Нужно только учитывать всю сложность проявления человеческого. В семьях, где отношения между людьми и до войны были ясные, определенные, высота поведения человеческого достигалась проще и легче, с меньшими потерями. Вот еще одна ленинградская семья, судьба Светланы Александровны Тихомировой (Аптекарский пр., 8):

«...25 марта сорок второго года мне хотелось маме какой-то подарок сделать, в свои 14 лет что-то купить ей. Кускового сахара не было, пиленого не было, был сахарный песок. Не помню, по какой норме мы получали. Утром, когда пили чай, мама насыпала сахарный песок в блюдечко отцу, мне и себе. И надо было как-то незаметно от этой порции отделить какую-то часть, ссыпать ее иногда в кулек, иногда оставить в блюдечке, иногда (переложить) в карман и потом (куда-то) ссыпать. У меня была такая старинная вазочка. Я собирала сахарный песок в нее. Месяца два, наверно, ушло на это, — не всегда удавалось. Отец делал вид, что не замечает, а мама, когда шла к буржуйке чай налить, вот в это время я ссыпала. У нас всегда в это время отмокал клей в тарелках на окне, — такой в виде плитки шоколада, — отмокал несколько дней. И этот клей был на завтрак, на обед. Прятала я этот сахарный песок. Когда он мне попадался на глаза, то все мне хотелось пальцем в него обмакнуть и попробовать. Был случай, когда мне хотелось ночью встать и босиком дойти до этой вазочки.

Когда наступил этот день, я, помню, очень волновалась и даже ладони были мокрые. Хотелось встать раньше мамы. Я поставила на стол полную вазочку с сахарным песком, — накопилось, наверно, граммов 300! Ну, конечно, были слезы. Тут же разделили опять сахарный песок. Так праздновали день рождения.

А отцу еще до этого, в день Красной Армии, я подарила полсухаря. Не помню, как я его сэкономила.

...В январе сорок второго года в Пушкинском театре ставили «Сильву». По бомбоубежищу нашему разнесся слух, что по талонам крупы дают чечевичный суп в буфете (театра). На 5 граммов крупы можно было приобрести билет и, имея один билет, получить одну порцию супа. И помню, в кассу стояли даже военные, мужчины и женщины, штатские с бидончиками. Многих на спектакле не было: люди получили, взяли суп и ушли. А мы с мамой посмотрели этот спектакль. Это была первая в моей жизни «Сильва». Но мы принесли все отцу. А в антрактах артисты ходили, накинув пальто. Был безумный холод в зале, и люди сидели и похлопывали ногами, чтобы не замерзнуть. И я помню, что было несколько моментов, когда я забыла о еде, забыла, что хочу есть.

В сорок втором году с первого сентября пошли в школу. Как проходили занятия, я плохо помню. Помню только, что мы были в пальто, что чернила замерзали в чернильницах. Уроки не каждый день были, — по четыре — по два урока. Главное было: ждали, когда пройдут два урока, — пойти в столовую, — обед. Обед давали без карточек: суп с чем-то, чай и шроты — два круглых шарика давали на человека, похожие на сделанные из пшеничной крупы, без всякой соли, даже не знаю, на что похожие, — ни на какую еду не похожие. Вот от клея чувствовалось какое-то наполнение желудка, а от этих шрот — никакого.

А вот потом уже, когда я с сентября сорок пятого года преподавала сама (я окончила педучилище), в первом классе, — дети были до 15 лет, — дети в столовую не ходили. У детей была какая-то такая заторможенность, и, когда дети видели этот поднос с едой, была образцовая дисциплина — все сидели руки назад и смотрели на этот поднос с едой. Нельзя было сказать: «Подойдите, возьмите», надо было обойти всех, потому что могли сами схватить чего-нибудь по несколько штук...»

И сегодня поучительно, как блокадник открывал, познавал духовные возможности свои, человеческие. И их также использовал — взамен сил физических, хлеба насущного. Последнее — не фраза, не слова только. Записи Г. А. Князева, чем дальше, тем больше свидетельствуют, раскрывают, как это практически делалось, происходило. И самое удивительное, что такая замена, подмена хлеба насущного хлебом духовным, компенсация такая — возможна. До определенного, конечно, рубежа, предела...

1942.I.3.

«Поднимаюсь медленно. Бьется сердце. На каждую ступеньку отвожу до десяти секунд. Наконец, и наши двери на площадке третьего этажа. Даю условные звонки: три резких, отрывистых. С замиранием сердца прислушиваюсь к шагам Марии Федоровны. Она дома и ждет. Она — моя героическая женщина, безропотно и стойко переносящая все испытания, и прежде всего голода. Как она похудела! Словно не 51 года женщина, а хрупкая, тоненькая девушка. Целую ее, чувствую ее, свою родную, близкую жену-друга. Она не потеряла своей женственности и своей исключительной женской опрятности. Светятся ее темные глаза на похудев-

шем лице. И я гляжу на нее с большим волнением, чем влюбленный юноша на свою возлюбленную. Каким героем показала она себя. Я знал ее 24 с половиной года как жену-друга, но не подозревал в ней такого запаса духовной энергии, воли к преодолению всех трудностей. Она не потеряла ни расположения к людям, ни бодрого, веселого тона, ни улыбки, ни светлых, внутренней глубиной, темных чарующих глаз... Русская дивная женщина: точнее, русская по культуре, по рождению, по натуре, по честности, исключительной правдивости и честности — зырянка: мать и отец ее были зырянами. Этот замечательный народ под напором более воинственных, жестоких, грубых народов был отодвинут в тайгу и тундру, чуть не к самому берегу бескрайнего студеного моря. Я еще в детстве читал в учебнике географии: «Зыряне отличаются особой честностью». Это оказалось правдой. Родная, честная, чистая моя жена-друг!.. Как я счастлив, что мы вместе, дома».

1942. I. 6.

«В научном заседании Комиссии по истории Академии наук я сделал доклад: «К истории замещения академических кафедр» за все время существования Академии (1925—1941). Заседание происходило под председательством академика И. Ю. Крачковского. Присутствовали А. И. Андреев, Б. Л. Модзалевский, П. М. Стулов, М. В. Крутикова и другие.

Может быть, это мой последний научный доклад».

«В Институте языка за последний месяц умерли 6 научных сотрудников, пять мужчин и одна женщина. В Главархиве умерли Судаков, знаток материалов Сенатского Архива, Ахун, один из очень знающих библиографов, плох здоровьем А. А. Шилов, специалист по научным публикациям (автор учебника), и другие слабы, вероятно, «кандидаты»...

Дневник Г. А. Князева где-то на четырехсотых страницах (все — 1200 машинописных) начинает превращаться в мартиролог: жизнеописание тех, кто на его «малом радиусе» умер, замученный голодом, блокадой. Но это одна сторона его записей. И чем больше и подробнее о мертвых, тем радостнее записи о живом, о красоте и богатстве жизни, спрессованной в оставшиеся блокаднику недели, дни. И в то же время растянутой: каждая секунда нагружается ощущением: а все-таки живу, живем, что-то получаем от жизни, гораздо больше, чем в обычное, обыкновенное время, когда и месяцы и годы не ценили, ни во что не ставили! Именно в это время в «Февральском дневнике» Ольга Берггольц писала: «...Такими мы счастливыми бывали, такой свободой бурною дышали».

Чем больше обесценивают голод, блокада человеческую жизнь, тем важнее и дороже она для гуманиста Князева. В первые недели войны он в своих записках не всегда бывал справедлив, не всегда щадил окружающих, поддаваясь разным слухам о них: слишком давали знать себя сложные отношения в ученой среде. Сейчас о тех же людях, о тех же фактах судит мудрее, человечнее, различая вину и беду человека. Это не всепрощение. Это — понимание. Ведь столько всего случилось, такое происходит: что значат вчерашние страсти, порой мелочные, низменные?..

ТЯЖЕСТЬ КНИГ

1942. III. 14

«Ничего особенного.

День как день... Ночь как ночь в осажденном городе.

Блокада не разорвана, и отсюда все качества. Только какие-то звенья, по счастью, не в руках немцев, и мы еще имеем какую-то, хотя и затрудненную, связь со страной.

Давно решено у меня — о будущем не думать. Теперь вопрос ставится снова — что будем делать? У нас было бесповоротное решение — оставаться в Ленинграде и никуда не уезжать. Теперь сама жизнь ставит вопрос о выезде из Ленинграда. Следующей зимы, если мы и дожили бы до нее, в разрушенном городе, без дров мы не проживем. Значит, надо решать вопрос о выезде из Ленинграда. Но куда? А с Архивом как?

И встало вдруг серой стеной это грядущее, пришлось задуматься о будущем...»

«На службу сегодня не смог поехать из-за неисправностей моего ручного самоката и слабости М. Ф., которой было бы не справиться сегодня со своими обязанностями и слесаря и шофера.

И я целый день читал стихи Бодлера, Верлена, Верхарна и других...»

1942. III. 15.

«Сегодня день моего рождения. Мне исполнилось 55 лет... Я устал, истощен от голода и холода, измучен нравственно, смят вихрем событий, но я не старик, я не «отсталый». Я еще достаточно чувствую в себе сил, чтобы бороться, а если будет нужно — умереть... Что ж делать! Жизнь прожита. Не удалось, правда, три — пять лет прожить на покое, заняться своими книгами, коллекциями, неоконченными замыслами... Пришли лихие времена. Весь мир, вся наша планета в пламени огня.

Встал рано. Одевался у печки. Какое счастье греться в холодной комнате у теплой печки. Она была истоплена на ночь и к утру еще не остыла. Сижу сейчас за столом. Правда, в комнате развал; от затопленной «буржуйки» идет едкий дым и ест глаза... Но какое счастье, что еще около меня М. Ф. Она бодрится. Сейчас готовит кофе. Пусть у меня стынут руки, и она и я в зимних пальто (на дворе опять мороз — 19°!), но мы живем. И она и я любим друг друга... Будущее? Не будем еще сегодня думать о будущем. Не сегодня, а сейчас, вот это м г н о в е н и е — н а с т о я щ е е. Только и можно им жить сейчас.

Настоящее. Оно еще есть. Вот дымит не только буржуйка, но запахло и кофе. Куски хлеба поджариваются. Благословение судьбе. Мы еще живем. И зачем судьбу испытывать — хныкать, жаловаться...

Покуда есть настоящее...

Стреляют? Дом вздрагивает...

Ну и пусть стреляют.

Покуда есть настоящее!

Прочь суеверный страх, все призраки... Покуда есть настоящее.

— Дорогая моя Кичи (так я зову своего верного друга и жену М. Ф.) — подойди ко мне...

И я целую ее, такую худенькую, состарившуюся...

А она улыбается мне своими все еще лучистыми глазами, чистыми, нежными, ласковыми.

— Радость моя, оплот мой, друг мой, верная радостная жена моя...

Я про себя думаю: «Неужели кончилась наша жизнь, все кончилось?..» И гоню, гоню эти мысли. Не надо их.

Мы садимся пить кофе. Я грею руки М. Ф. На столе у меня Петрарка, Верхарн, Ал. Блок... Сколько мыслей, образов!..

Мы еще живем!»

Сложные поэты — Метерлинк, Бодлер, Верхарн, Блок — но вот, оказывается, требовались они не только для сытого времени, для уютной тиши, для услады досуга.

Высокая поэзия умеет помочь душе, когда той трудно. Без поэзии душа человеческая сохнет, ничто не может заменить человеку стихов. И то, что Князев тянулся к ним в тягчайшие минуты, заслуживает уважения и раздумья.

Книга много значила и много делала в ленинградской блокаде. Ленинград — город, насыщенный книгой, книжными богатствами, библиотеками — государственными, институтскими, частными собраниями. Может, по количеству книг на горожанина то был первый город в стране. Причем книги скопились первоклассные — антикварные, иностранные, старая русская книга... Ленинград славился своими букинистами. Перед войной на Литейном проспекте большую часть нижних этажей занимали книжные магазины. Вдоль садовых оград стояли «развалы» букинистов. И ближние улицы, Белинского, например, тоже были заняты книгами. Здесь можно было найти все или почти все — старый французский роман, брошюры первых лет революции, церковную книгу, немецкие технические справочники. Букинисты в валенках, в шубах, похлопывая рукавицами, ходили вдоль лотков, заваленных книгами, где рылись любители.

От блокады книга сильно страдала. Ее жгли пожары, она гибла при бомбежке, ее, наконец, сжигали в буржуйках, в плитах, ею разжигали, ею обогревались, и за это трудно осуждать людей. Но книгу защищали, ее спасали, есть замечательные рассказы работников Публичной библиотеки, которые в самое голодное, отчаянное время перетаскивали в хранилища частные библиотеки умерших собирателей, ученых, библиофилов, те собрания, которые остались бесхозными, спасали книги из разбомбленных домов. Тащили их на санках, на тележках, на себе через весь город, в книгохранилища Публички. Никто не заставлял их, не было на то указаний, ничем эта работа не поощрялась. Они любили книгу, они служили книге, поэтому они ее спасали.

Но это профессионалы-книжники. А были просто ленинградцы, питер-

цы, потомственные питерские интеллигенты.

Рассказывала нам Зинаида Александровна Игнатович, работавшая в научно-исследовательской лаборатории пищевой гигиены. Зинаида Александровна заведовала там отделом. До революции она прошла путь, довольно типичный для девушек, добивавшихся осмысленной трудовой деятельности на пользу людям: издалека приехала в Петербург, поступила в Женский медицинский институт, уехала работать «на холеру», потом — «на тиф»... Скромный, но по-настоящему идейный труженик-интеллигент. И вот она рассказала такой эпизод — типично ленинградский.

«Мы остались с мужем. Он худой был. Он перестал работать. Уже в 42-м году, не смог работать. Но он был невероятный книголюб.

Двоюродная сестра моя была профессором, и ее удалось каким-то образом, буквально в октябре уже, с трудом, все-таки на Большую землю эвакуировать. Она, уезжая, мне сказала:

— Все вещи я бросила. Если будет возможность когда-нибудь, посмотрите, что там есть, потому что я с собой ничего не могла взять.

Ну, весна в Ленинграде в 42-м году задержалась, еще в апреле был снег очень долго. Наконец дни стали больше, и я говорю своему мужу:

— Давай, все-таки, посмотрим. К Верочке-то надо съездить.

Мы связали двое санок и повезли эти санки. Сестра жила у Марсова поля, это порядочно, нужно пройти через Неву, наверно, километра два, мимо Биржи. Ну, и мы потихоньку туда пошли, подошли к Бирже. Вот так — Нева, так — Биржа. Подошли сюда. И тут страшный обстрел, снаряды то падали в воду, то возле этого. Я говорю:

— Давай кругом Биржи обойдем, там все-таки тише.

Пошли, потом кругом, потом еще пришлось пересечь мост через Неву.

Пришли мы в квартиру Верочки. Ну, квартира вся раскрыта, никаких вещей, конечно, нету, но шкафы с книгами целы.

— О-о! — муж обрадовался:

— Книги, книги-то целы! Я книги возьму!

Я, зная уже слабость его, говорю:

— Знаешь что? Только бери самые интересные, потому что мы еле с пустыми санками доехали.

Но когда он отобрал, я вижу полные санки, двое — вот сколько книг навязано. Я говорю:

— Сколько книг!

А муж сказал:

— Как можно бросить Достоевского? Если их бросить, их сожгут ни за что!

Разговаривать было очень трудно. Поехали с этими санками. Перешли опять у Биржи и опять начался обстрел. Я говорю:

— Давай опять завернем сюда.

Когда мы начали заворачивать, я смотрю: вдруг он побледнел, хоп — упал!

А я, главное, как сейчас помню, мы все-таки долго прожили, прожили дружно, а я, представляете, думала не о том, что он умер, а как я его теперь до дому дотащу?!! Вот я и теперь помню это чувство! Не потому, что он умер,

В 1966 г. в издательстве «Художник РСФСР» вышел альбом «Подвиг Ленинграда». Продолжаем публиковать из этого альбома фотографии, сделанные в осажденном Ленинграде фотокорреспондентом газеты «Ленинградская правда» Д. М. Трахтенбергом, который провел в городе все время блокады.

Памятник В. И. Ленину у Финляндского вокзала был надежно укрыт от бомбежек.

В периоды обстрела школьные занятия продолжались в бомбоубежищах.

Тысячи людей вышли расчищать город после трудной зимы.

Все, кто мог, вставали к станкам, работая на оборону города.

Дети, не боясь обстрела, ходили в школу.

Гости осажденного Ленинграда.

что я потеряла его, а как я его мертвого дотащу?! Вот я его потихоньку под руки на ступени этой Биржи дотащила. Положила. Начала смотреть пульс — потихоньку появился. Понимаете!!! Он там посидел час, пришел в себя. Ну, конечно, чтобы он уже вез санки — не могло быть и речи. Бросить книги тоже нельзя. Пошли мы, я его веду под руку и тащу вот эти самые санки, полные книг. Наверное, мы шли часа три до своей квартиры. Лифта не было, подниматься уже наверх не было никакой возможности.

Мы санки оставили внизу. Я его еле дотащила до квартиры.

На работу он не ходил. На второй день утром я ему оставила какую-то еду. С постели он встать не мог. Я ему оставила еду, а сама пошла в институт.

Вопрос: — А санки с книгами внизу так остались?

— Да, так и остались. Прихожу с работы, вижу санки пустые! Человек чуть не умер из-за книг, а кто-то на растопку взял. Я поднимаюсь наверх на пятый этаж. Когда я поднялась на четвертый этаж, слышу странный такой звук, как будто собака идет на четырех ногах — вот так вот шлепает!

Когда я поднялась на площадку четвертого этажа, я вижу такую картину: муж, у него сзади торба с книгами и он на четвереньках несет эти книги!!! Он сидит и говорит:

— Вот, не успел. Думал до тебя перенести.

Идти он не мог. Я его этаж волокла, притащила в комнату и уложила. Он встать уже не мог.

Вопрос: — Шел на четвереньках?

— Да, он на четвереньках все перетаскал книги».

Стоит представить себе беспомощность ползающего от слабости человека и невозможно представить, что он ползет за книгами! История эта распадается, она плохо соединяется, ведь все это в состоянии той крайней истощенности, когда, казалось, все мысли высосаны голодом. Умирает и тащит книги! Чего только не умещается в человеке! Как много он может! Потому-то нам интересны блокадные воспоминания — в них открываются запредельные силы человеческой души, состояния, о которых никто не знал, возможности, которые в обычной жизни остаются неосуществленными.

Ленинградская интеллигенция... русская интеллигенция... Это пытаются свести к образованию, к воспитанности. Но это совсем иное...

Приближается весна. Она приходит медленно, слишком медленно. На Дороге жизни ее не торопят, наоборот, там боятся, не хотят теплого солнца, торопятся, пока лед прочный, скорее, скорее, скорее завезти в Ленинград больше продуктов, эвакуировать людей.

Первыми оживали дети.

А. П. Гришкевич записал 13 марта в своем дневнике:

«В одном из детских домов Куйбышевского района произошел следующий случай. 12 марта весь персонал собрался в комнате мальчиков, чтобы посмотреть драку двух детей. Как затем выяснилось, она была затеяна ими по «прин-

ципиальному мальчишескому вопросу». И до этого были «схватки», но только словесные и из-за хлеба.

Зав. домом тов. Васильева говорит: «Это самый отрадный факт в течение последних шести месяцев. Сначала дети лежали, затем стали спорить, после встали с кроватей, а сейчас — невиданное дело — дерутся. Раньше бы меня за подобный случай сняли с работы, а сейчас мы, воспитатели, стояли, глядя на драку, и радовались. Ожил, значит, наш маленький народ».

В эти же мартовские дни 1942 года Г. Князев записывает:

«Похлебка, дымящаяся похлебка, на столе. И мы жадно хлебаем, лакаем, как голодные псы...»

«...Но рядом у меня книга, полная мыслей, искристых, сочных, порою парадоксальных и спорных — «О поэзии в Библии» и карандаш для заметок. Я беру из нее, что мне нужно, живое и непоблекшее до сих пор, а остальное, как шлак, оставляю.

М. Ф. принесла лишний кусок хлеба, который выменяла на рынке на рубашку.

Какое счастье еще жить так! И «буржуйка» сегодня не дымит. М. Ф. вычистила от сажи трубы.

Что еще нужно? Одно — хоть какая-нибудь уверенность в завтрашнем дне или даже ближе — в сегодняшнем вечере. Нельзя же так жить на самом деле — настоящим моментом, мгновением, без всякого будущего (я, конечно, говорю о личном будущем)».

1942. III. 18.

«Сегодня, неожиданно, во втором часу дня наш Васильевский остров подвергся жестокому обстрелу.

Я возвращался из архива со своими думами... Вдруг воздух над Невой стал рваться, как шелк. И сразу где-то загрохотало. Впереди меня прохожие уже лежали на снегу. Все это было ошеломляюще неожиданно... Еще утром, открывая парадную и проходя в нее, покуда М. Ф. приготовляла самокат под порталом нашего академического дома, я думал — какая благодать, тишина, не ухают пушки!..

И вдруг... Один свистящий снаряд через головы, другой, третий... И трах-тах-тах! Разрывы где-то близко. Кто не лежал, бежали, пригибаясь к земле, вдоль домов. Оставаться на открытом месте было слишком рискованно, и я заехал под ворота б. Кадетского корпуса со стороны набережной. Конвойный пропустил меня. Там я и простоял минут 30—40, покуда длился обстрел. Но я, еще не дожидаясь полного спокойствия, выехал на набережную. Академик И. Ю. Крачковский стоял под подъездом б. Меньшиковского дворца. Бледный, нервно-напряженный, молчаливый и гордый... Опять усилился обстрел. Он сделал несколько шагов со мною, молча, сосредоточенно, и опять остановился, но уже за углом дома.

В это время М. Ф. сидела в столовой, в подвале под зоологическим музеем. Я был относительно спокоен за нее... Но, оказалось, напрасно. Один из снарядов упал как раз между больницей Отто и Академической столовой. Оглушительным ударом взрывной волны выбил из нее все стекла... А у одного из окон сидела М. Ф., и, по счастью, шрапнельные пули или куски снаряда и осколки стекла пролетели через ее голову, не поранив, только страшный взрывной удар оглушил правое ухо. Кругом поднялась суматоха... Первая мысль М. Ф.— А что со мной? Ведь я еду по набережной, под самым обстрелом... Но, к счастью, не выскочила; осталась выжидать и получить все же обед, который во время суматохи перестали давать...»

«...Сидит сейчас передо мной М. Ф. на диване и смотрит на меня своими грустными глазами. Щеку она подперла рукой, на голове — синий шелковый платок, из-под которого выбились пряди волос, и личико такое маленькое, худенькое. Одни глаза, глубокие, темные, ясные, еще живут».

1942. III. 31.

«С какой любовью, нежностью глядел я сегодня на свои художественные собрания, на выписки по истории культуры, на начатые или только задуманные литературные произведения... Не хватило, не хватило нескольких лет, ну годика три, что ли!..

М. Ф. подошла ко мне и, улыбнувшись, спросила: все пишешь? Напомнила мне чей-то рассказ, как один счастливый человек в восторге водил пером по бумаге, воодушевленный удачей, что он все написал, что хотел и как хотел... А когда посмотрели, что он пишет, оказалось — ничего: одни линии из крючков и петелек, не походивших ни на одну букву или просто перечеркнутых линий... «Счастливец» же блаженствовал, что он все успел написать...

Мы расхохотались.

— Ты следи за мной, — сказал я М. Ф.

И мы опять рассмеялись. Редко теперь смеются люди!

— Проживем? — спрашивает М. Ф.

— Продержимся апрель, май, а в июне... В июне, июле уедем.

— А если не удастся уехать?

Молчим оба».

Вот еще о книгах записал Князев рассказ одной из научных сотрудниц Пулковской обсерватории.

«...Она очень тепло отзывалась о покойном Берге Викторе Рудольфовиче, скромном ученом-труженике. Он, между прочим, ездил в Пулково на грузовике зимою раздобывать из подвалов оставленные там книги и между ними — ценнейшие инкунабулы. Делалось это под самым носом неприятеля, в полутора километрах от него. Во время пути пришлось спасаться, бросившись из автомобиля в канаву. Но, к счастью, снаряды рвались по другую сторону дороги. Подвалы, в которых хранилась ценнейшая библиотека Пулковской обсерватории, были сводчатые и настолько крепкие, что они считались совершенно неподдающимися какому-либо разрушению. В одном месте был даже двойной изолированный подвал для службы времени. И все это было разрушено!.. Книги перемешались. Берг, добравшийся все-таки до Пулкова с риском для жизни на военных грузовиках, в темноте откладывал наиболее ценные, известные ему книги, которые были оттуда вывезены. По спасению другой части библиотеки работал сотрудник Циммерман...»

«...Когда над нами в Архиве Академии бушевала гроза, я беседовал с Шафрановским, старшим библиотекарем БАН[2]. Дым от пожарища, наблюдаемый нами из окна, оказался левее, чем Библиотека АН.

— Надеюсь, что не дом, где я живу, горит, — сказал он задумчиво. — А дома у вас кто-нибудь есть? — Дочь, пятнадцатилетняя девочка. — А еще кто? — Никого больше... Ведь когда я вернулся с военной службы, я не нашел дома жены и матери. Они умерли в начале этого года... Встретила меня одна дочка. Сейчас и живем с ней, но она ведь еще девочка, и бытовые условия очень тяжелы...

Я не удержался: — Так как же вы не сказали мне этого, когда были у меня? — Зачем же? Не у одного меня такое горе...»

Над нами гремел «гром», раздавались дальние и близкие разрывы бомб. Я предложил перейти в одну из наших комнат в «башне». Он улыбнулся и просто сказал: — Зачем?.. Мы стали продолжать деловую беседу о дальнейшем плане обследования академических хранилищ...»

Мария Васильевна Мошкова, работник Публичной библиотеки, в блокаду спасала книги. Вместе с другими сотрудниками тащила на себе, на санках, в мешках остатки разбомбленных книжных собраний. Ходили по известным библиофилам, ученым — по тем адресам, которые знали или о которых сообщали родные, соседи, карабкались по этажам, собирали книги и везли в книгохранилище Публички. Потом, уже позже, выделили им машину, а в самые тяжкие месяцы эти медленно двигающиеся от слабости женщины волочили через город тяжелые связки книг.

Блокадники вспоминают о спектаклях Музкомедии, об исполнении седьмой симфонии Д. Шостаковича в Филармонии, о выставках, о том, как печатались и выходили книги...

«...У композиторов до Шостаковича не было возможности написать симфонию о таком колоссальном народном бедствии, о нашествии врага, о всех тех лишениях и страданиях. А он был свидетелем всего этого. И не только он, но и оркестр, сами исполнители, и дирижер, и слушатели, и зрители, находящиеся в зале, — все были участниками и свидетелями всей этой трагедии. И все это воспринималось совершенно необычно... Она воспринималась, как говорится, на живое сердце. Понимаете ли? Потому что потом уже мне вот приходилось слушать 7-ю симфонию в отличном исполнении, с хорошим составом оркестра, с прекрасным дирижером, но такого впечатления от этой музыки, восприятия личного уже такого, тогдашнего, только свойственного для того дня, для того времени восприятия, уже никогда не было: когда знаешь, что в оркестре сидят мои полуголодные товарищи... Причем с этими товарищами мы провели всю сложнейшую зиму, а позже, со следующего года, когда мы немножко встали на ноги, все мы были зачислены в рабочие батальоны. И до конца войны мы стояли (состояли), собственно, в тех подразделениях, защищали, как могли, Ленинград. В частности, я и известный виолончелист Са-

---

[2] Библиотека Академии наук.

фонов были вначале пожарниками, потом мы были в отделении связи» (Нил Николаевич Беляев).

Происходили вещи и впрямь удивительные.

Даже день смерти Пушкина отмечался! В 1943 году! Зимой. Совершенно случайно всплыл этот эпизод в разговоре с Верой Петровной Безобразовой.

Она в войну жила на Мойке, рядом с Музеем-квартирой А. С. Пушкина. Музей, конечно, был закрыт, но вот кто-то, кто — они не помнят, стал обходить дом и приглашать людей прийти на панихиду.

«Музей был весь замерзший. Все блестели стены от инея. Нас пригласили предварительно такими билетиками прийти на панихиду. Нас было человек восемь жильцов.

— И вас пригласили как жильцов?

— Да, пришли и пригласили: вот приходите, будет завтра панихида по Пушкину.

Кто там был? Был Всеволод Вишневский, который очень хорошо сказал речь, что мы победим, и вот этот мороз уйдет от нас, и все будет по-старому, все будет хорошо.

Были еще Николай Тихонов и Вера Инбер. Если я не ошибаюсь, она прочла нам свое стихотворение «Памяти Пушкина». У нее есть такое стихотворение. Мы все стояли. На бюсте Пушкина был свитый из елок венок. Мы все почтили его дату.

Было торжественно, знаете. Всеволод Вишневский с таким энтузиазмом говорил: вы поверьте, мы победим!

— Вам, восьми человекам?

— Нам, восьми человекам. Вы понимаете? И вот Вера Инбер только прочла свое стихотворение о Пушкине. Что говорил Николай Тихонов — я не помню.

— Как тут все выглядело тогда?

— Как выглядело? Все окна были забиты фанерой. Там, где стоит памятник Пушкину, упала бомба: там была громадная яма. А у нас только прыгнула посуда, мы остались все, вроде, на местах».

Случались истории иного порядка, но столь же характерные, удивительные, в том же направлении творческой, духовной деятельности человека.

Борис Исаакович Шелищ служил техником-лейтенантом в полку аэростатов заграждения.

«У нас не было топлива. Чтобы выбрать аэростаты, надо было включать автомобильные моторы, а бензина не было. Сотни аэростатов висели над городом, они не давали фашистским самолетам снижаться, мешали пикировать, вести прицельное бомбометание. Попробовали мы вручную выбирать, то есть опустить аэростат из воздуха. Таким образом, боевые операции данного вида оружия прекращались. Встал вопрос — как быть? Нет бензина, и все. Выбирать надо, со временем водород тяжелеет, аэростат снижается, вместо трех-четырех тысяч метров висит низко и преграды для самолета не представляет. Мне пришло в голову лифтовой лебедкой выбирать аэростаты. Раздобыл я такую лебедку, привез ее, но к этому дню не стало электрической энергии. И тогда я вспомнил «Таинственный остров» Жюля Верна. С детства запомнилась мне глава «Топливо будущего». Достал эту книгу. Перечитал. Там было прямо сказано — что заменит уголь, когда его не станет? Вода. Как вода? А так, вода, разложенная на составные части, водород плюс кислород. Я думаю — не пришло ли это время. Ведь мы что делали — выдавливали оболочку аэростата — выпускали так называемый грязный водород, это вода, все равно что выливать на землю бочку бензина. Думаю сейчас, когда у меня есть под руками грязный водород, это же топливо. То самое, про которое Жюль Верн...

Я договорился с командиром. Сделал просто: шланг от аэростатной оболочки сунул во всасывающую трубку двигателя. Чувствую, двигатель работает. Даю обороты, и обороты принимает. И вдруг ЧП! Выхлоп! Обратная вспышка, взрыв, газгольдер сгорел. У меня контузия. Руки опустились. Но бензина-то нет. Сделал я маленький газгольдер, кубов на пятьдесят. Попробовал раз, другой, на третий — снова взрыв. И тут я понял, что надо сделать затвор. Разрывать цепь автоматически. Для этого ничего лучше воды быть не может. Взял я огнетушитель и сделал в нем гидрозатвор. Двигатель сосет водород через воду. Обратная же вспышка через воду не доходит. Дали разрешение испытать. Приехали генералы. Посмотрели. Все хорошо. Приказали за 10 дней перевести все аэростатные лебедки на новый вид топлива. Собрали по городу огнетушители. Шестьсот штук понадобилось. Достали шланги. Короче говоря, все аэростаты выбирать стали на новом топливе, на водороде. Лучше работали, чем на бензине. Я вам скажу, почему лучше. Потому что в холод двигатели на бензине плохо заводятся. Надо их прогревать. На водороде же и при морозе с пол-оборота заводятся».

Двигатели на водородном топливе демонстрировали на выставке Ленфронта, потом Шелища отправили с ними в Москву. Он совершенствовал свою конструкцию, отвечал на вопросы специалистов.

«Если бы был бензин, я бы не довел свою идею до конца. И вообще, я скажу вам, мне многое в голову не пришло бы, если бы не блокада. А тут приходило. Знаете, я перечитал про эпопею челюскинцев. Они высадились на лед, как они жили в таких условиях. Может, извлечь что можно... Мы тоже были, как на льду. Я не помню, чтобы в нормальных, мирных условиях работал с такой энергией и так соображал бы. Вообще я думал, что никогда уже не смогу быть сытым».

А по радио, может быть, в это самое время звучат такие странные и такие понятные блокадникам слова:

...Во мраке, в голоде, в печали,
где смерть, как тень, тащилась по
пятам,
такими мы счастливыми бывали,
такой свободой бурною дышали,
что внуки позавидовали б нам...

У Князева радио все время испорчено, молчит. Как эти слова из «Февральского дневника» Ольги Берггольц слушал бы, воспринимал он? Насколько они высказывали, выражали все то, что испытывал и о чем писал в дневнике Князев. Эту голодную возбужденность, которую пережили и помнят многие, — состояние, которое у других затем переходило (а Князев все не поддавался) в апатию, безразличие ко всему. Это его упоение всем, что способна еще подарить жизнь (даже в блокаду) человеку, истово преданному культуре, а сейчас начинающему с новой силой любить и ценить поэзию Ленинграда, понимать людей, которым выпала тяжелейшая судьба — устояв, спасти гуманистическое прошлое и будущее человечества...

1942. IV. 9.

«Тороплюсь жить.

Проснулся сегодня рано утром, и заработала мысль. Надо сделать это, кончить то, успеть в несколько месяцев хоть частично выполнить, на что и трех лет было бы мало!

И записать многое хочется... О женщине, просто жене-друге хотелось бы писать гимны, поэмы. О моей М. Ф., о женах, боровшихся и спасавших, но все же в большинстве потерявших своих мужей.

Будущий поэт, которому, быть может, попадутся на глаза эти мои исписанные листки, вдохновится и напишет такой гимн или поэму жене, беззаветно и самоотверженно переносящей все тяготы и отстаивающей всеми своими силами своего мужа... Тем, что я покуда жив, всецело обязан М. Ф. Какая она у меня, без всяких красных слов, самоотверженная труженица и скромная героиня!..»

1942. IV. 13.

«Кто-то сказал: «Человек слишком широк, не мешало бы его сузить...» Всю эту зиму я живу лишь настоящим мгновением; но в то же время живу в прошлых веках, тысячелетиях, создавая хронологическую канву для истории культуры: «По культурным вехам и кровавым провалам». Какая необъятная широта в возможностях человека, взлеты, падения, гении, подобные космическим звездам первой величины, и изверги, негодяи, чьи имена знает история, и миллиарды тех безвестных, никому неведомых, которых никто никогда не может вспомнить, потому что ничего не знает о них, но которые жили и умирали, в сущности, и есть человечество!..

Вот жизнь, как она есть; вот люди, как они есть... И жутко, жутко делается. Что они сделали с дарованной для их жизни землей, во что они превратили ее!.. Кровь, слезы, пожарища, насилия, виселицы, расстрелы, грабежи и страдания во всем мире!.. И сделали это люди...»

1942. V. 12

«Оказывается, у меня есть современник, который записывает слухи. Я, как уже отмечал, не записывал их, я брал лишь факты; и только тогда записывал слух, когда он касался какого-нибудь факта, который я не мог проверить. Этот мой современник — Е. Г. Ольденбург.

Сегодня она мне помогла снять со стены дома плакат с надписью о за-

щите родного города. Плакат этот провисел всю зиму под дождем, снегом, метелями, обстрелами: «Не сдадим родного города». Ленинградцы отстояли свой город. Через несколько лет, через 50—100 плакат этот будет музейной редкостью. Перед ним потомки наши преклонят свои головы. Этот лоскут бумаги, бережно сохраненный, будет рассказывать о пережитом в Ленинграде больше, чем сотни написанных страниц. Он живой документ своего времени...

И вот, когда Е. Г. Ольденбург помогала снимать со стены этот плакат, то и сказала, что она исписала несколько тетрадок, записывая все свои впечатления день за днем и все, что она слышит, — слухи.

Итак, не один я пишу. Но так, как я пишу, другой не пишет. Мы видим и переживаем все ведь по-своему, не одинаково.

Е. Г. Ольденбург, возможно, сейчас сидит и записывает обо мне, собирателе, архивисте, энтузиасте. Действительно, я развивал ей мысль о том, что каждый клочок нашей современной истории будет впоследствии иметь такое большое значение. Многие не придают таким «мелочам» значения, если эти мелочи около них, но удивляются, проникаются уважением к таким же «мелочам», если они обвеяны временем, «обветшали»... Я говорил ей о героизме ленинградцев, пассивном и активном сопротивлении, о «пассивных» героях... Она даже прослезилась и похлопала меня по плечу.

...Ромашевский с начала войны вел регулярную запись тревог (таковых он насчитал до мая 1942 г. — 359), а во время дежурств — всех случаев. То же, оказывается, записывал и В. А. Петров. Кое-что записывал я. Значит, материалы у нас выявляются, и их немало! Надо только бы зарегистрировать их, сохранить, изучить».

Вот о чем они думали и мечтали в апреле 1942 года, чуть ожив на первом теплом солнце.

Подбадривая себя при очередной яростной бомбежке города, Г. А. Князев вспоминает стихи Гёте, вложенные им в уста Прометея:

Закрой, о Зевс,
ты небеса свои
парами туч
и тешься, как мальчишка,
что обивает у волчка головки,
крушн дубы и выси гор!
Мою ты Землю не пошатнешь,
и хижину мою:
не ты ее построил, —
и мой очаг, которого огонь
тебе завиден.

Под фашистскими бомбами Г. А. Князев читал стихи Иоганна Вольфганга Гёте, укрепляя ими свой дух:

Мою ты Землю не пошатнешь.
И хижину мою...

Ни корысть, ни эгоизм, ни соблазны возненавидеть немцев, немецкий народ, — а как это было легко, — не поколебали Князева, не пошатнули его землю.

Старинный собор в Сегеде.
Фотохроника ТАСС.

ВЕНГРИЯ: ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ

Имре МИКЛОШ,
руководитель Государственного управления по делам церквей при Совете Министров ВНР

«Стабильность нашего общества проявляется и в урегулированных отношениях между государством и церковью, требовавших и все еще требующих много внимания как со стороны государства, так и со стороны церквей, — отмечалось в Отчетном докладе ЦК Венгерской социалистической рабочей партии XII съезду ВСРП (1980 г.). — Государство в соответствии с духом конституции обеспечивает и гарантирует свободу совести и условия для автономной деятельности церквей. Верующие участвуют в строительстве социализма, в общественной жизни в качестве равноправных граждан. Церк-

Статья написана специально для журнала «Наука и религия» и предоставлена редакции Агентством печати «Новости».

ви соблюдают законы нашего государства и поддерживают его созидательную деятельность...» За три с половиной десятилетия со времени освобождения страны, говорится далее в этом докладе, между государством и церквами сложились качественно новые отношения, соответствующие характеру социалистического общества. Эти добрые отношения отвечают подлинным интересам как общества в целом, так и самих церквей.

Еще с создания венгерского государства у него установились тесные контакты с римско-католической церковью. Став фундаментом новой государственности, христианская вера преодолела языческие традиции древних венгров и в значительной степени способствовала распространению феодальной духовной культуры. Реформация, которая в нашей стране стала знаменем борьбы против династии Габсбургов, за национальное освобождение, была неоднородна и привела к возникновению венгерских лютеранской, кальвинистской (реформатской) и унитарной церквей. Сложившаяся таким образом структура венгерского феодального государства и церквей сохранилась вплоть до нашего столетия. При этом буржуазная революция XIX века так и не решила в нашей стране проблему отделения церкви от государства. Поэтому после освобождения от фашизма Коммунистической партии и демократическим силам пришлось бороться за осуществление таких целей, которые представляли собой уже пройденный этап для других народов.

После второй мировой войны венгерское демократическое правительство ликвидировало прежнее конфессиональное неравенство, подведя общую платформу под отношения между религиозными объединениями и государством. В 1949 году была принята первая Конституция Венгерской Народной Республики, которая отделила церковь от государства. Эти меры внесли важный вклад в ликвидацию эксплуататорского уклада и в построение основ социализма.

Набирающее силу народно-демократическое государство стремилось в корне пресечь возможность использования религии и церкви реакционными силами в их попытках реставрировать прежний режим. Эта деятельность была не каким-то «культуркампфом», который не раз осуждал Ленин, а частью политической борьбы нарождающегося общественного строя против старого. В тот период обострились и отношения между государством и некоторыми церквами. Последние, например, сопротивлялись проведению земельной реформы, а затем и национализации заводов, банков. Особенно сильные трения вызвала национализация многочисленных религиозных школ.

В таких условиях большое значение имели соглашения, заключенные между государством и церквами в 1948—1950 годах. Нормализации отношений между ними способствовало и то обстоятельство, что демократическое венгерское государство с момента своего образования гарантировало свободу совести и вероисповедания. Сегодня можно уже уверенно сказать: эти соглашения выдержали испытание временем. В частности, они способствовали созданию такой обстановки, в которой верующие могли со спокойной совестью плодотворно трудиться рука об руку с людьми марксистского мировоззрения над построением нового, более справедливого и гуманного строя. Это позволило церквам найти свое место в обществе, совершенно отличном от прежнего. Соглашения также воспрепятствовали возникновению серьезных конфликтов под религиозными предлогами, высвободив таким образом значительные силы людей на благо всего общества, невзирая на различия в их мировоззрении. И наконец, нормализация отношений между конфессиональными организациями и народной властью открыла возможность проведения диалога между марксистами и христианами и тем самым заложила основу для контактов нового типа, для долгосрочного сотрудничества между государством и церквами.

Мы, марксисты, признаем как социальную реальность верующие массы и все еще значительное влияние, какое на них оказывают религия и церкви. За истекшие 35 лет мы поставили нашу церковную политику на прочную принципиальную основу и отошли от механического применения антиклерикализма, унаследованного от XIX века. Для этого, конечно, пришлось сначала изменить те полуфеодальные социальные структуры, с которыми в Венгрии переплелось большинство руководящих церковных кругов. При этом нам, марксистам, надо было понять разницу между антирелигиозной нетерпимостью, вытекающей из антиклерикального образа мышления, и позицией, базирующейся на ленинских принципах свободы совести. Этим объясняются ошибки и искажения, допущенные, к сожалению, в первое из трех истекших десятилетий. Они, как известно, давно устранены, и за последнюю четверть века отношения между государством и церквами развиваются нормально.

Церковная политика, проводимая ВСРП и правительством ВНР, представляет собой творческое претворение в жизнь марксистско-ленинского учения в конкретных условиях нашей страны, для которых характерно то обстоятельство, что современное венгерское общество все еще состоит из людей, придерживающихся различных мировоззренческих взглядов. При этом социалистическое государство не идет ни на какие принципиальные уступки мировоззренческого характера и не требует этого от церквей. Что касается такого важного вопроса, как диалог между марксистами и христианами, то в нашей стране ему присущи некоторые специфические особенности. Прежде всего этот диалог призван способствовать решению таких задач, которые отвечают интересам всех людей доброй воли, занятых их осуществлением. Мы стремимся к тому, чтобы дискуссия между материализмом и религией была подчинена интересам борьбы за великие исторические цели человечества.

Стороны, участвующие в диалоге, — не враги друг другу, а люди, идущие единым путем. Их отношения — не просто сосуществование, а практическое сотрудничество, в рамках которого, стоя на различных мировоззренческих позициях, но исходя из чувства обоюдной ответственности, они обмениваются мнениями, взаимообогащая тем самым друг друга.

Сам диалог при этом преследует цель как можно лучше решить вопросы, связанные с отношениями между государством и церквами, обменяться мнениями о возможностях и предпосылках такого диалога. Сейчас он уже вступил в новую стадию, когда внимание его участников направлено не столько на обмен мнениями о сотрудничестве, сколько на него самого. Мы считаем, что различие в мировоззрении — не препятствие для политического сотрудничества. Придерживаясь коммунистических принципов, мы рассматриваем своих верующих соотечественников как союзников и партнеров в строительстве развитого социалистического общества.

«Верующие и церкви у нас сейчас находятся совсем в ином положении, чем пять или десять лет тому назад, — говорил Первый секретарь ЦК ВСРП товарищ Янош Кадар, выступая перед партийным активом Будапешта (1977 г.). — Церкви все без исключения проявляют лояльность к нашему строю, приемлют социализм как цель и программу народа нашей страны. Может быть, церкви этим продлевают себе жизнь? Может быть. Они тоже живут в социалистическом обществе. Но мы, трудясь над осуществлением революционных целей, должны сплотиться со всеми готовыми к сотрудничеству силами. Об этом могут сказать, что это компромисс. Конечно, можно и так назвать. Ленин нас учил, и мы считаем, следуя его учению, что сотрудничество тут приемлемо, если оно идет на пользу нашему революционному делу; непри-

емлем лишь такой компромисс, который вредит делу революции. Это не принципиальная, идеологическая уступка, а политическое сотрудничество, осуществляемое в определенных целях. Раз мы живем в таком смешанном обществе, которое состоит из материалистов и нематериалистов, то и будем строить социализм в нем. Пусть только эта стройка пойдет быстрее, а возводимое нами станет прочнее, чтобы мы как можно скорее продвигались вперед».

Мы безусловно выступаем против всякого оскорбления религиозных чувств. Человека, который пытается найти самого себя в вере в бога, мы считаем участником строительства социалистического общества даже в том случае, если он действует из религиозных побуждений.

Церкви могут внести конструктивный вклад в решение как повседневных, так и перспективных задач, стоящих перед нашей страной. Представители духовенства ведут у нас большую общественную работу в парламенте, в областных и сельских советах, в различных организациях Отечественного фронта и движения за мир. И мы поддерживаем любую их инициативу, способствующую претворению в жизнь наших патриотических, гуманных целей. Главное, чтобы она вела к утверждению прогрессивных моральных норм в быту, на работе и в семье, вносила вклад в борьбу за мир, за разрядку и социальную справедливость.

Самая крупная среди венгерских церквей — римско-католическая. Она состоит из 11 епархий и возглавляется епископатом под председательством эстергомского архиепископа. Венгерская реформатская церковь имеет четыре, а венгерская евангелическая — два церковных округа, возглавляемых епископами. Унитарной церковью также руководит епископ. Высшим органом иудаистской общины служит представительство венгерских иудаистов. Существуют и небольшие православные церкви, организованные по национальному признаку (сербская, румынская). Баптистская, методистская, адвентистская и другие мелкие церкви объединены Советом свободных церквей. Кстати, до 1945 года они подвергались тяжкой дискриминации как со стороны государства, так и со стороны доминировавших тогда в Венгрии католической и реформатской церквей. Только народно-демократическое государство уравняло их в правах. В стране существует 11 высших религиозных учебных заведений, готовящих кадры священнослужителей различных конфессий.

Правовые отношения между государством и церквами в ВНР регулируются Конституцией и соглашениями, которые были заключены с ними в 1948—1950 годах, а также некоторыми законами. Среди них, например, закон о равенстве религиозных общин и закон о необходимости предварительного согласия государства на замещение ответственных церковных постов.

Со своей стороны, оно гарантировало церквам свободу вероисповедания и возможность беспрепятственно заниматься религиозной деятельностью в рамках, определяемых этими соглашениями. В частности, конфессиональные организации имеют право свободно отправлять богослужения, содержать богоугодные заведения, располагать собственной прессой, книгоиздательствами и т. д.

Наша власть считает религиозную принадлежность частным делом граждан. Поэтому государственная статистика и отчетность не содержат никаких данных об отношении населения к религии и церкви. Последний раз сведения такого рода собирались только при всеобщей переписи 1949 года.

С того же года законом отменено обязательное преподавание религии в государственных школах, однако те учащиеся, чьи родители попросят об этом в письменной форме, могут изучать ее на факультативных занятиях. Кроме того, закон божий и библейские часы могут преподаваться в помещении самих церквей. Им также разрешено иметь коллекции произведений искусства, музеи, библиотеки и архивы.

Как уже говорилось, представители церквей активно участвуют в работе государственных органов и в деятельности различных общественных организаций. Шесть священнослужителей — депутаты Государственного собрания, двое из них — члены Президиума ВНР. Около 60 духовных лиц избраны в областные, уездные и сельские советы, примерно 600 состоят в различных комитетах и комиссиях Отечественного фронта.

Государство оказывает церквам материальную поддержку, в частности предоставляет им дотации на выплату жалованья священнослужителям и на покрытие некоторых расходов. Храмы, представляющие собой памятники старины и искусства, содержатся и ремонтируются за государственный счет. Сейчас, например, ведутся работы по реставрации римско-католического собора в Эстергоме, бенедиктинского аббатства в Паннонхалме и реформатской церкви в Дебрецене.

За прошедшие десятилетия и друзья и враги народной Венгрии имели широкую возможность лично ознакомиться с принципами и практикой нашей политики в отношении религии и церкви. Растет число тех, кто с похвалой отзывается о совместных усилиях венгерского государства и ответственных церковных деятелей, и сокращается число таких отзывов, которые продиктованы стремлением противопоставить духовенство и верующих социалистическому строю в реакционных политических целях. Одним словом, и в наших условиях лишний раз подтверждаются известные высказывания В. И. Ленина, относящиеся еще к периоду первой русской революции. «Проповедовать научное миросозерцание мы всегда будем, — писал он тогда, — бороться с непоследовательностью каких-нибудь «христиан» для нас необходимо, но это вовсе не значит, чтобы следовало выдвигать религиозный вопрос на первое место, отнюдь ему не принадлежащее, чтобы следовало допускать раздробление сил действительно революционной, экономической и политической борьбы ради третьестепенных мнений или бредней, быстро теряющих всякое политическое значение, быстро выбрасываемых в кладовую для хлама самым ходом экономического развития» [1].

Подавляющее большинство граждан Венгерской Народной Республики, независимо от партийной или религиозной принадлежности, ныне едины в том, что мировоззренческие противоречия необходимо подчинить жизненным интересам трудящихся, борьбе за торжество социальной справедливости, за сохранение и упрочение мира и устранение угрозы войны. Если же говорить о преодолении религиозных взглядов, то, учитывая исторически длительный характер этого процесса, мы считаем, что отнюдь не его результаты определяют наши успехи в социалистическом строительстве.

И тем не менее буржуазная пропаганда и клерикальные круги Запада все еще пытаются представить дело так, будто духовенство и верующие в Венгрии не свободны и представляют собой так называемые «церкви молчания». Между тем любой беспристрастный зарубежный наблюдатель может убедиться: они далеко не молчат, в особенности когда речь идет о богословских проблемах и вопросах внутрицерковной жизни.

Мы были бы плохими марксистами-ленинцами, если бы не принимали во внимание запросы и нужды наших верующих масс, равно как и специфику тех или иных конфессий. Существующие в нашей стране церкви не молчат и тогда, когда речь идет об уяснении и решении социальных проблем, касающихся всего народа, и занимают при этом позиции, говорящие об их верности социалистическому строю. О том, что венгерские церкви не молчат, свидетельствует и то, что их голос слышен и к нему все более прислушиваются в различ-

---

[1] В. И. Ленин. Полн собр. соч., т. 12, стр. 146.

ных международных и национальных религиозных организаций.

Десятилетиями проводя политику единства действий и братского сотрудничества марксистов и верующих в общем деле строительства социализма, мы можем с удовлетворением констатировать: сегодня национальное сплочение людей различного миросозерцания в нашей стране пользуется поддержкой не только государства, но и церквей и является уже повседневной реальностью.

Сотрудничество на благо социального прогресса и защиты мира стало объективной исторической необходимостью. Мы целиком разделяем позицию, занятую в этих вопросах на Встрече коммунистических и рабочих партий Европы за мир и разоружение (апрель 1980 г.): «Мы, коммунисты всех стран Европы, готовы, когда речь идет о борьбе за мир и за разоружение, к любому диалогу, к любым переговорам, к любым совместным действиям. Мы хотим, чтобы с этой целью все миролюбивые силы объединились. Какими бы ни были наша национальность, наши убеждения, наш образ жизни, мы говорим вам всем, коммунистам, социалистам, социал-демократам, христианам, людям других вероисповеданий: «Мир — это наше общее достояние!»

На последнем хотелось бы остановиться подробнее, так как в наши дни из-за роста международной напряженности и оживления деятельности врагов разрядки еще более возрастает значение сплоченности всех миролюбивых сил.

Общеизвестно, что на верхушке христианских церквей лежит тяжелое бремя ответственности за их поведение в период между двумя мировыми войнами, за то, что они не выступили против фашистских агрессоров.

После второй мировой войны руководители некоторых венгерских конфессий признали свои ошибки, осознав, что народы более всего желают мира. Ныне церкви ВНР стойко поддерживают совместно с церквами других социалистических стран дело мира, выступают за разрядку и разоружение. В частности, сотрудничество русской православной и венгерских церквей привело к успеху целого ряда международных церковных акций в защиту мира. За истекшие годы венгерские религиозные деятели установили широкие зарубежные контакты, активно включились в деятельность всемирных конфессиональных организаций (ватиканских собора и синодов, Всемирного совета церквей, Всемирных союзов реформатов, лютеран и баптистов, Конференции церквей Европы, Всемирного иудаистского конгресса и др.). Вместе с тем необходимо отметить, что всемирные церковные организации еще не в полной мере используют возможности конфессиональных объединений социалистических стран принять более действенное участие в их работе, а когда буржуазная пропаганда клевещет на эти церкви, то ее травля обычно остается без ответа со стороны таких организаций.

Среди деятелей международных религиозных ассоциаций все больше становится таких, которые начинают понимать, что сотрудничество между марксистами и верующими, а также между представителями научного социализма и прогрессивными силами церквей возможно не только в условиях социалистического общества, но и во всемирном масштабе.

В 1951 году в нашей республике было учреждено Государственное управление по делам церквей, работающее под непосредственным руководством Совета Министров. Оно следит за выполнением соглашений, заключенных с церквами и религиозными общинами, осуществляет их субсидирование, разрабатывает законодательство о религиозных культах и обеспечивает его претворение в жизнь, контролирует ход выполнения правительственных постановлений по церковным вопросам, стоит на страже свободы совести и вероисповедания, обеспечивает беспрепятственное отправление церковных функций.

Государственное управление по делам церквей от имени правительства ведет переговоры с различными зарубежными религиозными организациями и деятелями. Мы, например, вот уже полтора десятилетия поддерживаем контакты с Ватиканом, что способствовало урегулированию множества вопросов между государством и католической церковью. Первым этапом этой нормализации было частичное соглашение, заключенное в 1964 году, которое и по сей день успешно служит интересам обеих сторон. Встреча Первого секретаря ЦК ВСРП товарища Яноша Кадара с папой Павлом VI упрочила результаты, достигнутые в процессе нормализации отношений, и обеспечила дальнейшее сотрудничество. Следует отметить также, что подобное урегулирование было осуществлено без установления дипломатических отношений между ВНР и Ватиканом. При этом мы исходим из того, что предпосылкой для решения вопросов, возникающих между социалистическим государством и католической церковью, являются не дипломатические отношения, а взаимные добрые намерения и доверие.

Расширяются наши контакты и с другими международными религиозными организациями, особенно со Всемирным советом церквей, с Конференцией европейских церквей, Всемирными союзами реформатов, лютеран и баптистов, со Всемирным иудаистским конгрессом — короче, со всеми теми конфессиональными ассоциациями, среди руководителей которых растет понимание того, что ради мира на земле необходимо постоянно крепить сотрудничество и взаимопонимание.

Реальности очень важны, и мы должны следить за тем, чтобы и государственные органы, и церкви оставались на почве реальностей, не теша себя каким-либо эмоциональными иллюзиями и не впадая в ностальгию по прошлому. Все свои помыслы мы должны устремлять в будущее, как в национальном, так и в международном плане, ставя перед собой такие цели, которые на первый взгляд могут показаться скромными, но все же обеспечивают последовательное движение вперед.

Сотрудничество марксистов и верующих имеет исторические перспективы. Речь идет о продолжительном процессе, который развивается в соответствии с интересами нашей родины, нашего народа. Сегодня социализм в ВНР — реальная действительность. Построение социалистического общества стало делом всего народа. И то, что партии удалось сплотить нацию на широкой и прочной основе, — большое достижение. Такое национальное единство достигнуто впервые в нашей истории. И одно из его практических проявлений — взаимоотношения, установившиеся между венгерским социалистическим государством и церквами.

г. Будапешт

ПО ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫМ ПРОГРАММАМ

По сообщению газеты «Скынтейя», в текущем учебном году система политпросвещения Социалистической Республики Румынии работает по новым программам, учитывающим разные категории слушателей. Партийные и комсомольские кадры, например, занимаются в 4-годичном политическом университете и на курсах по изучению фундаментальных проблем научного социализма и руководства социалистическим обществом. Коммунисты, работающие в области пропаганды и культуры, учатся по программе, в которой рассматриваются проблемы революционного, патриотического и социалистического воспитания масс и политико-идеологической деятельности РКП.

В рамках этого курса действуют кружки по изучению диалектико-материалистической концепции мира и общества и проблем научно-атеистического воспитания. Они готовят лекторов и пропагандистов, которые будут заниматься научно-материалистическим воспитанием населения.

ЗА РУБЕЖОМ

ДОКТРИНЫ, ДОГМАТЫ, ЖИЗНЬ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СОВРЕМЕННОМ ИСЛАМЕ

А. ИОНОВА,
кандидат исторических наук

МНОГИЕ политические события, развертывающиеся сегодня в ряде стран зарубежного Востока, связаны с исламом. Подавляющее большинство населения этих стран составляют крестьянские и полупролетарские массы — приверженцы этой религии. Религиозные лозунги продолжают оставаться сильным средством воздействия на массы, вовлечения их в различные политические движения. Такая мобилизационная роль мусульманской религии имеет свои важные исторические и социальные причины. Роль эта не однозначна. Под знаменем ислама выступают трудящиеся слои верующих, пробуждающиеся к борьбе в защиту своих интересов. Но под этим же знаменем нередко консолидируются правые силы, прикрывающие религиозными лозунгами и традициями антинародные цели.

Мусульманские теоретики в своих доктринах пытаются объяснить с позиций ислама события общественной жизни, утверждая, что именно в этой религии указаны пути решения всех современных проблем, что только следование заветам Корана может обеспечить прогресс и благоденствие общества.

Исламские социальные доктрины весьма разнообразны и противоречивы, нередко принципиально расходятся между собой, содержат в себе в различной степени и прогрессивные и реакционные элементы. В них можно обнаружить разные подходы к решению проблем общественного развития и прогресса. Одни из них вполне согласуются с типично буржуазными доводами в защиту капитализма, в других отражается недовольство эксплуатируемых масс существующим положением. Естественно, что в подавляющем большинстве случаев это недовольство выступает в форме, далекой и от научного понимания перспектив и методов результативной борьбы в настоящем. На каких бы позициях ни стояли исламские теоретики, все они считают волю Аллаха той силой, которая определяет, направляет, корректирует человеческое бытие. Такова, собственно, логика религиозного мышления, для которого общественная жизнь всегда находится в полной зависимости от божественной воли, и самым в ней важным является отношение человека к богу, а не к людям, предпочтение жизни «небесной» перед «земной». Правда, жизнь часто властно корректирует эти утверждения, обнаруживая ограниченность религиозной идеологии в разрешении актуальных социальных проблем.

Традиционно-ортодоксальные доктрины, провозглашающие неизменность, незыблемость мусульманских принципов, независимость их от истории и, напротив, полную зависимость истории от них, показали свою неспособность решать насущные задачи развивающихся стран. Наряду с этими концепциями появились другие, в которых уже признается связь между развитием общества и переменами в религиозных представлениях. В них обнаруживается более реалистический взгляд на нынешнее место ислама в государстве и обществе. Делиар Нур, видный мусульманский деятель современной Индонезии, ставит, например, такие весьма красноречивые вопросы: «Следует ли мусульманам придерживаться всех основных догматов вероучения во времена модернизации страны? Окажутся ли они в состоянии следовать не только собственно религиозным предписаниям, но также политическим и социальным принципам ислама? Не будут ли они искать выхода на путях трансформации, ограничения роли и функций религии рамками конфессиональной жизни, оставляя вне ее повседневную мирскую деятельность?»

В самой постановке этих вопросов угадывается закономерная тревога богословов. Поэтому многие мусульманские теоретики в решении социальных проблем идут по пути приспособления ислама и его принципов к современным условиям. Если пакистанский публицист А. Х. Мохамедмия видит в мусульманской религии всеобъемлющую доктрину прогресса, то индонезийский экономист Ибрагим Тахер считает, что ее установками следует руководствоваться только в религиозной деятельности. Все более утверждаются воззрения, достаточно трезво учитывающие современную ситуацию, характеризующуюся, в частности, высвобождением отдельных государственно-правовых и социально-экономических систем из-под влияния религии. Отсюда попытки отождествить ислам с неким «этическим кодом», что не может не означать ограничения его роли в общественной жизни. По мнению арабского богослова Мухаммеда Абдурахмана Бейсара, например, ислам являет собой нравственный ориентир продвижения по стезе добра: «Кто верен Аллаху, будет на верном пути».

Во всех без исключения теориях такого рода большое значение придается неукоснительному выполнению религиозных предписаний, особенно касающихся молитвы, поста, хаджа — паломничества, джихада — «священной войны» с неверными. Однако трактуются эти предписания далеко не одинаково. Одни богословы считают молитву защитой от социальных пороков, другие — заповедью, обязывающей мусульман укреплять дружеские связи между собой, третьи — требованием работать на благо общества. Одни рассматривают пост как меру, помогающую пробудить в правоверных чувство братства и сочувствие к бедным, другие — как путь ограничения личных потребностей ради общественных. В паломничестве склонны видеть прямой призыв к «мусульманскому братству», поскольку все, совершающие хадж, одинаково одеты, ведут один и тот же образ жизни и т. д.

Принцип «священной войны» толкуется порой как защита «мусульманского единства» и отстаивание государственной независимости, а иногда даже как борьба за духовное обновление общества. Например, Ахмад Заки Ямани, государственный и мусульманский деятель Саудовской Аравии, предлагает признать и элементы светской морали, но при условии, что они будут корректироваться в духе «божественного волеизъявления». На первый план у него выступают уже не традиционное благочестие и религиозное рвение, а вполне мирские добродетели. В этом смысле показательно выступление малайзийских теоретиков, которые объявили «нищету духа» основной причиной бедности своих соотечественников-единоверцев. Бедняков они призывают следовать примеру пророка Мухаммеда, который был усерден и отважен в возвеличивании ислама. Однако в понятие «духовного богатства» вместе со стремлением к самоусовершенствованию, к знаниям вошли инициатива, уверенность в собственных силах, умение ценить время и знать цену деньгам.

Особенно ярко противоречивость мусульманских социальных доктрин проявилась в подходе к вопросу мусульманского единства в свете умиротворения и примирения различных классов на пути «всеобщей гармонии».

Традиционно-ортодоксальный ислам, который считает религиозные узы важнее всех иных — национальных, классовых и прочих, не может решить задачи национально-государственного строительства, столь важные для развивающихся стран Востока. Многие богословы продолжают отстаивать положение о «дар-уль-исламе» («мире ислама»), связывая с этим догматом создание всемусульманского государства. Суверенные права нации не признает, в частности, пакистанский деятель Маудуди. Рост национального сознания считают причиной всех земных зол Хасан аль Банна — бывший предводитель организации «братьев-мусульман», а также Аш-Шиддики — индонезийский богослов-правовед.

«У мусульман один национализм и этот национализм — ислам», — писал иранский богослов Али Асгар Хикмет.

И тем не менее на первом плане у большинства теоретиков-модернистов стоит «мусульманский национализм» с его апологией государственного суверенитета. Даже понятию «исламская традиция» его идеологи пытаются дать националистическую трактовку, отказываясь от отождествления его с арабской цивилизацией времен пророка Мухаммеда. Для иранских богословов, например, исламская традиция заключается в следовании принципам шиизма.

Идея же «мусульманского единства» претерпела значительные изменения и трактуется по-разному в зависимости от того, какие классовые силы идейно обслуживает та или иная концепция, каково политическое положение в стране, каков там официальный статус ислама и т. д. Допускается разная степень такого единения в области междуна-

родных отношений: от культурно-экономического сотрудничества государств с мусульманским населением до координации их внешнеполитических акций.

При этом одни приверженцы «мусульманского единства» хотят использовать его в борьбе с империализмом, для отражения неоколониалистских посягательств на национальный суверенитет; другие же с помощью этой идеи оправдывают различные сепаратистские выступления, которые зачастую используются империалистическими державами для подрыва солидарности развивающихся стран; третьи на концепции «мусульманского единства» строят разного рода теории об особом пути развития, отличном и от капиталистического, и от социалистического.

Характерно, что, как только исламские теоретики обращаются к социальной проблематике, в их доктринах обязательно находят место вполне светские понятия, термины. Сингапурский профессор С. Х. Алатас выделил три общественные структуры: феодальную, либеральную и социалистическую. При этом «исламская демократия» была провозглашена «социалистической демократией» мусульманского типа, вершиной любого демократического развития. Далеко заходит и модернизация идеалов раннеисламского «золотого века». Так, турецкий публицист Хильми Озген обнаружил «социалистов» и «империалистов» среди окружения пророка Мухаммеда. Некоторые пакистанские, арабские, индонезийские теоретики пытаются обосновать ответственность человека за судьбы мира и за земные дела не только ссылками на положения Корана, но и на соответствующие рассуждения И. Канта, Г. Лейбница и т. д. В поисках того же обоснования они проводят параллели между исламом и персонализмом, суфизмом и экзистенциализмом* и т. д.

И чем дальше продвигается подобное осовременивание социальных исламских доктрин, тем все более невозможно не высказывать отношения к марксистской идеологии, к ее теории классовой борьбы. В последнее время эти вопросы находят место практически во всех концепциях. Теоретики буржуазного толка пытаются отвлечь трудящихся от классовых битв, от реальной борьбы за политическое переустройство. Антикоммунистические выпады, прямая или косвенная фальсификация марксизма сочетаются у них с демагогией, восхваляющей капиталистические порядки, при этом марксизм противоречит исламу, а капитализм — вытекает из него.

Цель таких теорий — возложить на самих трудящихся ответственность за их бедствия, проповедовать «классовый мир и гармонию» во что бы то ни стало. В них разрабатывается «исламская этика бизнеса», согласно которой собственник — «представитель бога», поскольку все на земле принадлежит Аллаху. Ислам, говорят эти теоретики, против эксплуатации, поэтому взаимоотношения труда и капитала у мусульман должны базироваться на религиозном понимании «греха» и «законности», суть которого состоит в следующем: согласно взаимным обязательствам предприниматель должен платить справедливую заработную плату и заботиться о нормальных условиях труда и жизни рабочих, а те в свою очередь обязаны помнить о своей ответственности перед предпринимателем.

Несколько иная позиция у радикально настроенных мелкобуржуазных социологов. Искреннее стремление к социальной справедливости помогло некоторым из них осознать подлинно гуманную и демократическую природу коммунистического учения, что привело их даже к заимствованию отдельных его элементов. Однако очень немногим удается избавиться от религиозно-националистических иллюзий о возможности построения социализма без классовой борьбы. Особенно устойчива идеализация некой надклассовой «исламской демократии» и «исламской экономики». Часто преувеличивается и воздействие мусульманской этики на политику, хозяйственную и общественную жизнь. Однако некоторые радикально настроенные представители интеллигенции начинают осознавать, что подобная идеализация не может решить сложных социально-политических проблем, стоящих перед этими странами. Алжирский публицист Мухаммед абд аль Маджид, например, призывает бороться с консерватизмом и косностью в исламе, с религиозным абскурантизмом, считая выходом из тупиковой ситуации перевод идеологии на единственно научную основу марксистской методологии.

В целом же эволюция современного ислама развивается преимущественно в русле буржуазных и мелкобуржуазных течений. Исламские социальные концепции несут на себе отпечаток классовой и религиозной ограниченности. Поэтому суть таких процессов, как подъем демократического движения, пробуждение политической активности масс, их тенденции и судьбы не получают в этих концепциях правильного, научного объяснения.

Следует с особым вниманием относиться к изучению того, в каком направлении разрабатываются в современных условиях исламские доктрины общественного развития, какова их классовая подоплека, каково соотношение в них прогрессивных и консервативных элементов, каковы объективная роль отдельных концепций и те субъективные устремления и цели, которые с ними связаны. Так, многие радикально настроенные исламские лидеры ратуют за социалистическую будущность своих стран, пытаясь при этом апеллировать к отдельным принципам марксистской теории общественного развития, что свидетельствует о поисках некапиталистических путей его осуществления. Налицо, однако, и попытки мусульманской реакции придать социалистическое звучание своим концепциям.

Пробным камнем выявления подлинной сущности этих концепций всегда остается классовая борьба. Именно ее законы побуждают массы верующих включаться в борьбу за радикальное общественное переустройство, а в этом начало того продвижения от религии к социализму, о котором говорил В. И. Ленин.

---

* Персонализм — направление буржуазной философии, признающее личность высшей духовной ценностью, а весь мир — проявлением творчества высшей личности — бога; экзистенциализм, или философия существования, — близкое к персонализму направление современной философии, разрабатывающее теорию о человеческой личности, условиях ее существования в мире — экзистенции.

Статуя Будды в Бутане можно увидеть повсюду.

«СТРАНА ГРОМОВЫХ ДРАКОНОВ»

С. БУЛАНЦЕВ

«Страна за семью замками», «заоблачное королевство», «последнее государство в Азии без точной географической карты» — так до недавних пор называли королевство Бутан те немногие путешественники, которым удалось побывать в этой таинственной и труднодоступной стране, расположенной на южных склонах Восточных Гималаев.

Впервые нога европейца ступила на бутанскую землю в XVI веке. Но вплоть до самого последнего времени это королевство оставалось для всего мира «белым пятном». Говорят, что когда советские ученые сфотографировали обратную сторону Луны, то о спутнице

Земли стало известно больше, чем знали в то время о Бутане. Лишь в наши дни появление чужеземца почти перестало удивлять бутанцев. И тут оказалось, что эта малоисследованная страна необыкновенно щедра на сюрпризы. Так, в 60-х годах зоологи обнаружили в джунглях Южного Бутана новую породу обезьян и стада оленей шу, которые считались исчезнувшими. Трудно сказать, какие открытия ждут зоологов, этнографов, ботаников и других ученых в наиболее труднодоступных уголках этого заповедного края.

Можно назвать, пожалуй, две причины многовековой замкнутости и оторванности Бутана от остального мира: географическое пложение и политика самоизоляции, которую в течение долгого времени проводили его правители. Европейцы допускались сюда только по личному приглашению короля или кого-либо из членов его семейства. От нежелательных гостей страна отгорожена высокими горами, заснеженными хребтами, труднопроходимыми перевалами. Путнику, который до недавних пор отваживался на путешествие в Бутан, предстояло, начиная от индийской границы, в течение недели, а то и двух верхом на муле, яке или пешком карабкаться по узким, нависшим над пропастью тропам, преодолевать бурные горные потоки, рисковать попасть под камнепады или снежные обвалы.

Бутан — страна климатических контрастов, которые тем более разительны, что территория его сравнительно невелика — около 50 тысяч квадратных километров (примерно наш Дагестан). Долины и каньоны ее южной части — «дуары» или «двары» представляют собой густые тропические леса. Мощная стена Гималаев надежно прикрывает этот край от холодных северных ветров. Зимы тут в привычном для европейцев смысле не бывает — ртутный столбик и в январе редко опускается ниже 20 градусов тепла. Летом сюда устремляются влажные ветры с Индийского океана. Охлаждаясь в предгорьях Гималаев, они низвергаются муссонными дождями. Количество осадков в «дварах» достигает 5000 миллиметров в год, причем 90 процентов из них выпадает летом.

Муссон в Бутане — это не дождь в нашем привычном понимании, а сплошной поток воды, в котором человек часто не в состоянии увидеть пальцы собственной вытянутой руки. Время муссонов — самый тяжелый и неприятный для населения период. Продолжающиеся днем и ночью ливни препятствуют всякой хозяйственной деятельности. Скорпионы, змеи, ящерицы, фаланги, огромные муравьи и другие малосимпатичные обитатели влажных тропиков в поисках сухого уголка устремляются в жилища бутанцев. Это одна из причин того, почему жители «дваров» строят дома на сваях, довольно высоко от земли. Свой край они называют Друк-юл — «страна громовых драконов». Это название объясняют тем, что тропические ливни обычно сопровождаются громом и молниями. Кстати, мифический дракон грома изображен и на гербе королевства, и на государственном флаге страны.

Центральный Бутан — ряд вытянутых с севера на юг параллельных хребтов, перемежаемых плодородными долинами, по которым текут быстрые полноводные реки. В одной из таких долин, расположенной на высоте 2500 метров, находится столица страны — Тхимпху, город с населением более 10 тысяч человек, построенный в традиционном тибетском стиле. В этих долинах и на склонах окружающих гор живет большинство населения страны, насчитывающее примерно миллион 300 тысяч человек. В основном это бхотии, по внешнему виду, языку и культуре очень близкие к тибетцам. Природа центрального Бутана определяет и род занятий его обитателей. Большинство их заняты в сельском хозяйстве. В речных долинах возделывается главным образом рис, а на склонах гор — пшеница, гречиха, ячмень, картофель.

Северный Бутан с его обширными альпийскими лугами — главный скотоводческий район страны. Население тут разводит яков, овец и коз. Як — наиболее распространенное домашнее животное. Он дает густую длинную шерсть, которая идет на изготовление теплых тканей, а его жирное молоко не только пьют, но и делают из него сыр и масло. Нарезанное длинными полосками и высушенное на солнце мясо яков дополняет в основном вегетарианский рацион бутанцев. На узких горных тропинках як — незаменимое средство передвижения и транспортировки грузов.

В сельском хозяйстве Бутана еще царят феодальные порядки. Робкие попытки аграрных преобразований наталкиваются на сопротивление крупных землевладельцев. Железный плуг до сих пор не знаком большинству крестьян, пашут они в основном деревянными сохами.

Рабочего класса как такового здесь еще нет, как, впрочем, нет и узкой специализации. В каждой семье есть свои каменщики и кузнецы, чеканщики и ткачи.... Не порывая с основным, крестьянским, трудом, они, в зависимости от хозяйственных потребностей семьи или деревни, выполняют ту или иную работу, вплоть до изготовления бумаги. Весьма развиты художественные промыслы — чеканка по серебру, меди и бронзе, изготовление холодного оружия, инкрустированного полудрагоценными камнями, предметов культа и домашнего обихода.

Жизнелюбивые, не склонные к унынию бутанцы считают, что главное — хорошее настроение и тогда любая работа будет спориться. Они — ко всему еще и замечательные строители. Обычно дом тут состоит из трех этажей. На первом держат домашний скот, на втором располагаются жилые помещения, на третьем — кладовая для хранения продуктов. Как правило, жилища украшаются затейливой резьбой по дереву, кстати поразительно напоминающей ту, что издревле была свойственна русскому деревянному зодчеству.

Не будет преувеличением сказать, что жизнь каждого бутанца от рождения до смерти определяется канонами северной ветви буддизма — ламаизма. Слово «лама» по-тибетски означает «высший, небесный». Ламаизм провозгласил ламмонахов непогрешимыми и призывает верующих во всем следовать их наставлениям как представителям Будды на земле.

В Тибете, Гималаях и в других местах господства ламаизма практически каждая семья имеет своего ламу-наставника. В Бутане это вероучение сохранилось в первозданном виде. По некоторым данным, здесь, а также в отдельных районах Тибета и Гималаев ламы составляют до 15 процентов всего населения, то есть почти каждый второй взрослый мужчина в этих местах — монах, не занимающийся производительным трудом. По сложившейся традиции, каждая семья — а в ней обычно до 10 и более детей — отдает одного из сыновей в монахи. Содержание огромного количества лам ложится тяжким бременем на население.

Каждое утро бутанские деревни просыпаются под звуки трехметровых труб, барабанов и музыкальных раковин, которые доносятся из близлежащего монастыря. Музыка занимает важное место в ламаистском культе: ею сопровождаются и ритуальные пляски, и богослужения-мистерии. Ламы танцуют в красочных масках, символизирующих силы добра и зла. Это целое представление, изображающее вечную борьбу двух начал — светлого и темного. В конце пляски добродетель торжествует, зло наказано и повержено, на какое-то время воцаряются мир и справедливость.

Огромное эмоциональное воздействие на верующих оказывают и театрализованные шествия лам. Одна из наиболее красочных процессий такого рода — «круговращение Майтреи», прихода которого буддисты всегда ожидают, веря в него как в мессию, грядущего Будду. Эта церемония устраивается летом при огромном стечении народа. Ламы выносят статую Майтреи из храма, водружают ее на колесницу, а затем движутся с ней вокруг него, что символизирует объезд мессией всей земли.

Ламаизм предельно упростил для верующих — в Тибете и Бутане они почти сплошь неграмотные — порядок повседневных молитв. В монастырях и храмах устанавливаются молитвенные барабаны-хурдэ — полые деревянные цилиндры, куда закладываются бумажки с текстами молитв. Когда верующий вращает его за ручку, считается, что он читает заложенные туда молитвы. Еще более простой способ общения с богами — шесты с флажками, установленные возле жилищ. На флажках тоже написаны молитвы, а когда ветер колышет их — считается, что мольба верующего дошла до цели.

Центрами ламаистского культа в Бутане служат дзонги («град, крепость») — по сути, города, обнесенные на случай вражеского нашествия толстыми высокими стенами из глины, каменных плит и камней. Внутри непременно находятся монастырь, храмы, гостиница для паломников, жилища для слуг и мастеровых, продовольственные склады. В дзонги собирается самый разнообразный люд: крестьяне из близлежащих деревень, сдающие сюда зерно, овощи, мясо, молоко; повара, которым надо накормить несколько сот монахов; строители, возводящие новые сооружения. В случае необходимости в дзонге могут укрыться одновременно несколько тысяч человек. Сюда же собираются деревенские старосты на административные и прочие совещания. У стен дзонгов по воскресеньям шумят многолюдные базары, где идет в основном меновая торговля: деньги в Бутане введены сравнительно недавно, и его население пока относится к ним с изрядным недоверием.

Большой интерес для востоковедов представляют монастыри, в которых хранятся многочисленные древние рукопи-

В 1949 году Бутан подписал с Индией договор, в соответствии с которым королевство передало вопросы своей внешней политики и обороны в ведение индийского правительства. Эти меры были необходимы, чтобы обезопасить маленькую, слабую страну от непрерывных происков агрессивного северного соседа. Обстановка в Гималаях осложняется еще и тем, что в качестве союзника Китая выступает американский империализм. По свидетельствам иностранной прессы, пекинская агентура сотрудничает тут со спецслужбами США. Первоочередная их цель в этом регионе — добиться расторжения индийско-бутанского договора и вовлечь Бутан в орбиту своей совместной стратегии на азиатском континенте.

Во многих бутанских семьях отдают младших сыновей в монахи уже сызмальства. На снимке — семилетние ламы.

В столице Бутана — г. Тхимпху.

Ламы-музыканты.

Фото А. Шальнева.

си. Они могли бы многое рассказать о становлении Бутана как государства, помогли бы раскрыть загадки, окружающие Гималаи и прилегающие районы. Однако монахи не допускают посторонних к этим сокровищам.

Вообще бутанские монастыри можно назвать музеями, часто не уступающими по количеству и ценности экспонатов многим хранилищам Европы. Кроме древних манускриптов, здесь собраны многочисленные памятники материальной культуры минувших эпох: керамические сосуды и вазы с росписью на светские и религиозные темы, отлитые из бронзы фигуры божеств, величественные статуи из камня, ювелирные изделия, чеканка по меди и серебру... Но наиболее ценное достояние каждого монастыря — танки — огромные, в десятки квадратных метров красочные панно на сюжеты из жития многочисленных будд. Их извлекают из монастырских хранилищ лишь раз в год, на восходе или закате солнца: иначе от его ярких лучей могут поблекнуть золотое шитье и краски, а от дневной жары испортится ткань. Благодаря такому бережному отношению танки сохраняются сотни лет.

Важное стратегическое положение Бутана на путях из глубинных районов Тибета к побережью Бенгальского залива веками привлекало многочисленных завоевателей. В прошлом сюда не раз вторгались войска тибетских правителей, а затем к нему стали подбираться англичане. После англо-бутанской войны 1864—1865 годов они навязали стране кабальный договор, по существу ставивший ее под британский протекторат. Но британская колониальная империя развалилась, и вот в середине нашего столетия к Бутану устремили алчные взоры современные последователи китайских мандаринов, которые с давних пор заявляли о своих «исторических правах» на эту территорию, впрочем, как и на земли многих других суверенных государств.

Вековая изоляция горного королевства от внешнего мира, которую его правители считали лучшей гарантией сохранения независимости, по сей день сказывается на жизни его граждан и всем хозяйственном укладе страны. Реальная власть в ней до сих пор находится в руках феодальной знати и ламаистской теократии. Все решения, несмотря на существование парламента — Цонгду, пока еще принимаются буддистскими бонзами, сосредоточившими в своих руках светскую и духовную власть. И тем не менее XX век шаг за шагом вторгается в этот заповедник ламаизма и средневековья.

Знаки перемен и новых веяний здесь теперь можно уже встретить повсеместно, разумеется за исключением отдаленных и труднодоступных районов. Эти первые шаги в строительстве новой жизни, в создании новых общественных укладов связаны прежде всего с той многогранной помощью, которую Бутану оказывает Индия. Сегодня достаточно нескольких часов, чтобы от ее границы добраться до бутанской столицы Тхимпху по великолепной шоссейной дороге, построенной индийскими инженерами. Она дала мощный толчок экономическому развитию страны.

Начало экономического сотрудничества между двумя соседними государствами восходит к 1958 году, когда Тхимпху посетил премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Вскоре было заключено соглашение о строительстве первой электростанции, а также достигнут целый ряд других договоренностей. Сейчас электрифицированы многие крупные населенные пункты Бутана, создана сеть дорог, связавших основные внутренние районы. Вплоть до недавнего времени здесь не было ни одной светской школы, а сейчас их около двухсот. С помощью Индии построено 10 больниц и 30 диспансеров. В 1971 году Бутан был принят в ООН. Выход из многолетней изоляции позволил его народу осознать национальную самобытность, пробудил интерес к изучению своей древней культуры. С этой целью, кстати, несколько лет назад близ Тхимпху был создан Институт развития национальной культуры и языка.

Однако доброжелательным, гостеприимным, щедрым на добро и улыбку бутанцам предстоит преодолеть еще множество трудностей на пути из средневековья в XX век. Пока что большинство из них весьма далеки от ставших для нас привычными достижений современной цивилизации, хотя в Тхимпху теперь можно встретить вышедшего из кинотеатра в европейском костюме молодого человека, садящегося на японский мотоцикл. Зато бутанцам присуще замечательное чувство органического единства и гармонии с окружающей природой, которого так недостает нам, людям последней трети XX века. Так пусть же на своем пути к знаниям и прогрессу они сумеют сохранить это прекрасное качество.

Новинки Литературы

М. П. Гапочка. МАТЕРИАЛИЗМ ПРОТИВ ФИДЕИЗМА. М., Политиздат. 1980, 191 стр., 55 000 экз., 45 коп.

Автор книги на большом современном материале показывает, что принципы критики фидеизма, выработанные В. И. Лениным, полностью сохраняют свою актуальность в наши дни. В книге раскрывается природа современного фидеизма, тесная связь идеалистической философии наших дней с религиозной идеологией, анализируются современные наукообразные формы теологии и «культурного фидеизма».

В. А. Кувакин. РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ В РОССИИ. М., «Мысль». 1980, 309 стр., 17 500 экз., 1 руб. 20 коп.

Монография представляет собой исследование по истории религиозной философии в России начала XX в. В книге критически анализируются взгляды главных представителей богоискательства и «нового религиозного сознания» (В. Розанова, Д. Мережковского, Н. Бердяева, С. Булгакова, Л. Шестова), выявляются закономерности эволюции религиозного идеализма к крайним формам иррационализма.

Ю. К. Субботин. ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТИ В НЕОТОМИЗМЕ. М., «Мысль». 1980. 126 стр., 10 000 экз., 50 коп.

В работе анализируется малоисследованная в нашей литературе аксиологическая концепция неотомизма — одного из влиятельных течений современной буржуазной философии.

Автор показывает, как идеи Фомы Аквинского о благе и зле применяются неотомистами в антропологии и философии морали, критически рассматривает неотомистскую концепцию ценности, развиваемую Ж. Маритеном, Э. Жильсоном, Ж. Леклерком и другими католическими теологами и философами, являющуюся основой для разработки социально-этической доктрины католицизма, которую Ватикан пытается противопоставить марксистскому учению об обществе. В книге изложен марксистский подход к проблеме ценности.

Г. А. Шпажников. РЕЛИГИИ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ. Справочник. М., «Наука». 1980, 247 стр., 11 000 экз., 1 руб.

В справочнике приводятся данные о распространении в странах Юго-Восточной Азии религий, религиозных групп и сект, миссионерских организаций и орденов. В книгу включены сводные статистические таблицы и списки религиозных организаций, а также карты распространения основных религий и религиозных групп.

■

Н. Я. Иванова. ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СМЫСЛА БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА. Киев, «Наукова думка». 1980, 187 стр., 1 900 экз., 1 руб. 60 коп.

В. В. Каргалов, А. А. Шамаро. ПОД МОСКОВСКИМ СТЯГОМ (к 600-летию Куликовской битвы). М., «Московский рабочий». 1980, 109 стр., 50 000 экз., 20 коп.

«КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?» Киев, Политиздат, 1980, 141 стр., 60 000 экз., 25 коп. (Сборник документально-публицистических очерков и статей, развенчивающих религиозный экстремизм.)

В. Ларичев. ПЕЩЕРНЫЕ ЛЮДИ. Рассказы о первобытных художниках, магах, волшебниках, звездочетах и мыслителях. Новосибирск, Западно-Сибирское книжн. изд-во, 1980, 222 стр., 50 000 экз., 45 коп.

Т. М. Михайлов. ИЗ ИСТОРИИ БУРЯТСКОГО ШАМАНИЗМА (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск, «Наука», 1980, 320 стр., 3 100 экз., 1 руб. 90 коп.

А. А. Рыбаков. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОЛОГДЫ XIII — НАЧАЛА XX ВЕКА. Л., «Художник РСФСР», 1980, 315 стр. с илл., 20 000 экз., 21 руб. 40 коп.

В. А. Стояло. КРИТИКА ФАЛЬСИФИКАЦИИ КАТОЛИЧЕСКИМИ ИДЕОЛОГАМИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА. Киев, «Вища школа», 1980, 215 стр., 1 500 экз., 1 руб. 80 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

И. Б. Акулов, О. П. Малюк. Современное униатство — оружие антикоммунизма. «Научный коммунизм», 1980, № 1, стр. 112—119.

А. Алексеев. Исламская конференция в Ташкенте. «Азия и Африка сегодня», 1980, № 12, стр. 23.

А. Белов. Миф о «религиозном ренессансе» в СССР. «Аргументы и факты», 1980, № 22, стр. 22—25.

Б. Т. Григорьян. Рецензия на кн.: А. И. Клибанов. Народная социальная утопия в России. XIX век. «История СССР», 1980, № 6, стр. 171—174.

«Как США «защищают» ислам». «Аргументы и факты», 1980, № 22, стр. 23—25.

А. Курантов. Вера в судьбу: мифы и реальность. «Слово лектора», 1980, № 12, стр. 26—31.

Б. Н. Путилов. Земледельческий труд — обряды, мифология, фольклор (по материалам Новой Гвинеи). В кн.: «Ранние земледельцы. Этнографические очерки». Л., 1980, стр. 158—177.

Д. С. Раевский. Эллинские боги в Скифии (к семантической характеристике греко-скифского искусства). «Вестник древней истории». М., 1980, № 1, стр. 49—71.

«Религия в странах Азии и Африки». «Народы Азии и Африки», 1980, № 1, стр. 40—54.

Н. В. Рябушкин. Атеистическое воспитание студентов медицинских вузов. «Советское здравоохранение», 1980, № 1, стр. 43—47.

Ю. И. Семенов. О сущности религии. «Советская этнография», 1980, № 2, стр. 49—63.

М. Ф. Трояновский. Рецензия на кн.: П. Г. Гопченко. Критика религиозных концепций о «конце мира». Социальные истоки и идейная сущность христианской эсхатологии. «Философские науки», 1980, № 5, стр. 187—188.

Д. М. Угринович. О марксистском понимании религии. «Советская этнография», 1980, № 1, стр. 66—71.

З. В. Харатян. Традиционные демонологические представления армян (по материалам семейного быта XIX — начала XX в.). «Советская этнография», 1980, № 2, стр. 103—116.

ВОТ ТАК С КОСМИЧЕСКИХ ВЫСОТ выглядит наша планета. Она необычайно красива и богата оттенками красок, особенно хороши космические зори. Таким увидели ночной горизонт Земли в 1976 году В. Быковский и В. Аксенов. Они же привезли диапозитив, рассказывающий о космическом обеде. «Дежурный по кухне» В. Аксенов уже накрыл стол: мясные консервы, хлеб, тубы с кофе — пора приглашать к столу В. Быковского.

Хорошо отдыхать, слушая музыку: на космической станции оборудован «музыкальный уголок» (фото 1979 г.), вспоминаются друзья, родные и близкие. Даже в длительном полете космонавты не оторваны от Земли, от ее забот, увлечений, волнений. Политические события, экономическая и культурная жизнь страны, спортивные страсти — все горячо интересует обитателей орбитальной станции. На Земле идет матч на звание чемпиона мира по шахматам. Каковы шансы соперников? Как там наш Толя Карпов? Экипаж комплекса разбирает одну из партий (1979 г.).

Но «потехе час, а делу — время» — работа не ждет, ее очень много, и важной: О. Макаров проводит медицинские исследования. А вот на орбите действует первое почтовое отделение: Ю. Романенко, А. Губарев, Г. Гречко, В. Ремек. Филателисты всего мира ждут конверты и марки с уникальным космическим гашением, нужно порадовать их (1978 г.).

Несколько мгновений из жизни космонавтов на орбите, всего несколько мгновений, но как емко информируют они нас: в необычных, чрезвычайно сложных, героических условиях полета советские люди занимаются и необычной работой — космической, и делами для Земли, и совсем будничными делами — земными.

Фотохроника ТАСС.

● Как прекрасен этот мир, убеждаешься только на том свете.

● А если святая простота — от лукавого?

● Сотворив человека, кому бог создал больше трудностей — ему или себе?

● За гадание на кофейной гуще требовал чаевых.

● Даже дыша на ладан, можно курить фимиам.

● Эпитафия: «Не стой над душой».

Валерий ВОРОНЦОВ

г. Тольятти Куйбышевской области

● «По образу и подобию своему», — не с этого ли началась стандартизация?

Александр ДОМОВЕЦ

Волгоград

● Парадокс: бог создал человека за день, а человек создавал бога веками.

● На блестящего проповедника больно смотреть.

Григорий ПОДОЛЬСКИЙ, Борис ШАПИРО

г. Винница

● Вечерняя молитва — отчет богу о прегрешениях за день.

● Когда молчат свидетели, создаются мифы.

● Там, где молебен заказывает лицемерие, — честность на паперти.

Борис ЛЕСНЯК

Сдано в набор 19. 01. 81.
Формат издания 60×90/8.
Подписано к печати 26. 02. 81.
А 10328.
Глубокая печать.
Условных печатных листов — 8,0
Кр. отт. — 9,0
Учетно-издательских листов — 13,06
Тираж 430 000 экз.
Зак. 0255.

Адрес редакции:
109004, Москва, Ж-4
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.

Ордена Ленина
комбинат печати
издательства «Радянська Україна»
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Цена 30 коп.
70602

В следующем номере

«ЧТИ ОТЦА СВОЕГО»

— продолжение документальной повести Н. Данилова о поисках отца, пропавшего без вести в начале Великой Отечественной войны.

ЗАЖЕЧЬ ЗЕМНОЕ СОЛНЦЕ

О проблемах управляемого термоядерного синтеза, исследовании глубинных свойств материи, поведении вещества в экстремальных условиях статья академика Б. Кадомцева, директора Отделения физики плазмы Института атомной энергии им. И. В. Курчатова.

РЫЦАРЯМИ НЕОТЛОЖНОЙ ПОМОЩИ

назвал работников экстренной медицинской службы журналист А. Черняховский. Его репортаж посвящен гуманной работе выездных бригад кардиореаниматоров, ее смыслу и значению.

ОПЕРАЦИЯ «И»

Разоблачение преступников, грабивших сельские церкви, — тема очерка Я. Шестопала и Л. Южакова.

О СТАРИННЫХ ЛЕГЕНДАХ УЛЬЧЕЙ,

переложенных на язык танца хореографом Петром Дечулей, вы узнаете из очерка Алины Чадаевой.

«НОВА ЦЕСТА» —

это новый иллюстрированный ежемесячник, выходящий в Братиславе.

СНОВА ОБЕЗЬЯНЬИ ПРОЦЕССЫ?

О новой волне гонений на теорию происхождения видов Чарлза Дарвина, развязанных консервативно-клерикальными кругами США.